

Мелисса де ла Круз

Маскарад

Annotation

Нью-Йорк, наши дни. Измена проникает в ряды бессмертного племени вампиров Голубой крови. Кто-то с помощью запретного заклинания вызвал к жизни страшнейшего из вампиров Тьмы, и теперь отщепенцы из клана Серебряной крови, нарушители священных обетов, могут обрести реальную власть над всем вампирским сообществом. Вампир-полукровка Шайлер вал Ален и ее дед, могущественный вампир Тедди Неумирающий, единственные, кто может противостоять угрозе. Впервые на русском! Новая книга сериала, разошедшегося миллионными тиражами!

- [Мелисса де ла Круз](#)

- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)

- [ГЛАВА 26](#)
  - [ГЛАВА 27](#)
  - [ГЛАВА 28](#)
  - [ГЛАВА 29](#)
  - [ГЛАВА 30](#)
  - [ГЛАВА 31](#)
  - [ГЛАВА 32](#)
  - [ГЛАВА 33](#)
  - [ГЛАВА 34](#)
  - [ГЛАВА 35](#)
  - [ГЛАВА 36](#)
  - [ГЛАВА 37](#)
  - [ГЛАВА 38](#)
  - [ГЛАВА 39](#)
  - [ГЛАВА 40](#)
  - [ГЛАВА 41](#)
  - [ГЛАВА 42](#)
  - [ГЛАВА 43](#)
  - [ГЛАВА 44](#)
  - [ГЛАВА 45](#)
  - [ГЛАВА 46](#)
  - [ГЛАВА 47](#)
  - [ГЛАВА 48](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
-

Мелисса де ла Круз

МАСКАРАД

*Мы так привыкли притворяться перед
другими, что под конец начинаем притворяться
перед собой.*

*Франсуа де Ларошфуко (Перевод Э.
Линецкой).*

*...тот, кем я был, становится чем-то иным...
Тень отброшена.*

«Баухаус», альбом «Маска».

ГЛАВА 1

Площадь Сан-Марко заполнили голуби. Сотни голубей — толстые, серые, коренастые, молчаливые — клевали оброненные беззаботными туристами кусочки слоеных булочек и хлебные крошки. Был полдень, но солнце пряталось за тучами, и на город опустилась мрачная пелена. Пустые гондолы выстроились вдоль причалов. Гондольеры в полосатых рубашках стояли, опираясь на весла, и ожидали клиентов, а те все не шли. Начался отлив, и на фасадах зданий стали видны темные пятна на том уровне, куда вода доходила во время прилива.

Сидевшая в кафе Шайлер ван Ален примостила локти на шаткий столик и подперла голову так, что подбородок ее спрятался в высоком воротнике «хомут» слишком большого для нее свитера. Шайлер была вампиром, Голубой кровью, последней из ван Аленов — некогда видного нью-йоркского семейства, влиянию и щедрости которых Манхэттен был обязан своим нынешним видом.

В былые времена имя ван Аленов было синонимом могущества, привилегированного положения в обществе и меценатства. Но та пора давно минула, и за прошедшие годы финансы семьи истаяли. Шайлер привычнее было экономить каждый цент, чем швырять деньги в дорогих магазинах. Ее наряд — черный свитер длиной почти до колен, подрезанные и обтрепанные леггинсы, армейская куртка и поношенные мотоциклетные ботинки — весь был куплен в секонд-хенде.

На любой другой девушке этот небрежный ансамбль смотрелся бы так, словно она подобрала выброшенное каким-нибудь бродягой, но на Шайлер он казался королевским одеянием, и в сочетании с ним ее милое личико в форме сердечка выглядело еще более привлекательным. Шайлер была сногшибательно красива: нежная молочно-белая кожа, глубоко посаженные синие глаза и пышные волосы цвета воронова крыла. И красота ее делалась еще неотразимее, когда девушка улыбалась, хотя этим утром ей было не до улыбок.

— Ну, выше нос, — сказал Оливер Хазард-Перри, поднося к губам чашечку с эспрессо. — Что бы ни случилось — ну, или не случилось, — но мы получим свой небольшой перерыв. А этот город

великолепен. Ну, признай — ведь находиться в Венеции куда приятнее, чем торчать в химической лаборатории.

Оливер был лучшим другом Шайлер еще с самого детства — долговязый красивый юноша, улыбчивый, с копной непослушных каштановых волос и теплыми карими глазами. Он был наперсником Шайлер, соучастником проделок и, как она узнала не столь давно, ее проводником — человеком, в силу традиции исполняющим при определенном вампире роль помощника и левой руки, с позиции возвышенного рабства. Именно стараниями Оливера Шайлер сумела так быстро попасть из Нью-Йорка в Венецию. Он уговорил своего отца, и тот позволил им сопровождать его в деловой поездке по Европе.

Несмотря на бодрый тон Оливера, Шайлер осталась мрачна. Шел последний день их пребывания в Венеции, а они так ничего и не нашли. Завтра они улетят обратно в Нью-Йорк с пустыми руками. Путешествие оказалось совершенно безрезультатным.

Девушка принялась отдирать этикетку от своей бутылки «Пеллегрино», осторожно, так, чтобы та превратилась в длинную тонкую полоску зеленой бумаги. Шайлер не желала быстро сдаваться.

Почти два месяца назад на бабушку Шайлер, Корделию ван Ален, напал кто-то из Серебряной крови, смертельных врагов вампиров Голубой крови. Шайлер знала от Корделии, что Серебряная кровь, как и Голубая, — это падшие ангелы, приговоренные к проведению своей бессмертной жизни на земле. Однако же представители Серебряной крови, в отличие от голубокровных, поклялись в верности изгнанному Князю небес, самому Люциферу, и отказались подчиняться кодексу вампиров, строгим этическим правилам, которые, как надеялись вампиры Голубой крови, должны были помочь им со временем вернуться в рай.

Корделия была официальным опекуном Шайлер, которая не знала своих родителей: отец умер еще до ее рождения, а мать вскоре после родов впала в кому. Корделия держалась с внучкой холодно и отстраненно, но она была единственной родственницей Шайлер, и та, как бы то ни было, любила бабушку.

— Она была уверена, что он должен быть здесь, — сказала Шайлер, мрачно кидая крошки голубям, собравшимся у их столика.

Девушка повторяла это с самого их приезда в Венецию.

Нападение твари Серебряной крови отняло у Корделии много сил, но, прежде чем бабушка Шайлер, угаснув, перешла в пассивную стадию — принадлежащие к Голубой крови были бессмертны и постоянно возрождались, — она убедила внучку в том, что ей крайне необходимо отыскать ее пропавшего деда, Лоуренса ван Алена. Корделия была уверена, что именно в нем кроется ключ к победе над Серебряной кровью. Перед кончиной бабушка велела Шайлер отправиться в Венецию и прочесать ее кривые улочки и извилистые набережные каналов в поисках Лоуренса.

— Но мы искали повсюду. Никто здесь и слыхом не слыхал ни о Лоуренсе ван Алене, ни о докторе Джоне Карвере, — со вздохом произнес Оливер, напоминая о множестве предпринятых ими попыток: они наводили справки в университете, в баре «Гарри» в «Киприани» и во всех отелях, виллах и пансионах, расположенных между этими двумя точками.

Имя Джона Карвера Лоуренс носил во времена основания Плимута.

— Да знаю... Мне начинает казаться, что его никогда и не существовало, — отозвалась Шайлер.

— Может, она ошиблась? Или слишком ослабела и уже плохо соображала, когда объясняла, куда тебе следует отправиться? — предположил Оливер. — Пойди туда, не знаю куда...

Шайлер обдумала этот вариант. Возможно, Корделия ошиблась, а возможно, Чарльз Форс, глава Голубой крови, оказался, в конце концов, прав. Но потеря бабушки очень сильно повлияла на Шайлер, и девушка была преисполнена лихорадочной решимости осуществить последнее желание Корделии.

— Я не могу так думать, Олли. Если допущу такое предположение, то сдамся. Я должна его найти. Должна найти моего деда. Мне слишком больно думать о том, что тогда сказал Чарльз Форс...

— А что он сказал? — поинтересовался Оливер.

Шайлер упоминала о разговоре, который состоялся между ней и Чарльзом перед отъездом, но без подробностей.

— Он сказал...

Шайлер закрыла глаза и вспомнила их полную напряженности встречу.

Она пришла тогда в больницу к матери. Аллегра ван Ален, женщина, остановившаяся между жизнью и смертью, была прекрасна и далека, как всегда. Она впала в состояние кататонии вскоре после рождения дочери. Шайлер не удивилась, обнаружив у постели матери другого посетителя.

Чарльз Форс стоял у кровати на коленях, но при виде Шайлер быстро поднялся и вытер глаза.

На миг Шайлер пожалела его. Всего лишь месяц назад она считала Чарльза воплощением зла и даже обвинила его в принадлежности к Серебряной крови. Но она промахнулась.

Чарльз Форс, он же Михаил, Чистый Сердцем, был одним из архангелов, добровольно отправившихся в изгнание с небес, дабы помочь своим братьям, низвергнутым во время мятежа Люцифера и обреченным жить на земле в качестве Голубой крови. Вампир по выбору — не по греху. А вторым таким вампиром была мать Шайлер, Аллегра ван Ален — Габриэлла, Чистая, Добродетельная. История Михаила и Габриэллы была долгой и запутанной. Эту двойню связывали узы крови, и в этом цикле они родились братом и сестрой.

Все представители Голубой крови были связаны обетом бессмертия, но Габриэлла отреклась от этого обета и взяла в мужа отца Шайлер, своего человека-фамильяра, Красную кровь.

— Ты знаешь, почему твоя мать пребывает в коме? Или почему она предпочла впасть в кому? — спросил Чарльз.

Шайлер кивнула.

— После смерти моего отца она поклялась никогда больше не брать другого фамильяра. Корделия сказала, это случилось потому, что она сама хотела умереть.

— Но умереть она не может. Она — вампир. Потому она жива, — с горечью произнес Чарльз. — Если это можно назвать жизнью...

— Таково было ее решение, — ровным тоном ответила Шайлер.

Ей не понравилось прозвучавшее в словах Чарльза осуждение.

— Решение! — произнес, словно ругательство, Чарльз. — Романтический каприз и ничего более! — Он повернулся к Шайлер.

— Я слышал, ты собираешься в Венецию.

Шайлер кивнула.

— Мы уезжаем завтра. Искать моего дедушку, — заявила она.

«Нам ведомо, что дочь Габриэллы принесет нашему роду спасение, которого мы взыскуем, — сказала ей бабушка. — Только твой дедушка знает, как победить Серебряную кровь. Он поможет тебе».

Корделия рассказала, что на протяжении всей их истории вампиры Серебряной крови охотились на представителей Голубой крови, поглощая их кровь вместе с их воспоминаниями. Последние известные случаи нападений происходили в Плимуте, когда вампиры переселились в Новый Свет. Четыре столетия спустя в Нью-Йорке, когда Шайлер пошла на второй курс старшей школы, нападения возобновились. Первой жертвой стала их соученица по элитной школе Дачезне, Эгга Карондоле. Вскоре после смерти Эгги количество жертв возросло. Что особенно беспокоило Шайлер — все убитые принадлежали к Голубой крови и были подростками, захваченными в их самом уязвимом периоде жизни, между пятнадцатью и двадцатью одним годом, когда они еще не полностью овладели пробудившимися способностями.

— Лоуренс ван Ален — изгнанник, — заявил Чарльз Форс, магнат со стальными глазами. — Ты не найдешь в Венеции ничего, кроме переживаний и неприятностей.

— Мне все равно, — буркнула Шайлер, не поднимая глаз. Она зажала подол свитера в кулаке и принялась крутить его. — Вы все равно отказываетесь признать, что Серебряная кровь вернулась. А уже слишком многие из нас погибли.

Последнее убийство произошло вскоре после похорон бабушки. Саммер Амори, в прошлом году получившая титул лучшей дебютантки года, была найдена в своем пентхаусе в небоскребе «Башня Трампа» полностью обескровленной. Худшим в Серебряной крови было не то, что они несли смерть — о нет! — они несли судьбу, что было хуже смерти. Кодекс вампиров строго-настрого запрещал проводить церемонию Оскулор, священное целование — то есть питье крови — над себе подобными. Церемония была регламентированным ритуалом со строгими правилами. Жестоко обращаться с людьми или выпивать их полностью запрещалось.

Но Люцифер с его легионами обнаружили, что если свершить целование не над человеком, а над вампиром, то это придает могущества. Красная кровь содержала жизненную силу всего одного существа, а Голубая кровь была более сильной, ибо заключала в себе бесконечный кладезь знаний. Представители Серебряной крови поглощали кровь и жизнь другого вампира, выпивая его до полного исчезновения и превращая в раба в безумном сознании. По сути, любой вампир Серебряной крови был многими существами, заключенными в одной оболочке. Мерзостью.

Чарльз Форс нахмурился сильнее.

Серебряная кровь была изгнана. Это невозможно. Произошедшее имеет другое объяснение. Комитет ведет расследование...

— Комитет бездействует! И будет продолжать бездействовать! — возразила Шайлер.

Она знала историю, за которую упорно цеплялся Чарльз, — о том, что Голубая кровь выиграла финальную битву в Риме, когда Чарльз поверг самого Люцифера, известного тогда как безумный император Калигула, — его золотой меч отправил вожака Серебряной крови в бездны адского пламени.

— Считай как хочешь, — вздохнул Чарльз. — Я не могу воспрепятствовать твоей поездке в Венецию, но должен тебя предупредить, что Лоуренс и наполовину не таков, каким Корделия желала его видеть.

Он взял Шайлер за подбородок, девушка с вызовом взглянула на него.

— Поберегись, дочь Аллегры, — доброжелательно произнес Чарльз.

При воспоминании о его прикосновении Шайлер передернуло. Прошедшие две недели подтвердили, что Чарльз Форс знал, о чем говорит. Возможно, Шайлер стоило бы прекратить расспросы, вернуться в Нью-Йорк и впредь вести себя как хорошая девочка и послушный представитель Голубой крови. Не задаваться вопросами касательно мотивов или конкретных действий Комитета. И чтобы единственной ее проблемой было — что надеть на бал Четырех сотен в отеле «Сент-Регис».

Девушка убрала челку с глаз и умоляюще взглянула на своего лучшего друга и верного помощника, сидевшего напротив. Во время всех этих испытаний и в полные суматохи дни, следовавшие за похоронами бабушки, Оливер был правой рукой Шайлер.

— Я знаю, что он здесь. Я это чувствую, — произнесла девушка. — Если бы только нам не пора было уезжать!

Она поставила бутылку с полностью содранной этикеткой обратно на столик.

Появился официант с чеком, и Оливер быстро подал свою кредитную карточку, прежде чем Шайлер успела возразить.

Они решили нанять гондолу для последней прогулки по старинному городу. Оливер помог Шайлер забраться в лодку, и они одновременно откинулись на бархатную подушку, так, что их руки соприкоснулись. Шайлер отодвинулась на волосок, мимолетная физическая близость слегка смутила ее. Это было нечто новое. Прежде девушка всегда чувствовала себя непринужденно в обществе Оливера. Они росли вместе: купались голышом в пруду за домом ее бабушки в Нантакете, спали, прижавшись друг к другу, в сдвоенном спальнике. Они были близки, словно брат и сестра, но в последнее время Шайлер стала ловить себя на том, что ведет себя в присутствии Оливера с невесть откуда появившейся застенчивостью. Как будто в один прекрасный день она проснулась и обнаружила, что ее лучший друг в придачу к этому еще и парень — и при этом очень даже недурен собой.

Гондольер оттолкнулся от причала, и их неспешное путешествие началось. Оливер фотографировал, а Шайлер пыталась наслаждаться видами. Но хотя девушка и восхищалась красотой города, в то же время ее захлестнуло ощущение горя и беспомощности. Что же ей делать, если она так и не отыщет дедушку? Если не считать Оливера, она совершенно одинока, у нее нет никого на всем белом свете. Она беззащитна. Что с ней будет? Серебряная кровь — если это действительно был кто-то из Серебряной крови — уже дважды едва не добралась до нее. Шайлер прикрыла шею рукой, словно защищаясь от бывшего нападения. Как знать, вернется ли это существо? А если да, то когда? И прекратятся ли убийства, как надеется Комитет, или будут, как подозревает она, продолжаться до тех пор, пока им всем не придет конец?

Шайлер вздрогнула, хотя было тепло, посмотрела на другую сторону канала и увидела, как из одного из домов вышла женщина.

И выглядела эта женщина до ужаса знакомой.

«Этого не может быть!» — подумала Шайлер. Это невозможно! Ее мать сейчас находится в Нью-Йорке, в больничной палате. Она пребывает в коме. Она никак не могла оказаться в Италии. Или все-таки могла? Может, она, Шайлер, чего-то не знает об Аллегре?

И тут женщина, словно бы услышав ее мысли, взглянула прямо в глаза Шайлер.

Это была ее мать. Шайлер уже не сомневалась в этом. Прекрасные белокурые волосы Аллегры, тонкий аристократический нос, ее острые скулы, ее гибкая фигура, ее ярко-зеленые глаза...

— Оливер!.. Это... о господи! — воскликнула Шайлер, дернув друга за куртку.

Она лихорадочным жестом указала на другую сторону канала. Оливер обернулся.

— Чего?

— Вот та женщина! Кажется, это... кажется, это моя мать! Вот там! — вымолвила Шайлер, указывая на силуэт, который уже почти исчез в толпе людей, выходящих из Дворца дождей.

— Ты чего, с дуба рухнула? — поинтересовался Оливер, внимательно глядя в ту сторону, куда указала девушка. — Вон та женщина? Ты серьезно? Скай, ты спятила? Твоя мать сейчас в Нью-Йорке, в больнице. И она кататоник, — сердито произнес он.

— Да-да, я понимаю, но... Слушай, вон она показалась! Это она! Ей-богу, она!

Шайлер вскочила.

— Эй, куда тебя несет? — возмутился Оливер. — Что на тебя нашло? погоди! Скай, сядь! — И он пробормотал себе под нос: — Мы только время зря потратим.

Девушка развернулась к нему и сердито сверкнула глазами.

— Ты вообще-то не обязан идти со мной!

Оливер вздохнул.

— Угу, как же. И ты добралась бы до Венеции сама? Ты дальше Бруклина не продвинулась бы.

Шайлер громко выдохнула, не спуская глаз с белокурой женщины, ей не терпелось покинуть едва ползущую гондолу. Оливер прав: она была у него в долгу за то, что он сопровождал ее в Венецию. И ее раздражала такая зависимость от него. О чем она ему и сообщила.

— Тебе полагается зависеть от меня, — терпеливо объяснил Оливер. — Я — твой проводник и обязан помогать тебе ориентироваться в мире людей. Я только не понимал, что это означает быть твоим турагентом, — но ладно, не проблема.

— Тогда помоги мне! — резко бросила Шайлер. — Мне нужно туда!..

Она вдруг решила и одним изящным прыжком перемахнула из гондолы на тротуар. Ни один человек не смог бы проделать такой прыжок, поскольку до берега было добрых тридцать футов.

— Шайлер! погоди! — завопил Оливер, пытаясь не отстать от девушки. — *Andiamo! Segua quella ragazza!* ^[1] — выкрикнул он, веля гондольеру следовать за Шайлер, хотя и сомневался, что лодка, приводимая в движение человеком, — подходящий способ гнаться за стремительно движущимся вампиром.

Шайлер ощущала, что зрение ее, как и все чувства, обострилось. Она понимала, что движется быстро — настолько быстро, что казалось, будто все остальные вокруг стоят на месте. И все же женщина двигалась так же стремительно, как и сама Шайлер, если не быстрее. Она перемахивала через узкие каналы, выющиеся через город, уворачивалась от скоростных катеров и мчалась к другому берегу реки. Но Шайлер неслась за ней по пятам. Они двое превратились в размытое пятно на карте города. Девушка поймала себя на том, что погоня внезапно придала ей бодрости — она словно бы напрягла мышцы, о которых прежде и не подозревала.

В конце концов, когда Шайлер увидела, как женщина перепрыгнула с балкона на малозаметную лестничную площадку, она в отчаянии крикнула:

— Мама!

Но женщина не обернулась и быстро исчезла за дверью

ближайшего палаццо.

Шайлер запрыгнула на ту же лестничную площадку, перевела дыхание и тоже вошла в здание, преисполнившись решимости выяснить, кто же на самом деле эта таинственная незнакомка.

ГЛАВА 2

Мими Форс понаблюдала за бурной деятельностью, кипящей в зале Джефферсона в Дачезне, и удовлетворенно вздохнула. Был вечер понедельника: занятия закончились, а еженедельное собрание Комитета было в разгаре.

Усердные представители Голубой крови собрались небольшими группками у круглого стола, обсуждая последние штрихи к празднеству года, ежегодному балу Четырех сотен.

Белокурая, зеленоглазая Мими и ее брат Джек входили в число молодых вампиров, которым предстояло дебютировать на нынешнем балу. Эта традиция насчитывала не первый век. Вступление в Комитет, тайное и чрезвычайно могущественное сообщество вампиров, правящих Нью-Йорком, было лишь первым шагом. Представление молодых членов Комитета всему сообществу Голубой крови было куда важнее. Оно являлось подтверждением прошлой истории и будущих обязанностей вампира. Поскольку особы Голубой крови в каждом цикле — так вампиры называли срок, соответствующий продолжительности человеческой жизни, — возвращались в разных физических оболочках и под новыми именами, их представление, или так называемый дебют, играло чрезвычайно важную роль в процессе осознания.

Мими Форс не нуждалась в герольде с фанфарами, чтобы тот ей сообщил, кто она такая или кем была прежде. Она — Мими Форс, самая красивая девушка в истории Нью-Йорка и единственная дочь Чарльза Форса, Региса — так именовали главу Совета старейшин и на редкость неприятного типа. Мир знал его как безжалостного медиамагната, чья компания «Форс ньюс нетуорк» охватывала весь земной шар, от Сингапура до Аддис-Абебы. Мими Форс — та самая девушка с льняными волосами, кожей цвета свежих сливок и полными губами, которым позавидовала бы и Анджелина Джоли, — была несовершеннолетней секс-бомбой с репутацией, производящей фурор среди наследников самых видных семейств города, горячих парней с красной кровью, известных также как ее люди-фамильяры.

«Но сердце ее всегда было и всегда будет куда ближе к дому», — так подумала Мими, глядя в другой конец зала, на своего брата Джека.

Пока что Мими была довольна. Все шло к тому, чтобы вечер в отеле «Сент-Регис» удался. Это было величайшее празднество года. В отличие от жалкого сборища, которое люди именовали вручением «Оскара», с актрисами, распускающими сопли, и корпоративной рекламой, бал Четырех сотен был чрезвычайно старомоден и очень придирчив к положению в обществе, красоте, могуществу, деньгам и крови. И к родословным, а точнее говоря, к родословным Голубой крови. Это был бал только для вампиров, самое закрытое мероприятие в Нью-Йорке, если не во всем мире.

На него категорически не допускался ни единый представитель Красной крови.

Цветы уже заказаны. Белые розы сорта «Американская красавица». Двадцать тысяч белых роз, специально выписанных для такого случая из Южной Африки. На одну только гирлянду над входом уйдет десять тысяч; прочее будет распределено по вазам. Самый дорогой в городе специалист по подготовке празднеств — тот самый, который для русской выставки Института костюма превратил музей «Метрополитен» в русскую страну чудес, словно сошедшую со страниц «Доктора Живаго», — он намеревался также разместить на кольцах для салфеток десять тысяч шелковых роз ручной работы. И в завершение, в вентиляционную систему бального зала будут распыляться галлоны розовой воды, для ароматизации.

Вокруг Мими кипела деятельность: Комитет трудился над последними неотложными вопросами. Пока младшие члены, такие же ученики старшей школы, как и сама Мими, были заняты бумажной работой — заполняли пригласительные карточки, проверяли списки гостей, уточняли, все ли готово для двух оркестров по пятьдесят музыкантов в каждом и для команды осветителей — старшие члены Совета, возглавляемые Присциллой Дюпон, известной манхэттенской светской львицей, чей царственный лик регулярно украшал собою колонки светских новостей в еженедельных периодических изданиях, занимались более деликатными предметами. Вокруг миссис Дюпон собралась группка таких же худощавых и элегантных женщин с безукоризненными прическами, чья неустанная работа на благо Комитета позволила сохранить важнейшие архитектурные памятники Нью-Йорка и привела к созданию важнейших культурных учреждений города.

До сверхчувствительного слуха Мими донесся их разговор.

— А теперь мы переходим к вопросу о Слоане и Кашинге Карондоле, — серьезным тоном произнесла Присцилла, взяв со стола одну из карточек цвета слоновой кости.

На этих тисненых карточках значились имена каждого из гостей; карточки предполагалось разместить в первой гостиной. На каждой был указан номер стола, за которым подготовлено место для данного гостя.

Сборище окружавших Присциллу влиятельных дам зароптало. Возрастающее неповиновение Карондоле трудно было игнорировать. После того как они несколько месяцев назад потеряли дочь, Эгги, семейство явственно выражало недовольство Комитетом. Ходили даже слухи, будто Карондоле грозятся устроить отцу Мими импичмент.

— Слоана не смогла сегодня присоединиться к нам — продолжала Присцилла, — но она прислала их ежегодное пожертвование. Правда, не такое большое, как бывало в прошлом, но все же достаточно существенное — в отличие от пожертвований некоторых других семейств, о которых я не стану упоминать.

Пожертвования на бал Четырех сотен переходили в распоряжение нью-йоркского Комитета банка крови — таким было официальное наименование Комитета, организованного якобы для того, чтобы собирать деньги для исследований крови. Часть собранных денег шла на борьбу со СПИДом и гемофилией.

От каждого семейства ожидалось щедрое пожертвование из собственных средств. Собранные суммы образовывали многомиллионный бюджет Комитета на текущий год. Некоторые семейства, как те же Форс, давали много больше требуемого. Другие же, как ван Алены, жалкая ветвь некогда могущественного клана, уже давно с большим трудом наскребали требуемую сумму. Теперь, после смерти Корделии, Мими вообще сомневалась, что Шайлер хотя бы знает, чего от нее ожидают.

— Вопрос в том, — живо произнесла Тринити Барден Форс, мать Мими, — уместно ли сажать их, как обычно, за главный стол, когда мы знаем, что именно они говорят о Чарльзе?

Тринити поставила вопрос так, чтобы прочие члены Комитета осознали: они с Чарльзом скорее посыпят голову пеплом, чем сядут за один стол с Карондоле.

— Да отправить их на задний стол, к прочей шушере! — заявила Боби Энн Ллевеллин с ее неприятным, неистребимым техасским выговором.

Она в шутку провела ребром ладони по шее, хотя бы ради того, чтобы продемонстрировать обручальное кольцо с бриллиантом в тридцать карат. Боби Энн Ллевеллин была второй женой Форсайта Ллевеллина, являющегося на данный момент младшим сенатором от штата Нью-Йорк; она значительно уступала мужу в возрасте.

Кое-кто из дам, окружавших Присциллу Дюпон, вздрогнули от такого предложения, хотя в глубине души и были с ним согласны. Манера Боби Энн действовать напролом была неуместна для Голубой крови.

Мими заметила, что ее подруга, Блисс Ллевеллин, заслышав резкий голос мачехи, подняла голову. Блисс присоединилась к Комитету не так давно, и когда она услышала разнесшийся по залу утробный смех Боби Энн, лицо девушки запылало под стать ее огненным кудрям.

— Возможно, нам удастся найти компромисс, — обычным своим любезным тоном заметила Присцилла. — Мы объясним Слоане, что им не стоит в этом году сидеть за главным столом, поскольку они все еще в трауре, а мы относимся к их горю с уважением. Кроме того, мы посадим за один стол с ними эту девушку, ван Ален. Карондоле не смогут с этим спорить, поскольку были очень дружны с Корделией, а Шайлер, как внучка Корделии, также понесла утрату.

Кстати, Шайлер — а где эта мерзавка? Это, конечно, не ее дело, но Мими раздражало, что Шайлер даже не потрудилась явиться на сегодняшнее собрание Комитета. Мими слыхала краем уха, что Шайлер со своим закадычным приятелем Оливером с чего-то вдруг отправилась в Венецию. Что им там понадобилось? Мими скривилась. Если уж тебя понесло в Италию, не лучше ли отправиться за покупками в Рим и Милан? Венеция, на взгляд Мими, была мокрой и вонючей. И как они раздобыли в школе разрешение на эту поездку?

В Дачезне неодобрительно смотрели на самовольно устраиваемые каникулы. Даже Форсам, когда те прошлой зимой, в феврале, забрали двойняшек покататься на горных лыжах, сделали выговор. Школа и так одну неделю в марте официально отвела под

«лыжные каникулы» и желала, чтобы все следовали этому расписанию. Только попробуйте скажите это Форсам, которые убеждены, что мартовский снег в Эспене сильно уступает февральским снегопадам.

Мими бросила шелковую розу через стол своему брату Джеку. Тот с головой ушел в оживленную дискуссию своего подкомитета, занимающегося вопросами обеспечения безопасности; перед ними были разложены ксерокопии плана бального зала в «Сент-Регисе».

Роза упала на колени Джеку, и тот испуганно вскинул голову. Мими улыбнулась ему.

Джек едва заметно покраснел, но ответил сестре ослепительной улыбкой. От солнца, светившего сквозь витражные окна, лицо юноши приобрело золотистое сияние.

Мими подумалось, что ей никогда не надоест смотреть на Джека. Это почти так же приятно, как смотреть на собственное отражение. К ее радости, после того как всплыла правда об истинной природе Шайлер — полукровка! почти что мерзость! — их с братом отношения снова сделались нормальными. Ну, во всяком случае, нормальными для двойняшек Форс.

«Эй, красавчик!» — мысленно окликнула брата Мими.

«Чего?» — отозвался Джек.

«Просто думаю о тебе».

Улыбка Джека сделалась шире; он бросил розу обратно, и та упала Мими на колени. Мими сунула цветок за ухо и взмахнула ресницами в знак признательности. Она еще раз просмотрела пригласительные карточки. Поскольку бал был общим празднеством, преобладать на нем будут старейшины и стражи — в общем, публика постарше. Мими поджала губы. Да, конечно, это будет отличный праздник, самый гламурный из всех... Но чего-то в нем не хватает. Внезапно Мими осенила идея.

А как насчет вечеринки после бала?

Только для молодежи Голубой крови; там-то они смогут оторваться, не оглядываясь на родителей, стражей и верхушку Комитета!

Что-то более смелое и рискованное... вечеринка, куда сможет

попасть только элита, сливки общества. На губах Мими заиграла холодная, полная предвкушения улыбка: девушка представила, как все эти придурки, ее соученики в Дачезне, будут выпрашивать приглашения на вечеринку. И тщетно! Потому что никаких приглашений не будет. Только СМС, которые будут разосланы тем, кому надлежит, в вечер бала Четырех сотен, сообщающие, где будет проходить вечеринка. Альтернативный вампирский бал.

Мими взглянула на Джека. Тот высоко поднял лист бумаги, и его прекрасное лицо оказалось скрыто. Внезапно Мими вспомнила картину из их прошлого: они двое кланяются версальскому двору, и на них маски, искусно украшенные бисером и перьями.

Ну конечно!

Бал-маскарад!

Вечеринка после бала, на которую положено будет явиться в причудливых масках.

Никто не будет точно знать, кто есть кто — кого пригласили на бал, а кого нет, — и все будут взбудоражены до предела.

Мими пришла в восторг от этой идеи. Возможность не дать кому-нибудь повеселиться всегда приводила ее в восторг.

ГЛАВА 3

Не то чтобы ей не снились подобные сны прежде — будто ей холодно и мокро и нечем дышать. Все ее сны смахивали на этот, только нынешний был очень похож на реальность. Она замерзла, ее била дрожь, а когда она открыла глаза, вокруг был густой мрак, и она ощутила чье-то присутствие. Кто-то схватил ее за руку и потащил вверх, вверх, вверх, к свету, и выволок на поверхность.

Раздался громкий плеск.

Блисс судорожно втянула воздух и заозиралась по сторонам как безумная. Это был не сон. Это происходило на самом деле. Она каким-то образом очутилась под водой посреди озера.

— Не двигайся, ты сейчас слишком слаба. Я дотащу тебя до берега.

Раздавшийся у нее над самым ухом негромкий голос был ровным и успокаивающим. Девушка попыталась повернуться и взглянуть на говорящего, но тот предупредил ее намерение.

— Не двигайся и не оборачивайся. Просто сосредоточься на берегу.

Блисс кивнула; с ее волос текли ручейки и заливали глаза. Она все еще кашляла, и ее терзали сильные позывы к рвоте. Девушку одолевала слабость, хотя тут вовсе не было течения. Озерная гладь оставалась спокойной и недвижимой. На самом деле это даже трудно было назвать озером. Когда глаза Блисс привыкли к темноте, девушка поняла, что находится в Центральном парке, посреди пруда. Она бывала здесь прошлым летом, перед зачислением в Дачезне: родители взяли ее с сестрой на ужин в расположенный на берегу пруда ресторан.

На этот раз лодок вокруг не было. Стоял уже почти конец ноября, и озеро было пустынно. На земле лежал иней, и впервые за вечер Блисс почувствовала, как в жилы ее проникает холод. Ее начал бить озноб.

— Это пройдет. Не волнуйся, твоя кровь согреет тебя. У вампиров обморожения не бывает, — произнес тот же голос.

Блисс Ллевеллин была из Техаса. Это она сообщала новым знакомым прежде всего: «Я из Техаса», как будто название родного штата само собой все объясняло — ее выговор, пышные вьющиеся волосы, серьги с бриллиантами по пять карат. А еще оно помогало Блисс держаться за любимый родной город и за жизнь, что казалась все более и более далекой от ее нынешней жизни одной из множества красивых нью-йоркских девушек.

В Техасе Блисс выгодно выделялась среди прочих. Она была высокой — пять футов десять дюймов, а с копной волос и все шесть футов, — энергичной и бесстрашной; она была единственным чирлидером ^[2], способным спрыгнуть с пирамиды, построенной из пятидесяти человек, и успешно приземлиться на мягкую траву футбольного поля. До того как Блисс выяснила, что она вампир и ловкость ее объясняется именно этим, девушка приписывала свою отличную координацию удаче и тренировкам.

Она жила со своей семьей в просторном особняке в фешенебельном пригороде Хьюстона, а в школу ее возили на старомодном дедушкином «кадиллаке» с открывающимся верхом — из тех, у которых руль сделан из настоящих бизоньих рогов. Но отец Блисс вырос в Манхэттене, и после того, как успешно сделал в Хьюстоне карьеру политика, он внезапно ввязался в гонку за освободившееся место в сенате от Нью-Йорка, выиграл ее и сорвал семью с места.

После жизни в Хьюстоне Блисс оказалось нелегко приспособиться к неистовству Большого Яблока. Девушке было не по себе в гламурных ночных клубах и на вечеринках для избранных, куда ее затаскивала Мими Форс, самозваная новая лучшая подруга. Блисс была бы куда счастливее, имея она бокал вина, нескольких подруг и диск с «Записной книжкой». Ей не нравилось шататься по клубам и чувствовать себя никому не нужной, пока Мими веселится вовсю.

Но несколько месяцев назад, когда в переулке в Нижнем Ист-Сайде в ее жизнь вошел Дилан Бард, черноглазый юноша с печальным лицом, эта самая жизнь внезапно наладилась. Дилан тоже был в Дачезне не на своем месте — мрачный, держащийся в отдалении от всех бунтарь с компанией друзей-неудачников, в число которых входили Оливер Хазард-Перри и Шайлер ван Аллен, двое самых непопулярных учеников своего курса. Дилан был больше чем

другом. Он был союзником, а может, в перспективе, и ее парнем. Блисс покраснела, вспомнив его страстные поцелуи — ах, если бы только им не помешали тем вечером, во время вечеринки! Если бы только...

Если бы только Дилан был жив. Но его погубила Серебряная кровь, превратила в одного из своих, а потом убила, когда он вернулся к ней — вернулся, чтобы предостеречь ее. Блисс вспомнила, как нашла его куртку у себя в ванной — всю в крови, — и едва удержалась, чтобы не расплакаться.

Блисс думала, что никогда больше не увидит Дилана. Но однако же... этот парень, который спас ее, этот негромкий голос у нее над ухом — такой знакомый голос! Девушка не смела надеяться. Она не хотела верить в то, что не могло быть правдой, ну никак не могло! Надо просто цепляться за него, пока он не вытащит ее на сушу.

Блисс уже не в первый раз приходила в себя в совершенно неожиданном месте и обнаруживала, что ей угрожает опасность. Не далее как на прошлой неделе она открыла глаза, и оказалось, что она сидит на самом верхнем карнизе музея Клойстер, высоко над парком Форт-Трайон. Левая ее нога свисала с края, и Блисс едва успела отпрыгнуть назад и избежать опасного падения. Девушка понимала, что, вероятно, это падение все равно не убило бы ее — ну разве что она заработала бы несколько царапин, — и ей подумалось: а если бы вдруг ей захотелось совершить самоубийство, какие на то возможности есть у бессмертного?

И вот сегодня она вдруг оказалась посреди озера.

Временные провалы в памяти, кошмары, в которых за ней кто-то гнался, и случаи, когда ей казалось, что она находится здесь, но при этом не здесь, все учащались. Началось все это год назад: невыносимые мигрени, от которых раскалывалась голова, сопровождались устрашающими видениями красных глаз с серебряными зрачками и острых, сверкающих зубов. В кошмарах она бежала по бесконечным коридорам, а тварь гналась за ней, и от зловонного дыхания твари Блисс мутило; тварь догоняла ее, сшибала наземь и собиралась пожрать ее душу.

«Прекрати», — велела себе Блисс. К чему сейчас эти мысли?

Кошмарное видение исчезло. Тварь — чем бы она ни была — живет лишь в ее воображении. Отец же говорил, что кошмары —

просто часть трансформации. Блосс было пятнадцать. В этом возрасте воспоминания вампира вновь проявляют себя. В этом возрасте представители Голубой крови начинают осознавать свою истинную природу бессмертных существ.

Блосс попыталась вспомнить все, что произошло за день, и сообразить, не кроется ли в произошедшем хоть намек на то, почему она в забытии едва не утонула в пруду Центрального парка. Она вернулась из школы, как обычно, а потом присутствовала на очередном нудном заседании Комитета. Предполагалось, что Комитет должен обучать ее и всех прочих новичков контролировать и использовать их вампирские способности, но на протяжении последних двух месяцев эту организацию более всего прочего занимало планирование увеселительного мероприятия. Мачеха Блосс, Боби Энн, тоже присутствовала на заседании и вгоняла Блосс в смущение своим визгливым голосом и безвкусным нарядом, теплым тренировочным костюмом, сверху донизу расшитым логотипами Вуиттона. До того Блосс как-то не замечала, что у Вуиттона одежду спортивного стиля шьют из того же коричневого холста, что и чемоданы. Теперь же она решила, что ее мачеха выглядит в точности как здоровенная коричневая с золотом дорожная сумка.

Позднее, поскольку отец вернулся домой переодеться, семейство поужинало в новом ресторане «Ле Кирк», недавно перебравшемся в роскошное помещение на Бикон-корт. Знаменитый нью-йоркский ресторан обслуживал избранную публику, богатую и влиятельную, и сенатор Ллевеллин весь вечер только и делал, что обменивался рукопожатиями с другими постоянными клиентами-богачами, среди которых были мэр города, известная актриса и еще один сенатор от Нью-Йорка. Блосс заказала себе полусырое фуа-гра и с удовольствием намазала мягкую, жирную гусиную печенку крыжовенным джемом.

После ужина они отправились в оперу, в личную ложу их семьи. В Метрополитен-опере давали новую постановку «Орфея и Эвридики». Блосс всегда любила трагическую историю о том, как Орфей спускался в преисподнюю, дабы спасти Эвридику, и терял ее в самом конце. Но громогласное рокотание и заунывное пение нагнали на девушку сонливость, и ей приснилась водяная бездна Аида.

На этом воспоминания обрывались. Где сейчас ее родственники? Все еще в театре? Отец сидел словно суровый, важный идол,

подперев подбородок, и внимательно наблюдал за представлением. Мачеха тем временем гримасничала и зевала, а сводная сестра Блисс, Джордан, беззвучно проговаривала слова арий. Джордан было одиннадцать лет, и она была помешана на опере — с точки зрения Блисс, «помешательство» было то самое слово.

Теперь они находились рядом с причалом; твердая рука посадила Блисс на лестницу рядом с пристанью. Девушка оступилась на скользкой закраине, но обнаружила, что способна ходить. Ее спаситель, кем бы он ни был, оказался прав: кровь вампиров согрела ее. Еще несколько минут — и она перестанет замечать, что на улице всего плюс восемь. А будь она человеком — уже была бы мертва. Точно утонула бы.

Блисс взглянула на свою мокрую одежду. На ней по-прежнему был тот же наряд, который она надела на ужин и для оперы, черное атласное платье от Темперли с причудливой вышивкой, ныне безвозвратно загубленное. Для платья, которое разрешалось только сдавать в химчистку, подобное купание — чересчур. Из кожаных туфель «Баленсиага» на пятидюймовой платформе осталась лишь одна. Вторая, вероятно, лежала на дне озера. Девушка искоса взглянула на оперную программку, которую до сих пор крепко держала в руке, и разжала кулак. Программка, покружившись, опустилась на землю.

— Спасибо, — произнесла Блисс и обернулась, чтобы наконец-то увидеть лицо своего спасителя.

Но позади не было ничего, кроме безмятежных синих вод пруда. Юноша исчез.

1 ОКТЯБРЯ 1870 ГОДА

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МЭГГИ СТЭНФОРД

Дочь нефтяного магната исчезла в вечер проведения благотворительного бала. Неужто ее одурманили?

Полиция Нью-Йорка ломает голову над таинственным исчезновением шестнадцатилетней Мэгги Стэнфорд, которая вышла из дома адмирала и миссис Вандербильт три недели назад, во время ежегодного Патрицианского бала, проходившего в их доме номер 800 по Пятой авеню, и

с тех пор ее не видел никто из родственников и знакомых. Мэгги Стэнфорд приходится дочерью мистеру Тибериусу и миссис Доротее Стэнфорд из Ньюпорта. Детективы прилежно работали над этим загадочным происшествием, но так и не сумели найти ни единой зацепки.

Как было сообщено в заявлении, поданном в десятый полицейский участок, мисс Стэнфорд исчезла в пятницу, двадцать второго августа. Согласно утверждению матери мисс Стэнфорд, Доротеи Стэнфорд, пользующейся известностью в светском обществе Мэгги дебютировала на Патрицианском балу и возглавила кадрили. Мэгги по характеру спокойна и застенчива. Она весит девяносто пять фунтов, отличается хрупким сложением, красива и изящна. У нее темно-рыжие волосы, зеленые глаза и обворожительные манеры. Тем вечером на балу было объявлено о ее помолвке с Альфредом, лордом Барлингтоном, графом Девонширским.

Как сообщила полиции миссис Стэнфорд, она подозревает, что дочь попала под чье-то дурное влияние и была похищена. Семейство Стэнфорд пообещало солидное вознаграждение за любые сведения, которые поспособствуют возвращению их дочери. Тибериус Стэнфорд является основателем «Стэнфордойл», самой прибыльной компании в Соединенных Штатах.

ГЛАВА 4

Но она была здесь, на этом самом месте! Шайлер была абсолютно уверена в этом. Женщина, за которой она гналась, вошла в это самое здание, в котором сейчас находилась сама Шайлер, но, однако же, ее было не видно.

Шайлер огляделась по сторонам. Она находилась в вестибюле маленькой местной гостиницы. Многие из великолепных дворцов старинной Венеции были переоборудованы под пансионы для туристов, захудалые маленькие гостиницы, постояльцы которых не возражали против осыпающихся балюстрад и облезающей краски, потому что глянцевые брошюры обещали им соприкосновение с «подлинной старинной Италией».

Сидевшая за столиком дежурной пожилая женщина — голова ее была повязана черным шарфом — подняла голову и с любопытством взглянула на Шайлер.

— Posso li aiuto? Могу ли я чем-нибудь помочь?

Шайлер была сбита с толку. Здесь не было и следа присутствия той белокурой женщины. Но как она могла спрятаться так быстро? Ведь Шайлер преследовала ее буквально по пятам! Но в помещении она не увидела ни шкафов, ни дверей.

— Ci era una donna qui, sì? [\[3\]](#) — спросила Шайлер.

Как хорошо, что в Дачезне изучают вместо одного два иностранных языка и что Оливер настоял, чтобы Шайлер выбрала итальянский, заявив, что тогда им легче будет делать заказ в ресторанах Марио Батали.

Пожилая дама нахмурилась.

— Una donna? — Она покачала головой. Разговор пошел по-итальянски. — Здесь нет никого, кроме меня. Никто не входил, кроме вас.

— Вы уверены? — нетерпеливо произнесла Шайлер.

Она еще продолжала беседовать с хозяйкой заведения, когда подоспел Оливер. Он подкатил к зданию на быстроходном катере, решив, что водное такси больше годится для его целей, чем гондола,

приводимая в движение одним человеком.

— Ну что, нашла ее? — спросил юноша.

— Она только что была здесь, клянусь! Но эта дама говорит, что никто сюда не входил.

— Никакой женщины, — повторила пожилая дама, покачивая головой. — Здесь живет только профессор.

— Профессор? — переспросила Шайлер, насторожившись.

Согласно Хранилищу истории, архиву, в котором хранились сведения о всех знаниях и тайнах Голубой крови, ее дедушка был профессором лингвистики.

— А где он?

— Он отбыл несколько месяцев назад.

— А когда вернется?

— Через два дня, или два месяца, или два года — этого никто не знает. Может, завтра, а может, никогда. — Хозяйка вздохнула. — С профессором никогда ничего не известно. Но мне не на что жаловаться, он всегда платит по счетам вовремя.

— А можно... можно нам взглянуть на его комнату? — спросила Шайлер.

Хозяйка гостиницы пожала плечами и указала на лестницу.

С лихорадочно бьющимся сердцем Шайлер поднялась наверх, Оливер следовал за ней по пятам.

— Погоди, — произнес Оливер, когда они подошли к небольшой деревянной двери посреди лестничной площадки. Он подергал дверную ручку. — Заперто. — Он попробовал еще раз. — Нет, никак.

— Ч-черт! — ругнулась Шайлер. — Точно никак?

Она отодвинула Оливера, повернула ручку, и дверь со щелчком открылась.

— Как ты это сделала? — удивился Оливер.

— Да ничего я не делала.

— Она совершенно точно была заперта, — сказал Оливер.

Шайлер пожала плечами и осторожно отворила дверь. Их взору

открылась аккуратная, скромно обставленная комната: односпальная кровать, старый письменный стол и книжные полки до самого потолка.

Шайлер взяла книгу с одной из полок пониже. «Смерть и жизнь в колонии Плимут», Лоуренс Уинслоу ван Ален. Девушка открыла книгу. На первой странице красовалась надпись: «Моей дорогой Корделии».

— Так и есть! — прошептала Шайлер. — Он здесь.

Девушка просмотрела еще несколько книг. На корешках многих стояли инициалы автора — Л. У. ван Ален.

— Ну, прямо сейчас его здесь нет, — произнесла возникшая в дверях хозяйка гостиницы. Шайлер с Оливером подпрыгнули от неожиданности. — Но биеннале заканчивается сегодня, а профессор никогда ее не пропускает.

Биеннале, проходившая раз в два года в Венеции выставка произведений искусства, была одним из самых влиятельных и внушительных мероприятий в мире искусства и архитектуры. Весь город на несколько месяцев оказывался наводнен интернациональным сборищем деятелей искусства и торговцев, туристами и студентами, стремящимися принять участие в историческом фестивале искусств. Но Шайлер с Оливером пропустили это мероприятие, потратив время на бесплодные поиски ее дедушки.

— Раз закрытие сегодня, — сказала Шайлер, — нам надо поторопиться.

Хозяйка гостиницы кивнула и вышла из комнаты.

Шайлер снова подумала о той женщине, до ужаса похожей на ее мать. Может, это мать привела ее к дедушке? Может, она каким-то образом помогает дочери? Вдруг это только ее дух?

Они поспешно спустились вниз. Хозяйка гостиницы сидела за столиком и перебирала какие-то бумаги.

— Спасибо, что помогли нам, — произнесла Шайлер, поклонившись пожилой женщине.

— Что-что? Простите? Posso li aiuto? ^[4] — неприветливо отозвалась та.

— Ну, с профессором и с биеннале. Мы сейчас пойдем и попытаемся отыскать его там.

— Профессор? Нет-нет. Никакого профессора... — Пожилая женщина перекрестилась и покачала головой.

Шайлер нахмурилась.

— Никакого профессора? Как ты думаешь, что она имеет в виду? — спросила она у Оливера.

— Он уехал... два года назад, — запинаясь, произнесла хозяйка гостиницы по-английски. — Больше здесь не живет.

— Но вы же только что сказали... — удивилась Шайлер. — Мы с вами только что разговаривали — там, наверху. Мы видели его комнату.

— Я вас первый раз в жизни вижу. Его комната заперта, — отозвалась хозяйка гостиницы, упорно продолжая изъясняться на своем несколько высокопарном английском, хотя ясно было, что Шайлер бегло говорит по-итальянски.

— *Era vamo giusti qui!* — возразила Шайлер. — Мы только что были здесь!

Хозяйка гостиницы со злостью качнула головой и что-то пробормотала себе под нос.

— Как-то она странно изменилась, — прошептала Шайлер Оливеру, когда они вышли из гостиницы.

— Да, принялась чудить, — отозвался Оливер.

Шайлер обернулась, взглянула еще раз на разозлившуюся старуху и заметила у той на подбородке бородавку с несколькими торчащими из нее редкими волосками. А ведь у пожилой женщины, что говорила с ними раньше, никакой бородавки не было — в этом Шайлер была уверена твердо.

ГЛАВА 5

Мими, выйдя с занятий по французскому, взглянула на вибрирующий мобильник.

Я есть в списке?

Очередная СМС. Семнадцатая за сегодня. Ну что бы им всем не успокоиться?

Каким-то образом весть о том, что сногшибательная Мими Форс собирается устроить отдельную вечеринку после бала Четырех сотен, менее чем за сутки облетела всю молодежную элиту вампиров Нью-Йорка. Конечно, Мими сама рассказала об этом Пайпер Крэндалл, главной сплетнице школы, а уж Пайпер позаботилась, чтобы новость немедленно стала достоянием общественности. Место вечеринки держится в тайне. Устраивают все двойняшки Форс. Но никто до самого вечера праздника не будет знать, приглашен ли он. Это же просто пытка какая-то!

Просто скажи «да» или «нет»!

Мими стерла сообщение, не потрудившись ответить.

Девушка спустилась по задней лестнице, ведущей в подвальный этаж, в школьную столовую. По пути ее вниманием попыталась завладеть компания подростков Голубой крови.

— Мими, я тут услышала про вечеринку... Отличная идея. Может, тебе требуется помощь? Мой папа может позвать в качестве диджея Кейни, — предложила Блер Макмиллан.

Ее отец возглавлял самую крупную студию звукозаписи в мире.

— Мими, я же приглашена? Можно, я возьму с собой своего парня? Он краснокровный... Правда прикольно? — льстиво произнесла Суз Кембл.

— Золотце, я просто хочу проверить, получила ли ты мое подтверждение, что я непременно буду, — окликнула Мими Люси Форбс и послала ей преувеличенно пылкий воздушный поцелуй.

Мими любезно улыбнулась всем и приложила палец к губам.

— Ничего пока не могу сказать. Но вскоре вы обо всем узнаете.

Внизу, в столовой, под зеркалом в золоченой раме в стиле барокко, что висело напротив камина, сидела Блисс Ллевеллин и отщипывала от суши по такому крохотному кусочку, словно это была какая-то редкостная гадость. Они должны были встретиться за обедом с Мими, но та, как всегда, опаздывала. Правда, Блисс лишь радовалась этой отсрочке как возможности снова погрузиться в события прошлой ночи.

Дилан. Это наверняка был он. Тот незнакомец в парке, спасший ее, когда она тонула. Блисс очень хотелось верить, что он выжил после нападения Серебряной крови. Возможно, он теперь прячется. А может, если он откроется, это будет грозить ему опасностью.

«Словно Дилан какой-то супергерой», — мечтательно подумала девушка.

А кто еще мог бы почувствовать, что она в беде? Кто еще мог бы переплыть холодное озеро, чтобы добраться до нее? Кто еще настолько силен? Кто еще мог бы вызвать у нее такое ощущение безопасности?

Блисс куталась в эти мысли, словно в теплое одеяло. Дилан жив. Иначе и быть не может!

— Что, аппетита нет? — поинтересовалась Мими, опускаясь на стул рядом с Блисс.

Вместо ответа Блисс отодвинула свой поднос и состроила гримасу. Она выбросила мысли о Дилане из головы.

— Что там еще за вечеринка после бала? Меня уже задолбали вопросами насчет нее. А когда я говорю, что понятия не имею, мне никто не верит. Что вы там с Джеком задумали, какую-то гулянку?

Мими огляделась по сторонам, убедиться, что их никто не слышит, и только после этого произнесла:

— Да, я как раз собиралась сегодня рассказать тебе об этом.

Она посвятила Блисс во все подробности. Она отыскала превосходное место для вечеринки — заброшенную синагогу в пригороде. Мими было в кайф устроить оргию в некогда священном месте. Оренсанс-центр представлял собою неоготическое здание в центре Нижнего Ист-Сайда. Оно было спроектировано под синагогу в

1849 году одним берлинским архитектором, в подражание кафедральному собору в Кельне. Мими была не единственной жительницей Нью-Йорка, кому нравилось устраивать здесь феерические, экстравагантные мероприятия: центр уже не раз предоставлял место для дефиле во время Недели высокой моды. Тогда-то Мими и подцепила эту идею. На оригинальность ей было плевать, куда важнее для нее представлялось держаться в струе, а сейчас оскверненная синагога считалась крутым местом.

— Внутри там бардак, — весело произнесла Мими. — Ну, всякие обрушивающиеся колонны, торчащие балки, в общем, клевые руины, — прошептала она. — Мы собираемся сделать свечное освещение — никакого электричества! И никаких украшений. Там и так такая атмосфера, что ничего больше не требуется.

Мими вырвала листок из блокнота и протянула Блисс.

— Вот те, кого я думаю пригласить. Успела написать во время контрольной по французскому.

Мими записалась на французский, но для нее эти занятия были сущими пустяками. Как только у нее проснулась вампирская память, оказалось, что она бегло говорит по-французски.

Блисс проглядела перечень имен. Фрогги Кеночен. Джейми Кип. Блер Макмиллан. Руфус Кинг. Буз Лэнгдом.

— Это все члены Комитета. Но тут не все члены Комитета, — заметила Блисс.

— Вот именно!

— Ты не приглашаешь Люси Форбс? — в ужасе спросила Блисс.

Люси Форбс училась на последнем курсе и была старостой голубокровных в школе. Мими скривилась.

— Люси Форбс — тряпка. Святоша.

Мими вела вендетту против Люси Форбс с тех пор, как Люси сообщила, что Мими плохо обращается со своими семьярями — питается ими, не выжидая предписанного перерыва в сорок восемь часов.

Они прошлись по списку. Блисс предлагала кого-нибудь, а Мими отвергала.

— Как насчет Стеллы ван Ренсле?

— Первокурсница? На кой мне малявки на вечеринке?

— Но следующей весной она будет представлена. В смысле — она принадлежит к Голубой крови, — попыталась возразить Блисс.

Членам Комитета сообщались имена еще не пробудившихся вампиров Голубой крови, чтобы они могли приглядывать за младшими братьями. Именно таким образом Мими в прошлом году взяла под крылышко саму Блисс.

Мими фыркнула.

— Нет.

— А Картер Такермен? — спросила Блисс, вспомнив дружелюбного худого юношу, выполнявшего во время заседаний Комитета обязанности секретаря.

— Этот придурок? Ни за что.

Блисс вздохнула. Имени Шайлер она тоже не увидела в списке, и это ее беспокоило.

— А как насчет «других близких»?.. Ну, в смысле — фамильяров, — уточнила Блисс.

Среди Голубой крови принято было использовать термин «люди-фамильяры» для описания отношений зависимости между представителями смертных и бессмертных. Люди-фамильяры были любовниками, друзьями, сосудами, из которых вампиры черпали свои силы.

— Никакой Красной крови. Вечеринка будет как бал Четырех сотен, только еще эксклюзивнее. Только для вампиров.

— Ты всех здорово перебаламутишь, — предупредила Блисс.

— Вот именно! — отозвалась Мими.

ГЛАВА 6

Венецианская биеннале проводилась в нескольких переходящих друг в друга павильонах, так что посетители бродили по длинной череде полутемных комнат, выискивая видеоинсталляции, внезапно с треском возникающие в неожиданных углах. Лица, проецируемые на виниловые шары, то расширялись, то стягивались, то визжали, то хихикали. На экранах распускались и увядали цветы. Несся поток транспорта в Токио, угрожающий и вызывающий клаустрофобию.

Когда Шайлер с Оливером только-только добрались до Венеции, девушку переполняла неистовая, почти болезненная энергия. Но по мере того, как становилось ясно, что отыскать в Венеции ее деда далеко не так легко, как казалось, энтузиазм ее слабел. Шайлер не располагала ничем, кроме имени деда. Она даже не знала, как тот выглядит. Старый он на вид или молодой? Бабушка сказала, что ее Лоуренс был изгнанником, покинувшим сообщество Голубой крови. А вдруг годы изоляции привели его к безумию? Или, хуже того, его больше нет в живых? Вдруг и до него добрался кто-то из Серебряной крови? Но теперь, увидев комнату профессора, Шайлер преисполнилась все той же яростной надеждой, что и сразу по прибытии.

«Он здесь. Он жив. Я это чувствую».

Шайлер переходила из комнаты в комнату, оглядывая темные места в поисках знака, какого-то намека, что привел бы ее к дедушке. Большая часть выставленных произведений она сочла любопытными, хотя временами и чересчур вычурными, с некоторой долей претенциозности. Что означает, например, женщина, снова и снова поливающая все то же растение? И вообще означает ли это хоть что-нибудь? Шайлер пришло в голову, что она сама похожа на эту женщину, пойманную в ловушку сизифова труда.

Оливер уже опередил ее на несколько инсталляций. Он тратил на каждую одинаковый отрезок времени — примерно десять секунд, утверждая, что этого вполне достаточно, чтобы понять произведение искусства. Они договорились, что каждый тут же даст знать другому, если что-то обнаружит, но Оливер напомнил, что никто из них вообще-то не знает, как выглядит Лоуренс ван Ален. Проводник не разделял уверенности Шайлер в том, что их визит на биеннале

окажется результативным, но он благоразумно помалкивал.

Девушка остановилась у входа в помещение, заполненное темно-красной дымкой. Комнату пронизывал один-единственный луч света, образуя светящийся оранжевый экватор в красном пространстве.

Шайлер вошла внутрь и на мгновение застыла в восхищении.

— Это Олаф Элиассон, — пояснил стоящий рядом молодой человек. — Не правда ли, прекрасно? Отчетливое влияние Флавина.

Шайлер кивнула. Они изучали творчество Дэна Флавина на истории искусств, так что она знала то произведение, на которое ссылался ее собеседник.

— А разве не на всем световом искусстве заметно отчетливое влияние Флавина? — ехидно поинтересовалась она.

Возникла неловкая пауза. Шайлер уже двинулась было прочь, но ее собеседник заговорил снова.

— Скажите, пожалуйста, что привело вас в Италию? — поинтересовался на безукоризненном английском молодой красивый итальянец. — Вы явно не из любителей искусства, которые носят повсюду с кинокамерами, фотоаппаратами и путеводителями. Готов поспорить, что вы даже не видели новую работу Мэттью Барни.

— Я ищу кое-кого, — ответила Шайлер.

— На биеннале? — переспросил парень. — А нужное место вам известно?

— А что, есть и другие места? — спросила Шайлер.

— Конечно. Это только сад Джардини. Есть еще Арсенал и Кордерия, бывшая верфь. Под нужды биеннале преобразуют чуть ли не всю Венецию. Вам придется потрудиться, чтобы отыскать тут одного-единственного человека. На биеннале приезжает почти миллион человек. Только в саду тридцать павильонов.

У Шайлер упало сердце. Она и не думала, что биеннале настолько огромна и растекается по такому количеству мест. Она прошла по прогулочному тротуару, мимо других зданий, прежде чем войти в итальянский павильон, но не имела и понятия, что там дальше. Сады представляли собою обширное пространство, заполненное постройками в различных стилях; каждая возводилась страной, занимающей этот павильон.

Если парень сказал правду, то искать профессора на биеннале было все равно, что искать иголку в стоге сена.

Бессмысленно.

Невозможно.

Миллион человек! То есть прямо сейчас, в данный момент на выставке находятся тысячи и тысячи. С такими шансами можно сдаваться хоть прямо сейчас, это все равно ничего не изменит. Шайлер впала в отчаяние. Она никогда не найдет деда. Кем бы он ни был и где бы ни находился, он не желал, чтобы его нашли. Шайлер самой было странно, отчего вдруг она разоткровенничалась с этим парнем, но ей все равно было нечего терять. А в его взгляде было нечто такое, что вызывало у нее ощущение спокойствия и защищенности.

— Я ищу человека, которого тут называют профессором, Лоуренса Уинслоу ван Алена.

Парень спокойно взглянул на Шайлер, пока та смотрела на светящуюся красным комнату. Он был высоким и стройным, с ястребиным носом, выступающими скулами и густыми волосами цвета жженого сахара. На нем был отлично сшитый шерстяной жакет, на шее повязан белый шелковый шарф, а очки в тонкой золотой оправе он небрежно поднял на макушку.

— Не следует искать того, кто не желает быть найденным, — внезапно произнес он.

— Простите? — переспросила испуганная неожиданной репликой Шайлер, поворачиваясь к парню.

Но тот к этому моменту уже нырнул за плотную черную портьеру и исчез.

Шайлер выскочила из итальянского павильона на булыжную мостовую главной аллеи и на бегу набрала номер Оливера; она гналась за странным парнем.

— Звонить изволите? — спросил Оливер с дурашливым подобострастием.

— Парень — высокий блондин, смахивает на гонщика. Очки в тонкой оправе, шоферские перчатки, твидовый жакет, шелковый шарф, — тяжело дыша, выпалила Шайлер.

— Ты что, гонишься за фотомodelью? Я думал, мы ищем твоего дедушку, — рассмеялся Оливер.

— Мы с ним разговаривали. Я назвала ему имя бабушки, а он вдруг исчез. Должно быть, я напала на зацепку... Алло! Олли! Ты меня слышишь? Алло!

Шайлер встряхнула мобильный и заметила, что на экранчике отсутствуют полосы, обозначающие качество связи. Вот черт! Покрывтия нет!

Двигаться через выставку в саду было все равно, что путешествовать сквозь время. Греко-римские атриумы перемежались смелыми модернистскими постройками. Строения прятались за длинными дорожками и маскировались среди растительности.

Но Шайлер не была беспомощна. Она чувствовала его. Она видела силуэт, промелькнувший за копией греческого театра. Парень стрелой пронесся за колоннами, то появляясь, то снова исчезая из виду. Шайлер метнулась вперед, на этот раз стараясь держать скорость в разумных рамках, на тот случай, если кто-то из разгуливающих по территории туристов заметит что-то странное.

Она заметила, как парень ринулся в рощу, но когда она добралась до этого места, то ощутила замешательство. Перед ней находилась всего одна постройка. Девушка взлетела по ступеням и вбежала в здание. Стоило ей очутиться внутри, как она поняла, что сбило ее с толку.

Внутри здание было отделано под открытый дворик; крыши не было, и среди растущих здесь деревьев казалось, будто ты находишься снаружи. Мощенный белым камнем дворик был уставлен скульптурами. Вокруг говорили по-итальянски, и громче всего звучали гордые речи экскурсоводов.

«Сосредоточься, — велела себе Шайлер. — Прислушайся. Услышь его шаги».

Она закрыла глаза и постаралась почувствовать парня, вычленив в толпе присутствий лишь ему запах, припоминая сочетание кожи и запаха одеколона, исходящего от его шарфа, попыталась восстановить в памяти его вид — как будто он сию секунду вышел из сверкающего нового гоночного автомобиля. Вот он! Шайлер отыскала беглеца; тот стоял на дальнем краю двора.

На этот раз она не постеснялась использовать свою скорость и силу. Девушка помчалась так быстро, что ей казалось, будто она летит, и, как и в прошлый раз, погоня привела ее в восторг. Сейчас она была даже сильнее, чем в прошлый раз, когда гналась за женщиной, выглядевшей в точности как ее мать, Шайлер чувствовала это. Она была уверена, что поймает парня.

Он все дальше углублялся в сад. Здания постепенно становились более современными, и очертания их делались почти пугающими. Она промчалась сквозь здание, построенное целиком из стекла; на стенах его были выгравированы слова и имена. Другое строение было сооружено из пластиковых труб, ярких и светящихся, как леденец. Она заметила, как парень исчезает внутри.

В павильоне было темно. Произведения искусства располагались внизу, и от зрителей их отделял стеклянный пол. Во всяком случае, Шайлер предположила, что это были произведения искусства, но видела она лишь копошащуюся массу игрушечных роботов, со скрежетом карабкающихся друг на дружку, озаряемых вспыхивающими в темноте красными, синими и зелеными огоньками.

Шайлер ощутила движение и заметила краем глаза, как парень быстро выглянул из двери на противоположной стороне павильона.

— Стой! — крикнула она во всю силу легких.

Парень взглянул на нее, улыбнулся и снова исчез.

Шайлер выбралась обратно на дорожку в саду и снова принялась разыскивать парня среди толпы. Тщетно.

Как там это делается?

Девушка на мгновение задумалась. Она попыталась представить себе Лоуренса и его предполагаемое местонахождение и понять, что могло привлекать его здесь, на биеннале.

Потом она вспомнила, что в заднем кармане у нее лежит карта. Шайлер вытащила карту и принялась изучать извилистые дорожки, связывающие павильоны между собою. Обругав себя за то, что не подумала об этом раньше, она сложила карту и быстро зашагала к новому месту назначения.

Зазвонил мобильник. В трубке зазвучал голос Оливера.

— Скай, ты где? Я волнуюсь.

— Все в порядке, — отозвалась Шайлер, злясь на помеху. — Слушай, я перезвоню. Кажется, я знаю, где он.

— Где кто? Шайлер, ты куда?

— Все будет в порядке! — нетерпеливо повторила Шайлер. — Олли, пожалуйста, не беспокойся за меня. Я вампир.

Она нажала кнопку сброса. Несколько минут спустя девушка стояла перед небольшим зданием из красного кирпича. Современная конструкция вполне соответствовала большинству иностранных павильонов выставки. Фасад был выдержан в георгианском стиле, как строили на заре освоения Америки, — с отделкой белой краской и с аккуратными коваными перилами. Это был реликт из другого времени и места — воспоминание о ранних поселениях в колонии.

Едва лишь Шайлер сунула карту в карман, как снова заметила того парня. У него был такой вид, словно он за время погони постарел: дышал тяжело, волосы растрепались.

Похоже, заметив Шайлер, он испугался.

— Опять ты! — вырвалось у него.

Шайлер решила, что у нее появился шанс. Корделия, прежде чем окончить нынешний цикл, поведала внучке, что, если та когда-нибудь отыщет Лоуренса или кого-то, кто, по ее мнению, сможет привести ее к деду, она должна произнести определенные слова.

Их она теперь и произнесла, отчетливо, самым уверенным тоном, на какой была способна:

— *Adiuvo Amicus Specialis. Nihilum cello. Meus victus est tui manus.*

«Я пришла к тебе за помощью как к тайному особому другу. Мне нечего скрывать. Моя жизнь в твоих руках».

Парень взглянул ей в глаза тем пристальным ледяным взглядом, каким могли смотреть лишь ее соплеменники, и мир погрузился в тишину.

— *Dormio* [\[5\]](#), — велел он и взмахнул рукой.

И Шайлер, теряя сознание, почувствовала, как ее окутывает тьма.

ПОДШИВКА «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД»

15 МАРТА 1871 ГОДА

ПОМОЛВКА РАСТОРГНУТА

Свадьба лорда Дарлингтона и Мэгги Стэнфорд не состоится. Местонахождение Мэгги Стэнфорд по-прежнему неизвестно.

Помолвка Мэгги Стэнфорд, дочери мистера Тибериуса и миссис Доротеи Стэнфорд из Ньюпорта, с Альфредом, лордом Барлингтоном Лондонским и Девонширским, расторгнута. Ранее предполагалось, что венчание состоится сегодня.

Мэгги Стэнфорд таинственным образом исчезла шесть месяцев назад, в тот самый вечер, когда происходил Патрицианский бал.

Суперинтендант Кэмпбелл продолжает расследование. Семейство Стэнфорд предполагает, что имело место преступление, хотя пока что не обнаружено ни письма с требованием о выкупе, ни иных признаков, указывающих на похищение. За любые сведения о местонахождении Мэгги Стэнфорд обещано солидное вознаграждение.

ГЛАВА 7

Это была не комната, а настоящая шкатулка для драгоценностей, расположенная на самом верху одного из самых высоких небоскребов посреди Манхэттена, в здании из стекла и хрома, и когда Мими взглянула наружу, на величественную панораму Нью-Йорка, она заметила в зеркальном стекле свое отражение и улыбнулась.

На ней было платье. Но не просто платье, а произведение портновского искусства, созданное из тысяч шифоновых розочек, вручную сшитых друг с дружкой, само воплощенное изящество, неземное, подобное облаку. Открытый лиф туго облегал тонкую талию, и изысканная материя выгодно подчеркивала красоту блестящих золотых волос девушки, рассыпавшихся по молочнобелым плечам. Это было платье, стоимость которого исчислялась шестизначной цифрой, феерическое, единственное в своем роде, которое мог создать один лишь Джон Гальяно. И оно принадлежало ей, Мими, по крайней мере, на один вечер.

Мими находилась в представительстве модного дома «Кристиан Диор», в отделе для знаменитостей, в эксклюзивном демонстрационном зале, куда можно было попасть только по приглашению. Вокруг нее выстроились стойки с вешалками, и все наряды на них были доставлены прямиком с парижских подиумов — образцы, которые могли позволить себе надеть лишь модели или светские знаменитости, не уступающие моделям в худобе, прочим же оставалось лишь мечтать об этом.

Здесь были те самые наряды от Диора, в которых Николь Кидман получала «Оскара», а Шарлиз Терон — «Золотой глобус».

— Потрясающе! — кивнув, заявила представительница «Диора». — То, что нужно, — сомнений быть не может.

Мими взяла высокий бокал с шампанским с серебряного подноса, предложенного слугой в белых перчатках.

— Возможно, — согласилась она, понимая, что произведет фурор на балу, явившись туда в платье со шлейфом длиной в пятнадцать футов.

А потом в дверном проеме возникла Блисс.

Мими пригласила подругу составить ей компанию; она решила, что это будет приятно — иметь зрителя, который наблюдал бы, как она будет мерить наряды. Мими обожала держать под боком раболепных друзей, завидующих ее внешности и социальным привилегиям. Вот только она никак не ожидала, что представительница «Кристиана Диора», вопреки всякому обыкновению, подбоьет Блисс тоже выбрать себе платье. Но с тех пор, как Блисс подписала договор с Агентством моделей Фансуорт и ее лицо и фигура стали красоваться на плакатах по всему городу, после того, как «Цивилизация» выбрала ее вместе с Шайлер ван Алэн для новой рекламной кампании, маленькая техасская розочка сделалась в Нью-Йорке настоящей знаменитостью — и Мими до сих пор не простила ей этого. «Вог» даже выбрал Блисс Девушкой мгновения, и появились веб-сайты, следящие за каждым ее шагом. Мими пришлось признать отвратительную правду: ее подруга стала знаменитой.

— Ну как? Что скажете? — спросила Блисс.

Мими и представительница фирмы обернулись. Улыбка Мими потускнела. Представительница фирмы кинулась к Блисс Ллевеллин.

— Великолечно! — воскликнула она. — Если бы только Джон присутствовал здесь и мог вас увидеть!

На Блисс было роскошное бархатное платье, темно-темно-зеленое, почти что черное, эффектно подчеркивающее ее пышные рыжевато-золотые кудри. Бледная кожа девушки, цвета слоновой кости, казалась полупрозрачной на фоне насыщенного темными тонами платья. У платья был весьма смелый глубокий вырез, идущий от ключиц до пупка; он открывал ложбинку на груди, но при этом не выставлял напоказ ничего, что оскорбляло бы общественную мораль. Лиф был расшит тысячами кристаллов Сваровски, сверкающими на фоне темной ткани, словно звезды на ночном небе. Это было фантастическое платье, вызывающее восторг, одно из тех, что способно сделать второразрядную актрису звездой первой величины, достойный соперник «Булавок», знаменитого платья от Версаче, принадлежавшего Элизабет Харли.

— Да, мне тоже нравится, — кивнув, отозвалась Блисс.

Она возвышалась над Мими в своих туфлях на шпильках, и две девушки смотрели друг на друга, словно в зеркало.

Рядом со строгим, но при этом очень сексуальным платьем Блисс Мими в своих бледно-розовых розочках вдруг стала смотреться невзрачно, и улыбка ее поблекла окончательно, когда Блисс закружилась и прошлась по комнате в танце.

— Оно только кажется тяжелым, — сказала Блисс, приподнимая подол, — а на самом деле легонькое!

— Оно сделано из венецианского шелка, одного из лучших в мире, — объяснила представительница «Диора». — Десять бельгийских монахинь ослепли, вышивая его, — пошутила она. — Ну, так как, девочки, думаю, все подобрано?

Мими покачала головой. Она лучше сдохнет, чем позволит Блисс украсть у нее всеобщее внимание. Мими страстно жаждала быть самой красивой девушкой на балу, а ей это не удастся, если Блисс затмит ее в своем безумно роскошном платье.

Посещение отдела для знаменитостей было идеей Мими, но теперь она решила, что следует перейти к плану «Б». Нет, она не удовольствуется платьем с подиума — ей нужен наряд, придуманный и сшитый для нее лично, работы настоящего мастера. Ее выбор — «Баленсиага».

Они вышли из демонстрационного зала и перешли на другую сторону улицы, чтобы наскоро перекусить в ресторане «Фреде», расположенном на верхнем этаже «Барнис». Их тут же провели в уютную кабинку на четверых, у окна, откуда удобно было наблюдать за фешенебельными посетителями ресторана. Мими заметила Браннон Фрост, главного редактора «Чик», одну из голубокровных; она сидела в другом конце зала со своей четырнадцатилетней дочерью Уиллоу, учащейся на первом курсе Дачезне.

Разрумянившаяся Блисс сияла и все продолжала говорить о платье.

— Да, на тебе оно смотрится отлично, — ровным тоном произнесла Мими.

Улыбка Блисс сделалась нерешительной, и она глотнула воды, чтобы скрыть разочарование. Безразличие Мими явственно давало понять, что обсуждение бального платья окончено. Блисс быстро сменила курс.

— Но твое платье просто обалденное. Тебе так идет розовый!

Мими пожала плечами.

— Не зна-аю... Пожалуй, я поищу что-нибудь еще. «Диор» — они со странностями, не находишь? Де троп, как они говорят. Малость чересчур. Но, конечно же, если это то, что ты искала, то оно потрясающее, — снисходительно произнесла Мими, листая меню в кожаном переплете.

— А где же ты собираешься его искать? — спросила Блисс, стараясь не обращать внимания на колкости подруги.

Она знала, что выглядит в этом платье великолепно и что Мими просто завидует ей. Это так на нее похоже!

Когда они в последний раз вместе ходили за покупками, то наткнулись в «Интермиксе», модном бутике в центре города, на роскошную шубу из ягненка. Мими позволила Блисс купить шубу, но предварительно облила презрением тех, кто носит меха. «Ты не стесняйся, дорогая. Я знаю, что некоторых страдания беззащитных существ не волнуют». В конце концов, Блисс таки купила эту шубу, но до сих пор ее не носила. Очко в пользу Мими Форс.

«Эта сучка просто завидует до умопомрачения. Я выгляжу потрясающе в этом платье», — подумала Блисс и тут же устыдилась того, что так плохо думает о подруге.

А действительно ли Мими завидует? Чему вообще может завидовать блистательная Мими Форс? У нее и так все есть. Возможно, она, Блисс, неверно толкует ее реакцию. Возможно, Мими права — это платье и вправду чересчур экстравагантное. Возможно, ей и вправду не следует его надевать. Вот если бы во время примерки с ней был кто-нибудь еще, хоть та же Шайлер, на суждение которой Блисс вполне могла положиться. Шайлер даже не осознавала, насколько красива она сама, и вечно пряталась за это свое отрепье.

— Даже и не знаю, где бы поискать бальное платье, — беззаботно произнесла Мими. — Но уверена, что-нибудь найду.

На этот раз она не собиралась преждевременно доставать туза из рукава. Не хватало еще, чтобы Блисс тоже додумалась выбрать себе платье в «Баленсиаге»!

Появился официант, и девушки заказали себе два стейка. Полусырые.

— С кровью, — улыбнулась Мими, продемонстрировав

легчайший намек на клыки, так что официант взглянул на нее еще раз, пытаясь понять, не померещилось ли ему.

— Сырые, — пошутила Блисс, возвращая меню, хотя на самом деле она не шутила.

— Ну, не важно, — бросила Мими, глотнула воды и оглядела полный народу ресторан, проверить, не смотрит ли кто на нее.

И действительно, несколько женщин — судя по их пастельным кардиганам и обтянутым тканью, как носили в восьмидесятых, резинкам для волос, это были туристки, — сидевших на дальнем краю, перешептываясь, разговаривали о ней.

«Это же Мими Форс! Ну, помните, «Форс ньюс»? Ее отец — тот самый денежный мешок! В последнем «Стайлс» была статья про нее. Она — новая Пэрис Хилтон».

— Как я уже говорила, на самом деле речь не о платье, а о кавалере для бала, — сказала Мими.

— О кавалере? — Блисс чуть не подавилась. — Я и не знала, что нам нужно искать кавалеров.

Мими рассмеялась.

— Конечно, тебе нужен кавалер, глупышка. Это же бал!

— Тогда кто будет у тебя?

— Конечно же Джек, — незамедлительно отозвалась Мими таким тоном, словно это разумелось само собой.

— Твой брат? — переспросила шокированная Блисс. — Э-э, то есть...

— Это семейная традиция, — раздраженно отозвалась Мими. — Двойняшки всегда идут на бал вместе. И, кроме того, на самом деле...

— На самом деле что? — попыталась подтолкнуть ее Блисс.

Мими хотела было сказать: «На самом деле он мне вовсе не брат», но сейчас было не время и не место объяснять их запутанную и бессмертную романтическую историю и связывающие их узы. Блисс все равно не поймет. Она еще не полностью владеет своими воспоминаниями, и, по-хорошему, ей вообще не полагалось бы появляться на балу в этом году.

— Да так, ничего, — отозвалась Мими. Тут им принесли их заказ. — О-о! Думаю, вот это мясо еще дышит!

Она улыбнулась и разрежала стейк, выпустив на безукоризненно белую тарелку поток крови.

«Кавалер, — подумала Блисс. — Кавалер на бал Четырех сотен».

В целом мире был всего один-единственный парень, которого Блисс хотела бы видеть своим кавалером.

— Ну а ты? Может, возьмешь Джейми Кипа? — предложила Мими. — Он клевый и совершенно свободен.

На самом деле у Джейми была девушка, но из Красной крови, а это, с точки зрения Мими, не считалось.

— Послушай, Мими, мне нужно тебе кое-что рассказать, — прошептала Блисс.

Она не собиралась посвящать Мими в эту историю, но просто не могла держать все мысли и надежды в себе. Особенно теперь, когда зашла речь о парнях.

Мими приподняла бровь.

— Ну, давай.

— Я думаю, что Дилан жив, — выпалила Блисс и быстро, бессвязно принялась рассказывать, как она вдруг очнулась в пруду в Центральном парке и едва не утонула, но ее спас какой-то парень.

Парень, лица которого она так и не увидела, но голос которого был ей знаком, и даже слишком.

Мими взглянула на подругу с жалостью. Она слышала от отца о произошедшем. На Дилана напал кто-то из Серебряной крови и убил его. Надежды, что он выжил, нет — ни малейшей. Его тело не нашли, но показания Блисс о тех трагических событиях, которые она дала Комитету, совершенно недвусмысленно описали его участь.

— Блисс, золотце, тебе, конечно, приятно воображать, будто этот парень, этот твой так называемый спаситель, был Дилан. Но это невозможно. Ты не хуже моего знаешь, что...

— Что? — настороженно переспросила Блисс.

— Что Дилан мертв.

Эти слова повисли в воздухе.

— И он никогда не вернется, Блисс. Никогда. — Мими вздохнула и отложила вилку и нож. — Так что давай поговорим серьезно. Ты хочешь, чтобы я помогла тебе уладить этот вопрос? Думаю, Джейми Кип самый клевый.

ГЛАВА 8

Когда Шайлер пришла в себя, оказалось, что она лежит на огромной кровати посреди большой комнаты, обставленной в стиле, который можно было описать разве что как «величие раннего Средневековья». Дальнюю стену украшал громадный и зловещий гобелен, изображающий смерть единорога, с потолка свисала колоссальная золотая люстра, в которой мерцали сотни истекающих воском свечей, а на кровати грудami лежали шкуры животных. Комната была воплощением грубого, примитивного изыска.

Девушка моргнула и тут же схватилась за шею. Но следов укусов не было. По крайней мере, этого с ней не случилось.

— О, вы очнулись!

Шайлер повернулась туда, откуда донесся голос. Служанка в черном платье и белом переднике сделала реверанс.

— Будьте любезны, мисс ван Ален, следуйте за мной, — произнесла она. — Я должна отвести вас вниз.

«Откуда она знает, как меня зовут?»

— Где я? — спросила Шайлер, откинув покрывало, и сунула ноги в свои мотоциклетные ботинки, стоявшие на полу.

— Во Дворце дожей, — ответила служанка и повела Шайлер прочь из комнаты, к винтовой лестнице, освещенной подвесными светильниками.

Дворец дожей на протяжении веков служил местопребыванием для правительства Венеции; здесь размещались законодательная и исполнительная ветви власти, а кроме того, залы совещаний и личная резиденция дожей. Туристов охотно допускали в величественные залы и галереи. Шайлер и сама осмотрела дворец во время официально дозволенной экскурсии.

Она поняла, что находится сейчас в личных покоях, в той огороженной части дворца, куда экскурсии не водили.

Служанка жестом велела девушке следовать за ней, и Шайлер спустилась по лестнице в длинный коридор. В конце его она увидела огромную дубовую дверь, покрытую резьбой — иероглифами и

языческими символами.

— Он ждет вас, — сказала служанка, отворив дверь.

Шайлер вошла и очутилась в просторной библиотеке, пышной и великолепной. С высоких окон ниспадали изящно задрапированные красные бархатные шторы. На полках из древесины ореха выстроились ряды книг в кожаных переплетах. Вокруг было множество шкур и других охотничьих трофеев.

В камине гудело пламя. Перед огнем в массивном кожаном кресле сидел сутулый седовласый джентльмен в твидовом костюме от Харриса.

— Подойди, — велел он.

Рядом с джентльменом сидел тот самый молодой красивый итальянец, с которым Шайлер встретилась на биеннале. Он кивнул девушке и указал на стоящее перед ними кресло.

— Ты меня заколдовал! — сердито заявила Шайлер.

Парень не стал спорить.

— У нас не было другого способа убедиться в том, кто ты такая и каковы твои подлинные намерения. Не волнуйся, тебе не причинили никакого вреда.

— И как? Вы удовлетворены?

— Да, — серьезно ответил парень. — Ты — Шайлер ван Ален. Ты остановилась в гостинице «Даниэль» вместе с Оливером Хазардом-Перри-старшим и его сыном Оливером. Ты ведешь некий поиск. Позволь сообщить тебе приятную новость. Ты достигла цели.

— Каким образом? — настороженно поинтересовалась Шайлер.

— Профессор перед тобой, — произнес парень.

— Я слышал, ты меня ищешь, — весело произнес седовласый джентльмен. — В нынешнее время я не особо популярен среди американских студентов. Некогда толпы юных пилигримов прибывали, чтобы послушать мои лекции, но это осталось в прошлом. Ну, так расскажи, что привело тебя сюда?

— Меня прислала Корделия ван Ален, — сказала Шайлер.

Заслышав это имя, профессор и парень многозначительно

переглянулись. От жара камина щеки у Шайлер начали гореть, но не только от пламени проступил румянец на ее бледной коже. Столь храбро произнесенное имя Корделии заставило ее почувствовать себя уязвимой. Кто эти странные люди? Зачем они доставили ее сюда? Не допустила ли она ошибку, озвучив продиктованный Корделией призыв о помощи?

— Расскажи мне поподробнее, — подбодрил ее профессор, подавшись вперед и пристально взглянув на девушку.

— Корделия была моей бабушкой... — произнесла Шайлер.

Даже если это враги, деваться уже некуда. Она оглядела комнату, выискивая пути к отступлению; девушка заметила потайную дверь, встроенную в одну из стен библиотеки. Может быть, ей удастся бежать через эту дверь, а может, она сумеет оглушить старика и парня собственным заклинанием и выпрыгнуть в окно.

— Была? — переспросил парень.

— Она окончила этот цикл. На нее напали. — Шайлер с силой втянула воздух. — Серебряная кровь. Кроатан.

— Ты уверена? Почему? — резко спросил парень. — О Серебряной крови было не слышно с семнадцатого века. Их существование вычеркнули из истории Голубой крови.

— Она сама мне об этом сказала.

— Но она... ее не забрали? — хрипло спросил парень.

— Нет. К счастью. Напавший не выпил ее полностью и не отнял память. Она вернется к жизни в следующем цикле.

Парень откинулся на спинку кресла. Шайлер заметила, что он тербит ключи от машины и что у него подрагивает правое колено, так ему не терпится услышать ее историю полностью.

— Продолжай, — велел профессор.

— Корделия сказала, что для того, чтобы победить Серебряную кровь, нужно отыскать ее мужа, Лоуренса ван Алена, ныне скрывающегося. Она думала, что, если отправить... если она отправит меня в Венецию, мне удастся отыскать его.

— Удалось?

Глаза старика заблестели.

— Не знаю... Дедушка, я пришла за помощью. Корделия сказала, что необходимо...

Тут парень кашлянул. Шайлер повернулась к нему.

— Лоуренс ван Ален — это я, — сообщил парень, подавшись вперед.

Его лицо изменилось — не незаметно, а поэтапно, — и он стал выглядеть постарше. Но это был не тот сутулый седовласый дедушка, которого рисовала себе в воображении Шайлер. Это был высокий, худощавый мужчина с той же львиной гривой, что и у парня, только подернутой серебром; и его аристократический ястребиный нос и высокомерный подбородок тоже сохранились.

В его присутствии комната словно бы съежилась. С первого взгляда было ясно, что это прирожденный лидер, а острота его взгляда пугала. Шайлер подумалось, что он — достойный соперник Чарльзу Форсу.

— Так ты оборотень! — с восхищением произнесла Шайлер. — А это твой настоящий облик?

— В той мере, в какой хоть какой-то облик можно считать настоящим, — отозвался Лоуренс. — Андерсон, мы вас больше не задерживаем.

Пожилой джентльмен подмигнул Шайлер и вышел из комнаты, беззвучно затворив за собою скрипучую деревянную дверь.

Шайлер устроилась поудобнее в кресле. Она обратила внимание на выцветшие обюссонские ковры на каменном полу. Такие же ковры лежали в библиотеке Корделии на Сто первой улице.

— Твой проводник?

Лоуренс кивнул. Он встал и прошел к встроенному бару, расположенному напротив камина, отворил нижнюю часть и достал бутылку портвейна. Наполнив два бокала алой жидкостью, он вручил один Шайлер.

— Так я и думала, — сказала девушка, приняв бокал.

Она медленно отпила глоток. Вино было сладким без приторности, крепким и вкусным. Алкоголь на вампиров не действовал, но большинству из них нравился его вкус.

— Я подозревал, что ты можешь это понять. Ты почти обратилась ко мне, но притормозила. Откуда ты узнала?

— Хозяин особняка обычно сидит слева — как раз там, где сидел ты, а он — справа от тебя, — объяснила Шайлер.

Это было одним из правил средневекового этикета, которое она усвоила из бесконечных лекций Корделии по истории Голубой крови. Король всегда сидел слева, а его королева или любое другое лицо, уступающее ему по рангу, — справа от него.

— А! Ты наблюдательна. Я уже и забыл об этом. Старею.

— Мне очень жаль, что Корделия не с нами, — негромко произнесла Шайлер.

Лоуренс вздохнул.

— Ничего. Мы расстались уже больше века назад. К одиночеству привыкаешь. Возможно, когда-нибудь мы снова воссоединимся.

Он откинулся на спинку кресла и достал из нагрудного кармана сигару.

— Так значит, ты — дочь Аллегры, — произнес Лоуренс, отрезав кончик сигары небольшой серебряной гильотинкой. — Я следил за тобой. Я знал, что ты ищешь меня, с той самой минуты, как ты прибыла в Венецию. Я ощущал что-то в воздухе — подумал сначала, будто это твоя мать, но энергия была иной. Ты меня нашла.

— Это ты был той женщиной на улице! Ты принял облик Аллегры, — выпалила Шайлер.

Теперь произошедшее обрело смысл. Лоуренс кивнул.

— Да, иногда я это делаю. Уже хотя бы потому, что мне очень ее недостает.

Он выпустил клуб дыма и затянулся.

— Я был настороже и не хотел показываться тебе, пока не пойму точно, кто ты есть на самом деле. У меня много врагов, Шайлер. Они охотятся за мной уже не первое столетие. Ты могла оказаться одной из них.

Шайлер внезапно выпрямилась, едва не расплескав вино.

— А хозяйка гостиницы? Это тоже был ты? Во всяком случае,

сначала.

Лоуренс коротко хохотнул.

— Да, конечно.

— Так вот почему она заявила, что видит нас в первый раз, когда мы спустились обратно! Она сказала правду.

Шайлер опустила пустой бокал на столик рядом с креслом, потрудившись поставить его на золотую подставку.

— Мария — честная домохозяйка, надо отдать ей должное, — улыбнувшись, произнес Лоуренс.

— А почему ты показал нам твою комнату?

— Я не собирался этого делать, но ты гналась за мной, и мне пришлось укрыться в одном из моих тайных убежищ, разбросанных по всему городу. Видишь ли, у меня много адресов. Если хочешь, чтобы тебя не нашли, без этого не обойтись. Мария сказала вам правду: комната была заперта. Но она отворилась для вас. Я счел это добрым знаком. Я подумал, что это даст тебе ключ к разгадке, и решил проверить, сможешь ли ты отыскать меня на биеннале. Ты действовала правильно. Тебя тоже влечет к Олафуру Элиассону, как и меня.

— Но почему ты снова попытался скрыться? Мне пришлось гнаться за тобой.

— И ты почти нагнала меня. О господи, ну у тебя и скорость! Ты просто невероятно сильна. Мне потребовалось собрать все силы, чтобы не дать себя догнать. Я тогда все еще не был точно уверен, кто ты такая и что тебе нужно. Ты меня изрядно удивила, когда сумела отыскать меня у колониального особняка. Извини, что применил к тебе заклинание сна.

— А почему ты теперь решил, что мне можно доверять? — спросила Шайлер.

— Потому что только дочь Аллегры может знать «Адвоко адиуво», заклятие, которое ты использовала. Мы с Корделией договорились, что, если кому-то из нас понадобится отыскать другого, наши посланцы воспользуются именно этими словами на священной речи. Без «Адвоко» ты и за тысячу лет не нашла бы меня, несмотря на все твои силы. Но мне пришлось погрузить тебя в сон на

некоторое время, чтобы убедиться, что тебя не используют. Нужно было доставить тебя в какое-нибудь безопасное место, где за нами не наблюдали бы.

Шайлер кивнула. Так она и предполагала.

— Ну а теперь, когда ты нашла меня, чего же ты хочешь? — спросил Лоуренс, глядя на Шайлер сквозь пелену табачного дыма.

— Я хочу знать о Серебряной крови. Я хочу знать все.

ГЛАВА 9

Следующий день был началом последних учебных недель в Дачезне. В отличие от других школ воспитанники этого престижного заведения с нетерпением ждали начала экзаменов, потому что это означало для них гибкое расписание и приближение каникул. Блисс, поспешно проскочив сквозь высокие стеклянные двери школы, отделанные бронзой и позолотой, сверилась со своей схемой. Сегодня у нее английский и история Америки. Завтра немецкий и биология. В среду тесты по обществоведению, четверг свободен, а в пятницу только опрос по французскому.

Взбежав по величественной лестнице на третий этаж, Блисс заметила, что девушки вокруг одеты в тренировочные брюки, футболки и обуты в потрепанные меховые тапочки; парни же все были в выцветших спортивных рубашках, драных джинсах и теннисных туфлях.

Что происходит? Сама Блисс была в своем обычном наряде — облегающих джинсах, заправленных в пиратские сапоги высотой по колено, и свитере от Стеллы Маккартни поверх гофрированной блузки от Дерека Лама. Отчего у всех вокруг такой вид, будто они еле-еле выбрались из постели и одевались в темноте, на ощупь?

— Привет, Блисс! — крикнула Мими, выскочив из библиотеки на втором этаже.

К изумлению Блисс, Мими тоже была в наряде, который обычно не надела бы и под страхом смерти. Она спрятала свои длинные белокурые волосы под пеструю красно-синюю бандану и, похоже, вообще не накрутилась (Блисс даже заметила у нее на подбородке прыщик). На худощавой фигуре мешком висела чересчур большая для Мими футболка команды Дачезне по лакроссу, позаимствованная у ее брата Джека. Дополняли картину фланелевая пижама и удобные тапочки из овчины.

— Привет! — отозвалась Блисс.

— Извини, спешу, опаздываю на выпускной по химии, — объяснила Мими и помчалась вниз, шлепая тапочками по мрамору.

— Ты что, только пришла? — поинтересовалась вышедшая

следом за Мими Суз Кембл.

На ней была не по размеру большая оксфордская спортивная рубашка и шерстяные леггинсы с пузырями на коленях; ее жидкие светлые волосы вились мелкими кудряшками. И это та самая девушка, которая каждый день являлась с безупречной укладкой и в дизайнерских нарядах астрономической стоимости.

— Да, — отозвалась Блисс. — А что?

— Да все остальные тут с самого рассвета. — Суз зевнула. — Только так можно занять лучшие кабинки в библиотеке к выпускным.

Блисс это показалось любопытным. Она, похоже, никогда не поймет неписаных правил Дачезне, но, судя по всему, во время экзаменов пискom моды считалось выглядеть тупицей или вообще шизиком.

Блисс решила, что завтра явится в школу в самой старой пижаме. Она терпеть не могла выделяться на общем фоне, словно чирей на ровном месте. На кой ей лишний раз напоминать окружающим, что она, в отличие от одноклассников, не училась в Дачезне с самых яслей? Неужто она всегда будет здесь ничего не смыслящей чужачкой? Может, стоит обидеться на Мими за то, что та не предупредила ее, как сегодня полагается одеваться? Хотя, пожалуй, у Мими хватало и других забот, кроме как советовать Блисс, что надевать на экзамены.

К тому моменту, как Блисс добралась до кабинета истории, уже почти все тихо сидели на своих местах и ждали, пока профессор раздаст тесты. Блисс уселась позади и огляделась, не видать ли Шайлер или Оливера. Ей не терпелось рассказать им о возвращении Дилана. Мими ей не поверила, но уж они-то обязательно поверят!

Но, увы, их не было видно.

Потом Блисс вспомнила, что им разрешили сдать экзамены раньше, чтобы они могли отправиться на две недели в Венецию. Везунчики чертовы.

Блисс посмотрела на свою толстую синюю тетрадь. Первый вопрос касался плавания «Мейфлауэра», отцов-пилигримов и основания тринадцати колоний. Поскольку Блисс жила в то время, ей достаточно было закрыть глаза — и перед ее внутренним взором вставало их одинокое поселение. Она была уверена, что получит

наивысшую оценку.

Когда Блисс поднялась со своего места и сдала лист с ответами, она не сомневалась в успехе. Джек Форс отвечал вместе с ней и, сдав свой лист сразу после нее, дружески улыбнулся девушке. Он придержал дверь, и они вышли вместе.

— И как ты? — спросил Джек, когда они оказались в коридоре рядом с главной лестницей.

— Прекрасно, — отозвалась Блисс. — У меня было такое ощущение, словно я жульничаю. То есть... ну, ты понимаешь.

Джек кивнул.

— Да, я тебя отлично понимаю. От нас требуется лишь одно — закрыть глаза.

— Это же все равно как если перед нами лежит открытый учебник, — сказала Блисс.

— Ну, мы не обязаны им пользоваться, — пробормотал Джек.

— Что-что? — переспросила Блисс.

— Да так, ничего. — Джек пожал плечами.

Вид у него был отсутствующий, и Блисс стало любопытно, что же это с ним происходит. Она не очень хорошо знала Джека, хотя и часто виделась с ним, поскольку Мими предпочитала всегда находиться в обществе брата.

— Желаю удачи на этой неделе, — сказал Джек и по-братски хлопнул ее по плечу.

— И тебе, — отозвалась Блисс.

Она взглянула на наручные часы. До следующего экзамена оставалось несколько часов. Может, пойти наскоро перекусить в кафешку на углу, а потом попытаться-таки занять кабинку в библиотеке, если еще хоть одна осталась?

Когда она направилась вниз по лестнице, ее нагнала какая-то девушка. Блисс приподняла бровь.

— Да-да?

Это была Ава Бретон, ученица второго курса, из Красной крови, но все же очень популярная. Почти все друзья Авы принадлежали к

Голубой крови, хотя сама Ава этого и не знала. Блисс заметила на ее шее предательские отметины. Значит, Джейми Кип, парень Авы, из Голубой крови, сделал ее своим фамильяром. Любопытно...

— Блисс, можно тебя кое о чем спросить? — произнесла Ава, заправив волосы за ухо.

На девушке была тонкая футболка «Америкэн аппарель» с длинным рукавом, баскетбольные шорты ее парня и серое термобелье.

— Да, конечно.

— Ты что-нибудь знаешь про вечеринку, которую устраивают на следующей неделе Мими и Джек Форс?

Блисс замялась.

— Ну...

— Ничего-ничего. Я вот о чем — Джейми себя очень странно ведет. Я знаю, что он идет на бал в «Сент-Регис» с родителями — ну что за дурость! Но то, что он меня не приглашает на вечеринку после бала, как-то совсем странно.

— Извини, — с неловкостью произнесла Блисс.

Она терпеть не могла, когда кого-то лишали возможности повеселиться, и хорошо помнила, каково ей было до того, как Мими взяла ее под свое крылышко. Блисс было неприятно исключать людей из своего круга. Это так пошло и чванливо — совершенно в духе Мими. Но не в духе Блисс. В любом случае, что тут плохого? Может, бал Четырех сотен и вправду предназначен исключительно для вампиров, но ведь вечеринка после бала — для подростков! А Блисс всегда считала, что чем больше народу на вечеринке, тем веселее. И если кто-то хочет прийти, что тут плохого?

— Просто... ну, просто... в смысле, я знаю, что всех остальных пригласили, — сказала Ава и прикусила губу. — А что, если меня так и не...

— Вечеринка будет на окраине, в Оренсанс-центре, в полночь, — выпалила Блисс. — И это будет маскарад. Тебе потребуется какая-нибудь маска, чтобы туда попасть.

Ава восторженно заулыбалась.

— Спасибо, Блисс! Огромное спасибо! Черт!

Теперь она точно явится туда. Она пригласила на вечеринку краснокровного. Мими взбеленится как пить дать.

ГЛАВА 10

Безнадежно. Все было безнадежно. Ее дедушка оказался бесполезен. Всего лишь трусливый старик, у которого в жизни не было ничего, кроме его книг, сигар и портвейна. А кого она хотела найти? Наставника, советчика, покровителя... Отца. Того, кто хотя бы ненадолго снимет ношу с ее плеч.

На следующее утро в комнате гостиницы, собирая свои вещи, Шайлер вспомнила последние слова, сказанные Лоуренсом при расставании.

— Извини, Шайлер. Корделия ошиблась, послав тебя ко мне.

Он принялся расхаживать взад-вперед перед камином.

— По правде говоря, меня больше не волнуют дела Голубой крови. Я снял с себя ответственность и больше не интересуюсь, что там у них творится, еще со времен Роанока. Тогда они предпочли последовать за Михаилом, как делали всегда, — произнес Лоуренс, имея в виду, что, когда стало известно о кризисе в Роаноке и предполагаемом возвращении Серебряной крови, Совет вновь официально объявил Михаила Регисом. — И если я не ошибаюсь, они по-прежнему предпочитают следовать за ним же, носящим ныне имя Чарльза Форса. — Лоуренс покачал головой. — Когда он отвернулся от семьи и отрекся от имени ван Аленов, я поклялся, что никогда больше не вернусь в Совет. Так что, увы, ты приехала в Венецию напрасно. Я уже стар. И предпочитаю прожить свою бессмертную жизнь спокойно. Мне нечего тебе предложить.

— Но Корделия сказала...

— Корделия, как всегда, возлагала на меня слишком много надежд. Ключ к победе над Серебряной кровью не во мне, а в Чарльзе и Аллегре. Лишь неразвращенные способны спасти Голубую кровь от мерзости Серебряной крови. Извини, что мало чем могу тебе помочь. Я навсегда отрекся от Голубой крови, когда отправился в изгнание.

— Так значит, Чарльз Форс был прав, — дрожащим голосом произнесла Шайлер.

— Что ты имеешь в виду? — мрачно поинтересовался Лоуренс.

— Он сказал, что ты и наполовину не таков, каким Корделии хочется тебя видеть. Что я не найду в Венеции ничего, кроме переживаний и неприятностей.

Лоуренс отшатнулся, словно от удара. На лице его отразилось множество чувств разом — стыд, гнев, гордость, но он промолчал. В конце концов, он резко развернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Ну что ж. Вот и все. Шайлер застегнула дорожную сумку, закинула ее на плечо и вышла в коридор, к лифту, где уже ждал ее Оливер. Он не поздоровался с девушкой и не пожелал доброго утра.

Шайлер знала, что если она захочет, то может уловить общий ход его мыслей — они транслировались широко, словно спутниковое радиовещание. Но она всегда отключала сигнал. Ей казалось неправильным подглядывать за Оливером. Кроме того, Шайлер и не требовалось применять свои особые способности, чтобы понять: юноша по-прежнему сердится из-за того, что она вчера вечером ему не позвонила.

Шофер Лоуренса привез ее в гостиницу поздно ночью, и Шайлер обнаружила у себя на мобильном несколько сообщений от перепуганного друга и голосовое сообщение на гостиничном телефоне. Ей стоило бы перезвонить Оливеру, но было уже так поздно, что девушке не захотелось его будить.

— Я думал, ты умерла! — сердито бросил Оливер.

— Ну, тогда ты мог бы забрать себе мой айпод.

— Да на фиг он мне? У него даже камеры нету!

Шайлер сдержала улыбку. Так она и знала, что Оливер не сможет злиться долго.

— Зато ты пропустила крутое музыкальное шоу по телевизору, вручение наград Эм-ти-ви. Дэвид Хассельхоф выиграл во всех категориях.

— Ну, увы мне.

— Папа улетел другим рейсом, пораньше, — буркнул Оливер. — Торопился на какое-то собрание акционеров.

Шайлер искоса взглянула на друга. Каштановые волосы закрывали лоб, а светло-карие глаза с зелеными и топазовыми

крапинками были полны обиды, но одновременно и заботы. Шайлер едва удержалась, чтобы не коснуться шеи Оливера, выглядящей столь уязвимо и соблазнительно. В последнее время она ощущала в крови новое желание — питаться. Жажда была сходна с негромким рокотом, словно играющая где-то на заднем плане музыка, которую ты даже не замечаешь, но стоит лишь ей сделаться громче — и ее уже не спутаешь ни с чем. Шайлер поймала себя на том, что ее влечет к Оливеру по-новому, и, взглянув на него, девушка покраснела.

Шайлер пришло в голову, что ее отец, человек, был фамильяром ее матери, вампирши, и Аллегра взяла его в мужья вопреки законам вампиров.

Впервые за всю историю существования Голубой крови граница между двумя народами стерлась, и в результате на свет появилась она, Шайлер. Наполовину человек, наполовину вампир. Димидиум когнатус.

Шайлер узнала о своем происхождении всего несколько месяцев назад, но теперь понимала, что ее кровь была ее судьбой, сплетающейся причудливыми узорами в венах у нее под кожей. Кровь призывала кровь. Кровь Оливера...

Девушка никогда прежде не осознавала, насколько красив ее лучший друг. Насколько мягкой выглядит его кожа. Как ей хочется коснуться его шеи под кадыком и поцеловать его туда, а потом, быть может, пронзить его кожу своими клыками, погрузить их в тело... и питаться...

— Кстати, где ты все-таки была? — поинтересовался Оливер, нарушив ход мыслей подруги.

— Долго рассказывать, — отозвалась Шайлер.

Двери лифта открылись, и они вышли.

Пока они добирались в раздолбанном такси по булыжным мостовым к маленькому местному аэропорту, Шайлер поведала Оливеру обо всем произошедшем, а друг внимательно выслушал ее.

— Ох, жалко-то как! — сказал Оливер. — Ну, может, он когда-нибудь передумает.

Шайлер пожала плечами.

Она изложила свою просьбу, сделала все так, как велела ей

бабушка, и все же ей было отказано. Наверное, больше она уже ничего не сможет сделать.

— Может, передумает, а может, и нет. И хватит говорить об этом, — со вздохом произнесла она.

Их рейс до Рима задерживался, потому Шайлер с Оливером коротали время, разглядывая товары в магазинчиках дьюти-фри и сувенирных лавках. Оливер ухмыльнулся и показал Шайлер пикантный итальянский журнал.

Шайлер взяла несколько журналов, бутылку воды и жвачку, чтобы во время взлета и посадки меньше давило на уши. Девушка уже встала было в очередь к кассе, чтобы оплатить покупки, и тут заметила стеллаж с венецианскими масками. Хотя до карнавала оставалось еще несколько месяцев, город заполнили уличные торговцы масками, шумно расхваливавшими свой товар. Девушка не обращала внимания на дешевые безделушки, но тут, в аэропорту, одна маска привлекла ее внимание.

Эта маска полностью закрывала лицо, не считая отверстий для глаз; она была сделана из лучшего фарфора и украшена золотым и серебряным бисером.

— Смотри-ка, — позвала Шайлер Оливера и взяла маску в руки.

— На кой тебе эта безвкусная штукавина? — удивился юноша.

— Не знаю. У меня нет ничего на память о Венеции. Возьму-ка я ее.

Перелет до Рима оказался тряским, а полет до Нью-Йорка — еще хуже. Турбулентность была такая, что Шайлер казалось, что она скоро свихнется — так у нее стучали зубы всякий раз, как самолет подбрасывало. Но стоило ей глянуть в иллюминатор и увидеть панораму Нью-Йорка, как ее затопила любовь к этому городу, смешанная с печалью, ведь теперь здесь ее никто не ждал, не считая двух верных слуг, ставших ныне, согласно завещанию Корделии, ее законными опекунами. Ну, но крайней мере, ее ждала Бьюти, ее гончая блауханд, настоящий друг и защитник. Бьюти была еще одной составляющей преобразования, часть души Корделии, переместившейся в материальный мир, дабы защищать Шайлер до той поры, пока она полностью не овладеет своими силами. Девушка скучала по Бьюти.

Уставшие после перелета, друзья пробились через толпу, чтобы забрать свой багаж. Путешествие длилось почти пятнадцать часов, и они выглядели изможденными, а к тому моменту, как добрались до Нью-Йорка, на город уже опустились сумерки. Когда они вышли из здания аэропорта, оказалось, что фонари припорошены снегом. Начался декабрь, и наконец-то наступила зима.

Оливер отыскал у тротуара машину их семьи со скучающим шофером и провел девушку к большому черному «мерседесу майбаху». Они устроились на удобных кожаных сиденьях, и Шайлер возблагодарила всех богов за то, что они послали ей Оливера. Состояние его семьи, полностью сохранившееся, в нынешнее время оказалось более чем кстати.

По дороге к городу друзья сидели молча, погрузившись каждый в свои мысли. В кои-то веки машин на автостраде было мало, и они добрались до Манхэттена всего за полчаса. Автомобиль проехал через мост Джорджа Вашингтона и выехал на Сто двадцать пятую улицу, направляясь к Риверсайду, к особняку ван Аленов, расположенному на углу Сто первой улицы и Риверсайда.

— Все, я доехала, — сказала Шайлер. — Еще раз спасибо тебе за все, Олли. Жалко, что с бабушкой ничего не вышло.

— Да не за что. «Защищать и служить» — вот мой девиз.

Оливер потянулся чмокнуть ее в щеку, как всегда, но в последнее мгновение Шайлер повернулась, и они столкнулись носами.

Девушка ойкнула.

Оливер смутился, и вместо обычного поцелуя они неловко обнялись.

Да что это с ней такое? Оливер — ее лучший друг. Что она себя ведет так по-идиотски? Шайлер уже собралась открыть дверцу машины, как Оливер кашлянул. Девушка обернулась.

— Ты что-то хотел сказать?

— Э-э... Ну... ты собираешься на сегодняшнее мероприятие? — поинтересовался Оливер, почесывая подбородок.

Шайлер удивленно взглянула на него.

— Какое еще мероприятие?

—Ну, на бал Четырех сотен, — пояснил Оливер, закатывая глаза и изображая в воздухе кавычки. — Большую вечеринку кровопийц.

— Ах, да!

Шайлер чуть не позабыла про бал. А ведь ей положено там присутствовать как члену Комитета. Но она еще слишком молода для официального представления на балу, в отличие от Мими и Джека Форс. Джек Форс... Девушка несколько недель подавляла свои чувства к нему, но при мысли о бале Четырех сотен перед ее внутренним взором снова возник образ Джека. Высокий, до боли красивый, с солнцем, играющим на золотых волосах и коже, со смехом в пронизательных зеленых глазах, с безукоризненными, ослепительно белыми зубами.

Джек первым заподозрил, что за смертью Эгги Карондоле кроется нечто такое, во что Комитет не желает верить. Именно он решил выяснить правду. Шайлер отыскала его после того, как на нее капали, а потом, после того как он ее утешил, они поцеловались. При воспоминании об этом поцелуе у нее до сих пор горели губы. Стоило Шайлер закрыть глаза, и она снова чувствовала запах Джека, свежий и чистый, словно свежевывстиранное белье, с легкой хвойной ноткой от лосьона после бритья.

Джек Форс...

Тот самый, что отвернулся от нее после того, как она по ошибке обвинила его отца в принадлежности к Серебряной крови.

Интересно, есть ли у Джека спутница для этого бала, и если есть, то кто она? При мысли о другой девушке в его объятиях Шайлер ощутила укол ревности.

— Хочешь пойти со мной?

Она и не думала ни о платье, ни о кавалере, пока Оливер ей не напомнил.

Оливер покраснел, и вид у него сделался уязвленным.

— Э-э... туда допускают только вампиров. Правило такое. И фамильярам, и проводникам вход закрыт.

— Ой. Извини, я не знала, — сказала Шайлер. — Может, я туда и не пойду.

Оливер посмотрел в окно, на снег, покрывающий крыши и

тротуары белым хрустальным одеялом.

— Ты должна идти, — тихо произнес он, — Корделия хотела бы, чтобы ты пошла.

Шайлер понимала, что он прав. Она оставалась ван Ален из Нью-Йорка. Представительницей семейства.

— Ладно, я пойду. Но уйду пораньше. Может, мы еще встретимся сегодня?

Оливер улыбнулся с легкой завистью.

— Обязательно.

ГЛАВА 11

Форсы заказали в «Сент-Регисе» четырехместный президентский люкс. Почти все номера гостиницы были заняты семьями Голубой крови. Такова была традиция, позволявшая спуститься в бальный зал на лифте и не мять бальные платья дам.

Чарльз Форс застегнул вторую запонку. Это был высокий горделивый мужчина; его красивую голову венчала копна седых волос. На нем был белый фрак с белым галстуком и белые перчатки. Фрак был отлично скроен в соответствии с традиционным фасоном, с двубортной застежкой у пиджака и бархатными лампасами на брюках. Чарльз стоял в гостиной, скрестив руки на груди, и ждал, пока женщины его семейства закончат наряжаться.

Его сын Джек, одетый так же, как отец, выглядел во фраке щегольски. Правда, Джек предпочел традиционному воротнику-стойке со скругленными кончиками воротничок с острыми углами.

Джек весь день был непривычно тихим. Но вот сейчас он внезапно спустил ноги с дивана и, встав, взглянул отцу в глаза.

— Что ты сказал Шайлер, когда она уезжала?

— Все еще переживаешь за эту девчонку? — поинтересовался Чарльз. — А я предполагал, что после того, как она назвала меня мерзостью, ты потерял к ней интерес.

Джек пожал плечами.

— Я не переживаю, отец. Мне просто любопытно.

Во время ожесточенных споров, которыми сопровождались исчезновение Дилана и кончина Корделии, отец посвятил сына в тайну происхождения Шайлер. Тем вечером Джек также узнал правду о подлинном характере их взаимоотношений с сестрой. Мими, к добру или худу, была его половинкой, его лучшим другом и злейшим врагом, его двойняшкой — во многих отношениях.

Но хотя Джек уяснил истинное положение дел в семье, вопросы у него остались. Что скрывает Комитет? Действительно ли Серебряная кровь вернулась? Отец вел себя так, словно ситуация полностью разрешилась, поскольку несколько месяцев назад

убийства внезапно прекратились.

Чарльз вздохнул.

— Я просто сказал ей, что поездка в Венецию ничего не даст. Она вбила себе в голову, что ее бабушка каким-то образом ответит на все ее дурацкие вопросы. Но этого не будет. Я очень хорошо знаю Лоуренса. Он будет держаться в стороне, как держался всегда. Ее путешествие бесполезно.

Джек так и полагал. Он догадывался, что отец не любит Лоуренса ван Алена, и всплывающие в памяти юноши воспоминания подтверждали это.

— Еще вопросы есть? — спросил Чарльз.

Джек уставился на свои лакированные туфли, приобретенные специально для сегодняшнего бала. В блестящих носках виднелось его отражение.

— Нет, отец.

Юноша покачал головой. Как он мог усомниться в отце? Чарльз Форс был Михаилом, Чистым Сердцем, Регисом. Вампиром не по греху, а по выбору, непогрешимым.

— Хорошо, — произнес Чарльз, стряхнув с черного фрака Джека пушинку и поставив сына прямо. — Сегодня бал Четырех сотен. На нем ты будешь официально представлен нашему народу. Я горжусь тобой.

Он окликнул жену:

— Тринити, дорогая! Ты готова?

Джек увидел свою мать. Тринити Барден Форс вышла из гардеробной и ласково взглянула на мужа. На ней было темно-красное бальное платье из шелкового шармеза, с вырезом в форме сердечка и с открытой спиной. Им с супругом предстояло открывать бал. Но Джек знал от отца, что в прошлом Тринити не удостоивалась этой чести. На самом деле всего лишь последние шестнадцать лет Аллегра ван Ален не стояла рядом с братом. Лишь последние шестнадцать лет Габриэлла не возглавляла Совет.

В соседнем номере люкс Мими Форс, закутанная в роскошный турецкий купальный халат, сидела на стуле с позолоченной спинкой, а вокруг толпились стилисты и маникюрщицы, ухаживая за каждым

дьюмом ее тела. Волосы ее были зачесаны назад и собраны на затылке в элегантный пучок; один из помощников держал в руках профессиональный фен. Двое визажистов из числа самых известных в городе наносили завершающие штрихи: один кисточкой подправлял помаду, второй касался лица средством, имитирующим загар.

Все это время Мими прижимала плечом к уху мобильник и дула на ногти, покрашенные перламутровым «Сошиалите».

— О боже, тут просто сумасшедший дом — извини, тебя плохо слышно. Во сколько, ты говоришь, вы подойдете? Мы в гостинице. Да, в пентхаусе. Одну минутку. Послушайте, у меня от вас уже в ушах звенит! — резко бросила Мими стилисту с эспаньолкой, сушившему ей волосы, и недобро взглянула на него. — Извини, Блисс, мне надо идти.

Она со щелчком захлопнула мобильник, и все, кто суетился вокруг нее, застыли.

— Ну что, готово? — поинтересовалась Мими.

Стилист протянул ей зеркало.

— Взгляните.

— Фотографию! — потребовала Мими.

Один из помощников в черных рубашках щелкнул фотоаппаратом и протянул девушке моментальный снимок.

Мими придирчиво изучила свое отражение и фотографию. Она разглядывала себя, выискивая любые, даже мельчайшие недостатки. Волосы ее были причесаны и уложены и теперь блестели, обрамляя лицо, подобно золотой короне. Кожа ее сияла; темные дымчатые тени подчеркивали зелень глаз, а губы цветом соперничали с только что сорванной розой.

— Да, думаю, готово, — царственно произнесла Мими и взмахом руки отослала свою свиту, даже не потрудившись поблагодарить людей.

Мими считала, что оказывает им большую честь, позволяя работать с ней, а вовсе не наоборот.

Вскоре после этого в комнату вошла горничная, неся белую картонную коробку размером с детский гробик. Ее доставили в гостиницу в последнюю минуту, и Мими, завидев коробку, захлопала

в ладоши.

— Вот оно! — радостно произнесла горничная.

Именно на ее голову изливалось раздражение Мими по поводу того, что бал начинается через несколько часов, а ее платье все еще не прибыло.

— Вижу! Я не слепая! — огрызнулась Мими.

Она подбежала к коробке, положила ее на кровать и стремительно разорвала коричневую оберточную бумагу.

Покинув ранее демонстрационный зал «Диора», Мими забраковала и отвергла бесчисленное множество фасонов; дизайнеру пришлось изорвать не одну дюжину набросков.

— Чего вы хотите? — бросил окончательно выведенный из себя дизайнер. — Вы капризнее невесты!

Мими резко втянула воздух.

— Именно!

Она закрыла глаза — и увидела себя и Джека, стоящих рядом, во время их первого соединения узами. Ее тогдашнее платье было белым, очень простым — всего лишь кусок ткани, наподобие тоги, и они шли на церемонию по улицам Венеции босыми, рука об руку.

— Белое. Платье должно быть белым, — пробормотала она. — Белым, словно снег. Прозрачным, как слеза.

И вот оно было здесь, угнездившееся в глубинах упаковки. Платье ее мечты.

Оно было сшито из тончайшего белого шелкового атласа, и, когда Мими достала его, оно показалось ей на ощупь подобным шепоту, таким было нежным. Одновременно оно было строгим в своей простоте — в точности как и требовала Мими. Казалось, будто на вешалке нет ничего, кроме простого куска белой ткани. На бедрах его опоясывала тяжелая серебряная цепь, а над тазовой костью красовался неожиданный вырез в форме замочной скважины — единственная уступка современным веяниям, допущенная Мими.

Мими стряхнула с себя купальный халат и бросила его на пол. Она стояла посреди комнаты совершенно нагая и ожидала, пока горничная поднимет платье. Мими вошла в него, и ей показалось,

будто легкая, тонкая, как паутинка, ткань облекла ее, словно туман, и обняла ее стройную фигуру.

— Уходи! — резко бросила она горничной.

Перепуганная служанка припустила прочь, по пути едва не споткнувшись о халат.

Мими повязала пояс и оценила загорелую кожу, проглядывающую сквозь вырез. Когда она встала перед светильником, ее темный силуэт отчетливо проступил на фоне ткани — каждый изгиб, каждый штрих от шеи до груди, от талии до бедер и до ее длинных ног. Она была одновременно прикрыта и выставлена напоказ, одета и раздета, укрыта и обнажена.

И никакого нижнего белья.

Это было эффектно.

— Ух ты!

Мими улыбнулась. Теперь уже скоро. Она повернулась и оказалась лицом к лицу с братом.

Джек стоял в дверном проеме, держась за ручку двери. Чарльз послал его за сестрой. Светлые волосы цвета платины были зачесаны назад, открывая лоб; юноша ласково смотрел на нее.

«Ты выглядишь...»

«Знаю».

Они снова вернулись к старой привычке разговаривать мысленно — Джек открывал сестре каждую свою мысль, каждое воспоминание.

Взгляд Джека застыл. Мими видела сейчас то же, что видел он, и знала, что он вспоминает первую их ночь. Она видела безоблачное венецианское небо, чувствовала, как легко и быстро шагают они по мосту. Она видела себя его глазами, на вечность моложе — какими юными они были тогда! — на заре мира, до войн и тьмы.

«Где ты взяла... это то же самое?»

«Увы, то платье утонуло в Тибре... Шелк не хранится тысячу лет, милый. Это новое платье, для заключения новых уз».

— Но еще не сейчас, — вырвалось у Джека.

Общее видение оборвалось, и Мими, к раздражению своему,

оказалась вырвана из очень приятного воспоминания.

— Нет, еще не сейчас, — согласилась Мими.

Они не смогут заключить новые узы до тех пор, пока им не исполнится двадцать один год. Согласно законам вампиров, узы — священный брак вампиров — были бессмертным обетом, но церемонию запрещалось проводить до наступления совершеннолетия. Они должны были возобновлять свои узы в каждом жизненном цикле — но на этот раз впервые родились двойняшками в одной семье, что с точки зрения докучливых человеческих законов все усложняло. Ну да не важно.

Они — двойняшки-вампиры, а в их народе это означает совсем другое. Это означает, что их души соединились на небесах, когда они поклялись друг другу в любви.

Узы нельзя было преосуществить, пока они оба не овладели полностью своими воспоминаниями и силами. Вампиры-двойняшки иногда искали друг друга на протяжении циклов, и связанным узами парам нужно было быть достаточно взрослыми, чтобы суметь распознать вновь возродившегося супруга в новой физической оболочке.

Мими знала, что за всю историю вампиров лишь одна пара разорвала узы. В нынешнем цикле Габриэлла под именем Аллегры ван Ален отвергла Михаила, Чарльза ван Алена. Она обвенчалась — обвенчалась! — в церкви, в святом убежище, и поклялась в верности человеку! Своему фамильяру! И гляньте только, что из этого вышло!.. Габриэлла навеки впала в кому, зависнув между жизнью и не-смертью. Обрекла себя на вечное молчание.

— Но зачем ждать? — спросила Мими. — Я знала, кто ты, с тех самых пор, как научилась видеть. И ты теперь знаешь, кто я.

Мими говорила о той ночи в кабинете отца, когда воспоминания Джека наконец-то прорвали запруды и он увидел то, что все это время было прямо перед ним. Узрел, что они двое — одно целое. Что она — его. Навеки.

— Я люблю тебя, ты же знаешь, — произнесла Мими. — Ты сводишь меня с ума, но, видит бог, Джек, я тебя люблю.

Джек склонил голову и уткнулся лицом в волосы Мими. От них пахло жимолостью и жасмином, и он глубоко вдохнул этот запах.

— Я тоже тебя люблю, — отозвался он.

— О господи! — ахнула Тринити.

Мими и Джек медленно разомкнули объятия и посмотрели на мать, стоящую в дверном проеме.

— Мими, тебе всего шестнадцать! И это платье не для шестнадцатилетней девушки! — возмутилась Тринити.

Голос ее дрожал.

— «Мама», ты, часом, не забыла, что я на столетия старше тебя? — фыркнула Мими.

Она вступила в возраст воспоминаний, память возвращалась к ней, и она больше не желала разыгрывать из себя Красную кровь с их типичными семейными отношениями между поколениями.

— Чарльз! — позвала Тринити. — Призови своих детей к порядку!

— Мими, ты выглядишь великолепно, — произнес Чарльз, поцеловав дочь в лоб. — Пойдемте.

Тринити нахмурилась.

— Пойдем, дорогая, время танцевать, — успокаивающе произнес Чарльз.

Он взял жену под руку и вывел из комнаты.

— Пойдем? — спросил Джек, протягивая руку.

— Пойдем, — улыбнулась Мими.

И двойняшки Форс рука об руку отправились на празднество года.

ГЛАВА 12

В нескольких кварталах от них, в другом пентхаусе, в трехэтажном жилище Ллевеллинов, прозванном «Пентхаус des Reves» («Пентхаус грез») за его устрашающую, почти сюрреалистическую экстравагантность, Форсайт Ллевеллин стоял перед потайным сейфом, спрятанным за шкафом для обуви. Он быстро повернул ручку сейфа два раза влево, потом три раза вправо — каждый поворот сопровождался щелчками — и отступил назад, когда стальная дверь толщиной в пять дюймов отворилась.

— Па-а-а, ну скоро? — воззвала стоявшая за ним Блисс. — Мы с Джейми встречаемся в вестибюле в восемь.

Девушка держала на руках Мисс Элли, ее чи-хуа-хуа. Мисс Элли была собакой-фамильяром Блисс, названной в честь ее любимого персонажа — из «Далласа», конечно же.

Мими, как и обещала, помогла Блисс добыть в кавалеры Джейми Кипа. Но это был сугубо дружеский союз. Джейми ни капли не интересовался Блисс, равно как и она им. На самом деле именно Джейми предложил встретиться в вестибюле «Сент-Региса», поскольку они оба должны были прибыть вместе с семьями. Блисс подозревала, что Джейми согласился быть ее кавалером ради того чтобы избавиться от Мими. Та умела быть исключительно напористой, когда ей того хотелось.

Блисс скрестила руки на груди и оглядела огромную гардеробную мачехи. Во время ритуальной экскурсии по пентхаусу эта гардеробная неизменно производила огромное впечатление на гостей. Этот, с позволения сказать, «шкаф» занимал площадь в две тысячи квадратных футов. В нем имелась купальня, сделанная на древнеримский манер, облицованная белым итальянским известняком и оборудованная со всех сторон вращающимися душевыми головками, так что можно было купаться в центре фонтана. Здесь был бесконечный коридор, полный зеркал, что маскировали череду шкафов; в шкафах этих размещались пять тысяч наименований одежды работы известных дизайнеров. Личный ассистент Боби Энн вел их реестр. К сожалению, большая их часть, по мнению Блисс, была вульгарной и безвкусной. Еще не появилось на свет такое пончо леопардовой расцветки с отделкой «марабу»,

которое не понравилось бы Боби Энн.

Сейчас Боби Энн была поглощена собственным туалетом, и Блисс слышен был несущийся из комнаты для одевания скрипучий смех мачехи, переговаривающейся с двумя своими стилистами.

Блисс взглянула на себя в череду зеркал. Она все-таки решила надеть то диоровское платье. Отец с мачехой прямо ахнули, увидев ее.

— Дорогая, какая же ты красавица! — прошептала Боби Энн и заключила падчерицу в объятия; руки ее сделались жилистыми от избытка занятий пилатесом.

Это было все равно что обниматься со скелетом.

Боби Энн всегда превозносила красоту Блисс до небес и поносила простенькую внешность своей родной дочери. Джордан, которой исполнилось всего одиннадцать и которая была еще слишком мала, чтобы ехать на бал, подсматривала за одевающейся сестрой и потом вынесла свое суждение, заявив, что у той вид как у потаскухи.

Блисс запустила в отступающую сестру подушкой.

После того как она показала родителям платье, отец отозвал ее в сторонку и повел к сейфу. Он вытащил несколько обитых замшей ящиков, сделанных на заказ по требованиям Боби Энн. Блисс видела сверкание многочисленных бриллиантовых тиар, ожерелий, колец и браслетов, принадлежавших ее мачехе. Это было все равно, что очутиться у прилавка магазина Гарри Уинстона. На самом деле ходил слух, будто, когда техасцы переехали на Манхэттен, жена сенатора очистила хранилища всех основных торговцев бриллиантами, чтобы отпраздновать свое вхождение в высший свет Нью-Йорка.

Из нижнего ящика Форсайт достал длинную черную шкатулку, обтянутую бархатом.

— Это принадлежит твоей матери, — сказал сенатор, продемонстрировав дочери массивный изумруд с огранкой «принцесса», вставленный в платиновое ожерелье. Изумруд был размером с кулак. — В смысле, твоей настоящей матери, не Боби Энн.

Блисс онемела.

— Я хочу, чтобы ты надела его на бал. Это важный момент для нас, для всей нашей семьи. Надев эту драгоценность, ты почтишь память матери, — сказал Форсайт, застегнув ожерелье на шее дочери.

Блисс мало знала о матери — только то, что она по неизвестным причинам рано ушла из этого цикла. Отец никогда не говорил о ней, и Блисс уже в раннем детстве понимала, что ее мать — болезненная тема. Она мало что могла вспомнить, а несколько сохранившихся фотографий были такими выцветшими, что черты матери сделались почти неразличимы. Когда Блисс спросила о ней, отец ответил лишь, что ей следует «направить воспоминания в должное русло» и что она снова встретится с матерью, если время позволит.

Собачка на руках у Блисс внезапно принялась лаять и рычать на камень как бешеная.

— Мисс Элли! Прекрати!

— Тихо! — приказал Форсайт, и собачка, соскочив с рук Блисс, молнией вылетела за дверь.

— Па, ты ее напугал.

Блисс взглянула на изумруд, улегшийся в ложбинке у нее на груди. Он был тяжелым. Девушка не могла понять, нравится он ей или нет. Такой огромный! Неужели мать действительно носила его?

— Этот камень называется «Роза Люцифера» или «Проклятие Люцифера», — улыбнувшись, объяснил сенатор. — Ты слыхала эту историю?

Блисс покачала головой.

— Говорят, будто, когда Люцифер упал с небес, изумруд выпал из его короны. Назывался этот изумруд «Роза Люцифера», утренняя звезда. В некоторых историях его даже именуют Святым Граалем.

Блисс молча выслушала это, не зная, что и думать. Ее мать владела драгоценностью, связанной с Серебряной кровью?

— Конечно, — добавил Форсайт, покачав головой, — это всего лишь вымысел.

Тут в комнату вошла Боби Энн в безобразном платье от Версаче; больше всего это походило на то, будто ее просто выкрасили металлической виниловой краской.

— Как я выгляжу? — медовым голосом спросила она у супруга.

Блисс с отцом переглянулись.

— Очень мило, дорогая, — с застывшей улыбкой произнес Форсайт. — Ну что, идем? Машина ждет.

Перед гостиницей выстроилась фаланга фотографов и толпа любопытствующих зевак, но их удерживали на расстоянии ограждение и множество полицейских. Как только ко входу подкатывал очередной лимузин, тут же начиналось лихорадочное мигание вспышек.

— А вот и мы! — радостно воскликнула Боби Энн, выйдя из автомобиля и опершись на руку мужа.

Но папарацци интересовала только Блисс.

— Блисс! Сюда! Блисс! Взгляните на меня! Блисс, пожалуйста!

— Что это на вас такое?

— Кто шил это платье?

У некоторых фотографов и репортеров хватило вежливости поинтересоваться у сенатора и его супруги, что они думают насчет бала, но было очевидно, что главным объектом их внимания является Блисс.

От края тротуара до входа в гостиницу было всего десять ступеней, но Блисс понадобилось добрых полчаса, чтобы преодолеть их.

— Сумасшедший дом какой-то, — с довольным видом заметила она, когда, наконец-то добравшись до розово-золотого вестибюля, обнаружила кавалера, с нетерпением ожидавшего ее у главной регистрационной стойки.

Бальный зал «Сент-Региса» превратился в мерцающую зимнюю страну чудес: хрустальные люстры висели на струнах, унизанных горным хрусталем, и повсюду красовались великолепные розы «Американская красавица», от шестифутовых ваз, таких тяжелых, что столы пришлось дополнительно укреплять, и до гирлянд над каждым входом. Из главной гостиной в сам бальный зал вела белоснежная ковровая дорожка.

— Сенатор и миссис Форсайт Ллевеллин, — объявил герольд,

когда политик с женой появились на верхней площадке лестницы.

Их тут же осветил луч прожектора, и барабанщик выбил напряженную дробь.

— Мистер Джеймс Эндрюс Кир. Мисс Блисс Ллевеллин.

И их четверка медленно вступила в бальный зал.

Два оркестра по пятьдесят музыкантов в каждом, расположенные в противоположных концах бального зала, играли медленные вальсы, пока представители Голубой крови демонстрировали пышные наряды: мужчины, эффектные и обходительные в своих фраках, женщины, сверхъестественно стройные и невероятно элегантные в роскошных бальных платьях. Это было волшебное зрелище. На этот раз Комитет и вправду превзошел сам себя. Бальный зал был залит ослепительным белым сиянием: старинные хрустальные люстры искрились, а мозаичные полы блестели.

Джейми провел Блисс к ее столу, отсалютовал ей и тут же исчез до конца бала. Ну и ладно. Блисс обнаружила Мими, стоящую вместе с родителями в первом ряду встречающих.

— Ого! — воскликнула Мими, тут же заметившая ожерелье подруги. — Вот это камень!

— Это моей матери, — объяснила Блисс.

Она пересказала Мими легенду про «Проклятие Люцифера».

Мими потрогала изумруд, погладила его ледяные грани. Стоило ей коснуться камня, как ее тут же перенесло к последней битве: мгновения черного дня, далекое пение труб, Михаил с пылающим мечом, изгнание — и холод. Холод... пробуждение бессмертных на земле и смертельная жажда, вынуждающая питаться.

Мими охнула. Глаза ее остекленели; она все еще продолжала сжимать камень в руке. А потом выронила, словно он обжег ее.

Блисс испугалась. Она поняла, что с Мими, когда та коснулась камня, что-то произошло, некая вспышка озарения, укол памяти. Но когда камень трогала сама Блисс, с ней не происходило ничего. Это был просто драгоценный камень, и ничего более. «Проклятие Люцифера». Блисс пробрала дрожь.

— Это просто какое-то «Сердце океана», — прерывающимся

голосом произнесла Мими. — Обещай мне, что не швырнешь его с палубы «Титаника».

Блисс попыталась засмеяться. Но камень величиной в пятьдесят пять карат тяжело лежал у нее на груди.

«Роза Люцифера». «Проклятие Люцифера». Князь Серебряной крови. Его самое драгоценное имущество висело у нее на шее, словно удавка. Блисс содрогнулась. В глубине души ей захотелось сорвать ожерелье и зашвырнуть как можно дальше, насколько хватит сил.

ГЛАВА 13

Некогда особняк ван Аленов на углу Сто первой улицы и Риверсайда был одним из самых больших и великолепных домов во всем Нью-Йорке. Бесчисленные поколения семьи принимали здесь президентов, губернаторов штатов, иностранных сановников, нобелевских лауреатов, а в придачу — королей и королев Голливуда и калифов на час, представителей богемы, художников, писателей и прочих творческих личностей. Ныне же дом являл собою лишь тень былого величия: у карнизов выщербились края, половину дома изрисовали граффити, крыша протекала, а по стенам змеились трещины, поскольку семейство уже много лет не могло поддерживать здание в должном состоянии.

Шайлер затащила дорожную сумку на крыльцо и позвонила в дверь.

Хэтти, бабушкина верная горничная, впустила ее в дом.

В гостиной было так же темно, как и при отъезде Шайлер; мебель стояла в чехлах. Много лет Шайлер с Корделией пользовались лишь четвертью комнат большого дома — кухней, столовой и двумя спальнями. Все прочие были заперты. Шайлер приписывала это обстоятельство бедности Корделии. Ее бабушка держала почти всю мебель в доме под чехлами; окна были завешаны шторами, и целые крылья дома закрыты для входа.

В результате дом смахивал на старый, затхлый музей, заполненный древними экспонатами и дорогими произведениями искусства, запрятанными под замок.

Шайлер прошла в свою комнату. Бьюти встретила ее громким радостным лаем, и лишь тут девушка почувствовала, что она и вправду дома.

Теперь перед ней стояла единственная проблема: что надеть? В приглашении было указано: мужчинам быть во фраках, женщинам — в вечерних туалетах. Шайлер смутно припоминала, что Корделия готовилась к ежегодному балу Четырех сотен и примеряла несколько бальных платьев от Оскара де ла Рента с длинными, выше локтя, перчатками. Может, ей удастся отыскать что-нибудь подходящее в шкафу у Корделии?

Шайлер прошла в бабушкину спальню. Она не заходила туда с того рокового вечера, когда на Корделию напали. Ей страшно было находиться в этой комнате и вспоминать, как она обнаружила бабушку в луже крови. Утешало лишь сознание того, что Корделия сумела пережить нападение и что удалось доставить достаточно крови Корделии в медицинский центр. Теперь она будет отдыхать до следующего цикла. Когда-нибудь Корделия вернется. Она не умерла. Серебряная кровь не сумела забрать ее.

— Вы что-то ищете, мисс Шайлер? — спросила Хэтти, заглянув в комнату и обнаружив, что Шайлер стоит, подбоченившись, перед бабушкиным одежным шкафом.

— Мне нужно платье, Хэтти. Для сегодняшнего бала.

— У миссис Корделии было много платьев.

— Ну да.

Девушка задумчиво передвинула несколько вешалок, оценивающе разглядывая висящие на них платья. Они были очень старомодными, с огромными рукавами буф или с длинными басками. Некоторые вообще относились к временам президентства Рейгана и были сшиты по моде восьмидесятых — широкие плечи с подплечниками, соперничающие с нарядами, которые Нолан Миллер шил для «Династии».

— Но, боюсь, они не подходят.

— Еще есть платья мисс Аллегры, — сообщила Хэтти.

— Чьи — мамины? Платья моей матери по-прежнему здесь?

— Да, в ее комнате, на третьем этаже.

Ее мать выросла в этом же доме, и Шайлер не в первый раз пожалела, что Аллегры нет рядом, чтобы помочь ей справиться с нынешними проблемами. Хэтти провела девушку вверх, на следующий этаж, и по коридору до задней угловой комнаты.

Сердце Шайлер взволнованно забилось.

— Очень жаль мисс Аллегру, — произнесла Хэтти, отворив дверь. — В комнате все оставлено так, как было, когда ей исполнилось восемнадцать. До того, как она сбежала из дома и вышла замуж за вашего отца.

В комнате было безукоризненно чисто. К удивлению Шайлер не видно было ни паутины в углах, ни слоя пыли на вещах. Она думала, что увидит гробницу, мавзолей, а вместо этого очутилась в светлой, жизнерадостной комнате со свежими итальянскими простынями на кровати и легкими белыми занавесками на окнах.

— Миссис Корделия всегда требовала, чтобы мы поддерживали здесь порядок. На тот случай, если ваша мать придет в себя.

Шайлер подошла к большому гардеробу и отворила одну из дверок.

Девушка вытащила наугад вешалку. На ней обнаружилась рубашка. Валентино, фасон примерно 1989 года.

— А у нее точно были бальные платья?

— Она выезжала на свой первый бал. Она была представлена на балу Четырех сотен, когда ей исполнилось шестнадцать. Платье шила Шанель. Оно должно быть тут, в шкафу.

Шайлер терпеливо просмотрела все вешалки. Наконец в дальнем углу гардероба она обнаружила черный чехол для платьев с вышитой эмблемой — сдвоенной буквой «С».

Девушка положила чехол на материнскую кровать и медленно расстегнула его.

И восторженно ахнула. В чехле находилось безупречно сохранившееся платье. Шайлер поднесла его к окну, чтоб получше рассмотреть. Платье было золотым, с открытым лифом и пышной юбкой со множеством складок.

Девушка приложила платье к себе. Оно подойдет ей. Она точно знала, что оно подойдет.

Когда Шайлер вошла в бальный зал «Сент-Региса», все присутствующие застыли. Она остановилась на входе, освещенная прожектором, плохо понимая, что ей следует делать дальше, а гости уставились на нее. Слышно было, как кто-то охнул. Джек Форс, например, не мог отвести от нее глаз.

Подобно почти всем присутствовавшим в зале, на краткий миг он поверил, что к ним вернулась Габриэлла, Аллегра ван Ален.

ГЛАВА 14

Бал Четырех сотен, известный также как Патрицианский бал, никогда не отходил от традиций, установленных его создателями в конце девятнадцатого века, когда Голубая кровь впервые заняла видное положение в обществе. Трапеза из десяти перемен блюд, с перерывами для танцев; на стол для такого случая ставился золотой сервиз стоимостью в семьдесят пять тысяч долларов за прибор — тарелки из чистого золота, золотые столовые приборы, инкрустированные золотом хрустальные бокалы.

Вдоль четырех прямоугольных столов, на сто мест каждый, был грудой насыпан песок, и у каждого места лежала золотая лопатка. Гостям предлагалось «откопать» сокровище — их праздничный подарок. Комитет сумел убедить спонсоров предоставить для такого случая дорогие, сногшибательные украшения с рубинами, сапфирами и бриллиантами в качестве памятных сувениров.

Младшие члены Комитета, под предводительством Мими, добавили современные штрихи: ожерелья-«алфавиты» от «Ми энд Ро», филигранные длинные серьги в стиле перуанских индейцев от «Зани» и гвоздь сезона — подвески из акульего зуба со вставленным в него бриллиантом от «Кавьяр энд Кайнд».

Меню оставалось неизменным со времен первого Патрицианского бала: сперва шло консоме «Ольга», затем филе-миньон «Лили», овощи, фаршированные мозгами, а следом — жареные молодые утки и говяжье филе с гарниром из морковного пюре и картофеля «Парментье».

Рядом с барами, протянувшимися вдоль стен, были установлены ледяные скульптуры, изображающие самые выдающиеся памятники и культурные учреждения Нью-Йорка. Здесь высились новое здание Музея современного искусства, здания, реставрированные на деньги Голубой крови, представлен был предложенный Фрэнком Гери макет порта, в поддержку которого выступал не кто иной, как сам сенатор Ллевеллин. А из спрятанных во льду кранов текло шампанское.

Мими, едва притронувшись к еде, поднялась со своего места и принялась кружить среди блистательной толпы. Здесь собрались представители всех влиятельных семейств Нью-Йорка, все известные

кланы: ван Хорны, Шламбергеры, Вагнеры, Стюарты, Хоуэллы и Хоуланды, Гулды и Голеты, Бэнкрофты и Барлоу. Присутствовали и члены кланов, оставшихся в Англии, и несколько более экзотических ветвей. Из Шанхая, города, который они недавно помогли перестроить, прибыло чрезвычайно богатое семейство Голубой крови, отколовшееся от основной группы несколько столетий назад и обосновавшееся на территории, ныне принадлежащей Китаю. Они намеревались представить на этом балу своих шестнадцатилетних дочерей-двойняшек, двух стройных звезд китайского высшего общества.

Но самым уважаемым среди всех являлось семейство Форс. Мими была принцессой своего народа, и она шла среди соплеменников, наслаждаясь их восхищением и почтением.

Она поискала взглядом брата. Джек весь вечер находился рядом с ней, но между рыбной и мясной переменами куда-то исчез. По справедливости, они должны были сделать это вместе. Сегодня вечером Совет узнает, что они нашли друг друга и что, когда придет время, они возобновят свои бессмертные обеты.

Где же он?

Мими мысленно пробежалась по залу, выискивая сигнал Джека. А, вот он где! У главного стола, разговаривает о чем-то со своим приятелем из команды по лакроссу, Брюсом Каттингом. Мими увидела, как брат прервал беседу, посмотрел в ее сторону и на лице его внезапно вспыхнула радостная улыбка.

Мими улыбнулась в ответ и помахала Джеку рукой, но он ей ничего не ответил. Мими раздраженно оглянулась. Может, он не на нее смотрел?

И лишь теперь заметила, кто стоит прямо у нее за спиной, на верхней площадке лестницы, приковав к себе внимание всего бального зала.

Шайлер ван Ален.

В платье, за возможность надеть которое Мими готова была бы убить.

Шайлер обнаружила, что ей отведено место рядом с угрюмыми родителями Эгги Карондоле. Судя по всему, Карондоле были оскорблены тем, что их пересадили сюда, и после того, как выразили

Шайлер соболезнования по поводу кончины Корделии, не обменялись с ней и парой слов. Она заметила за главным столом Блисс и помахала ей. Та помахала в ответ.

— Иди сюда! — подчеркнуто четко произнесла Блисс.

Шайлер подобрала свою золотую юбку и подошла к Блисс. Девушки тепло обнялись.

— Скай, мне нужно тебе кое-что рассказать, насчет Дилана, — начала Блисс.

— Да ну? — приподняла бровь Шайлер.

— Я думаю, он...

Но прежде чем Блисс успела договорить, подошел какой-то юноша и спросил, танцует ли она. Блисс повела плечом.

— Конечно! Я потом тебе все расскажу, — сказала она Шайлер.

Шайлер кивнула. Она удрученно вернулась на свое место и принялась размышлять, что же хотела рассказать Блисс, единственный близкий ей человек на этом балу. Что она, Шайлер, вообще здесь делает? Зачем пришла сюда? Ради Корделии? Ради имени ван Аленов? Нет. Надо быть честной с самой собой. Но правда причиняла ей боль. Она хотела снова увидеть Джека Форса. Хотя видеть его было мучительно.

Он был здесь, рядом с сестрой; они скользили по бальному залу, тесно прижавшись друг к другу. Рука Джека обвивала тонкую талию Мими. Шайлер слышала, как старейшины и стражи за соседним столом перешептывались... что-то насчет уз... насчет этих двоих и бессмертного обета.

Подали следующую перемену: жареных голубей и холодную спаржу с приправой из уксуса, прованского масла и пряностей. Выглядело все это восхитительно, но еда казалась Шайлер безвкусной.

— Джек, — нежно шепнула Мими на ухо брату, когда они обошли зал. — Пора.

Она со свойственной ей практичностью решила проигнорировать увиденное ранее. Мими была мастером самообмана. Если ее что-то беспокоило, она отказывалась признавать существование источника волнений. По ее разумению, Шайлер ван Ален была всего лишь

временным, хотя и раздражающим, увлечением.

Но в душе Джека при виде Шайлер ван Ален снова вспыхнули те чувства, которые он подавлял на протяжении нескольких месяцев. Ему не давала покоя тревожная мысль: отчего его с такой силой влечет к этой девушке? Из-за сходства с Аллегрой? И только? Или все же за этим кроется нечто новое?.. Нечто такое, чего он не ожидал и к чему не был готов? Джек покачал головой; его переполняли отвращение и стыд. Его место — рядом с сестрой. Просто нужно вести себя так, как если бы никакой Шайлер на свете не было.

— Мы должны возглавить кадрили, нас ждут, — сказала Мими, и Джек послушно провел сестру к месту танцев, где их уже ждали три юные пары.

Это было одной из традиций бала Четырех сотен: молодежь, которую собирались представить на балу, вела кадрили, и отбирали танцоров по положению их семьи в иерархии Комитета. Будь Эгги Карондоле жива, она сейчас стояла бы здесь.

Мими полагала, что кадрили — всего лишь модное название для деревенских попрыгушек, но все равно испытывала удовольствие, когда Джек провел ее через переход, потом балансе, а затем через оборот, завершившийся величественным проходом четырех дам, поставившим ее во главе группы, как и надлежало.

После кадрили юные представители Голубой крови застыли на своих местах, ожидая, пока их официально представят собранию. Сам Регис должен был называть их нынешние — и подлинные имена.

Первым раздалось:

— Дэхуа Чэнь.

И одна из величественных китайских красавиц вышла вперед.

— Известная нашему народу под ее истинным именем — Си Ванму.

Ангел бессмертия.

Следующей назвали ее сестру.

— Дэмин Чэнь.

Двойняшки были неотличимы в своей безмятежной, неземной красоте: кожа цвета топленого молока, прямые, блестящие, черные

как смоль волосы, чуть раскосые миндалевидные глаза и неуместные россыпи веснушек на курносых носах.

— Известная нашему народу под ее истинным именем — Куань Инь.

Ангел милосердия.

Затем были вызваны еще несколько юных представителей Голубой крови, образующих небесный пантеон.

Наконец луч прожектора остановился на двойняшках Форс. Мими крепко сжала руку брата.

— Маделайн Форс.

Мими шагнула вперед, гордо вскинув голову.

— Известная нашему народу под ее истинным именем — Азраил.

Ангел смерти.

— Бенджамин Форс.

Джек склонил голову.

— Известный нашему народу под его истинным именем — Аббадон.

Ангел разрушения.

Два ангела апокалипсиса. Их извечное предназначение. Отведенное им место. Самые могущественные вампиры клана после неразвращенных. Бывшие ближайшие помощники Люцифера, отвернувшиеся от Князя небес после падения. В Риме они охотились на отродье Серебряной крови и убивали их. Лишь благодаря их силе Голубая кровь пережила это тысячелетие.

Джек улыбнулся Мими, и они вместе низко поклонились Совету.

Они были созданы для своей работы.

ГЛАВА 15

Кофе подали в золотых кофейниках. Вместе с ним был подан (и быстро поглощен) десерт, традиционный уолдорфский пудинг и персики в желе из шартреза, шоколадные и ванильные эклеры и легчайшие, воздушные пирожные-меренги со взбитым кремом «Амаретто». Дамы на прощание соприкасались напудренными щеками. Все сошлось на том, что бал удался на славу, а денег собрали невероятное количество, перекрыв даже рекорд прошлого года.

По всему бальному залу «Сент-Региса» на мобильные телефоны стали поступать сообщения от Мими. Для избранных юных вампиров вечер только начался.

*Вечеринка после бала. Оренсанс-центр. Полночь.
Маска обязательна. Никаких СМС. Никаких чужаков.*

В гардеробе и лифтах негромко переговаривались приглашенные и слышались полные разочарования и замешательства возгласы тех, кто приглашения не получил.

— Ты собираешься переодеться? — спросила Блисс у Мими, выйдя следом за ней.

— Ты что, с ума сошла? Я буду носить это платье, пока его не снимут с моего хладного трупа, — пошутила Мими. — Пошли наверх. У нас самый лучший выбор масок.

Мими пребывала в приподнятом расположении духа. Бал был потрясный, но теперь настало время вечеринки.

Шайлер вышла на тротуар, набросив на плечи старую черную шубу, принадлежавшую прежде Корделии. Она отыскала Юлиуса, бабушкиного шофера, терпеливо ожидавшего ее у обочины в старой «краун-виктории».

— Куда?

Девушка уже готова была сказать «домой», но тут заверещал телефон. Шайлер была уверена, что это Оливер, но нет. Это было сообщение со скрытого номера.

Ей предлагали отправиться в Оренсанс-центр, в заброшенную синагогу в Нижнем Ист-Сайде. Маска обязательна. Что все это означает?

— Ты получила сообщение? — возбужденно окликнула ее из соседней машины Сесили Эпплгейт.

Сесили была из свиты Мими, и Шайлер удивилась, отчего той вообще вздумалось заговорить с ней.

— Э-э... да.

— Тогда до встречи! — весело провозгласила Сесили. — Кстати, отличное у тебя платье! — восхищенно добавила она. — Мама сказала, что это точно винтажная «Шанель».

Так вот оно что! Шайлер иногда казалось, что школа — дурацкая вещь. Если ты одеваешься определенным образом, или выглядишь определенным образом, или владеешь «правильными» вещами — например, сумкой от известного дизайнера, или последней моделью мобильного, или дорогими наручными часами, — жизнь твоя становится намного легче. У Шайлер никогда ничего такого не было. Корделия отпускала ей деньги очень скупно, и Шайлер всегда ходила в свитерах из секонд-хенда и одежде с прошлогодних распродаж.

Но это платье и тот факт, что оно было от уважаемого и дорогого модельного дома, изменили отношение Сесили к Шайлер. По крайней мере, на сегодняшний вечер.

— Домой, мисс Шайлер?

Она обещала позвонить Оливеру, как только выйдет с бала. Она сказала ему, что побудет там немного и уйдет сразу после ужина, но сейчас было уже половина двенадцатого. Шайлер подумала, что у него, наверное, нарушился суточный ритм после трансатлантического перелета. Он, небось, сел перед телевизором и отрубился.

Сообщение, наверное, касается той вечеринки в пригороде, о которой переговаривались ребята на балу, — все эти разговоры насчет того, что Мими Форс устраивает нынешним вечером какую-то вакханалию. Стоит ли ей туда идти? А почему бы и нет? Кроме того, если там будет Мими, значит, будет и Джек. Шайлер подумалось о том, как ему шел фрак, и о том, как он смотрел на нее, когда она вошла в бальный зал, как сверлил ее взглядом своих зеленых глаз. Не так давно он был одним из тех, кто рвался разузнать правду насчет

Серебряной крови, а потом вдруг пошел на попятную. Но быть может, еще сохраняется шанс, что она сумеет убедить его присоединиться к ее борьбе. Поскольку дедушка отказался ей помочь, она теперь оставлена на произвол судьбы. Но если рядом с ней будет Джек... Шайлер приняла решение.

— Домой, Юлиус, но только на минутку. Мне нужно кое-что взять. Один сувенир из Венеции. А потом едем в пригород.

ПОДШИВКА «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД»

24 НОЯБРЯ 1871 ГОДА

*ЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ БЫВШЕЙ НЕВЕСТЫ
ПОСЛЕДОВАЛО СООБЩЕНИЕ О ПОМОЛВКЕ*

*Английский лорд женится, на наследнице
Вандербильтов.*

Официальное объявление о помолвке Каролины Вандербильт, дочери адмирала и Элизабет Вандербильт, проживающих в особняке номер 800 по Пятой авеню, с Альфредом Барлингтоном, лордом Лондонским и Девонширским, последовало за исчезновением бывшей невесты лорда Барлингтона, Мэгги Стэнфорд, дочери Тибериуса и Доротеи Стэнфорд из Ньюпорта.

Мэгги Стэнфорд таинственным образом исчезла в вечер Патрицианского бала, проходившего в доме адмирала и Элизабет Вандербильт год назад, после того как было объявлено о ее помолвке с лордом Барлингтоном. Их помолвка была расторгнута восемь месяцев назад, поскольку Мэгги Стэнфорд так и не была найдена.

Дата свадьбы пока что не назначена.

ГЛАВА 16

Подобно многим гостям, Блисс, добравшись до места проведения вечеринки, ахнула от восторга. Заброшенную синагогу освещала тысяча чайных свечей, отбрасывая на стены длинные мрачные тени. Мими была права: это здание выглядело словно восхитительные руины, а в том, чтобы танцевать при одном лишь свете свечей, было нечто пугающее и романтическое.

Маски придавали вечеринке жутковатое очарование, поскольку все гости по-прежнему были в бальных нарядах. Парни в своих фраках были прекрасны, девушки в роскошных бальных платьях — восхитительны, а с этими масками все выглядели чуточку порочно.

Блисс надела маску, украшенную перьями и драгоценными камнями. Видно из-под нее было довольно плохо, но все же она заметила появившуюся Шайлер. Отлично. Блисс отправила Шайлер сообщение без ведома Мими.

Диджей поставил «Баухаус» — мрачную, неистовую мелодию. «Горящий изнутри...»

К Блисс подошел юноша во фраке и белом галстуке; лицо его скрывала печальная маска Пьеро.

Он жестом указал в сторону площадки для танцев.

Блисс кивнула и последовала за ним. Он протянул руки, и она шагнула в его объятия.

— Ты все-таки осталась жива, — прошептал юноша, прижавшись губами к уху Блисс, так, что она чувствовала его негромкое дыхание.

— Что-что?

— Я никак не мог позволить тебе утонуть, — со смешком произнес ее кавалер.

— Ты...

Он прижал палец к губам — точнее, к губам маски Пьеро.

— Мне тебя не хватало... — вымолвила Блисс.

Дилан. Это он, это должен быть он.

Он снова отыскал ее. Какая отличная была идея — устроить вечеринку-маскарад, на которой он мог появиться, не устроив переполоха.

— Я не мог уйти надолго! — пылко произнес он.

— Знаю, но я тревожилась...

— Не тревожься. Все будет хорошо.

— Ты уверен?

— Уверен.

Блисс танцевала, не помня себя от радости. Он вернулся! Он вернулся, чтобы быть с ней! Она ликовала.

Песня закончилась. Юноша в маске низко поклонился.

— Благодарю.

— Подожди!.. — воскликнула Блисс, но юноша уже исчез в толпе, и, когда Блисс огляделась, она увидела дюжину парней в похожих черных фраках, но ни на ком не было маски печального клоуна, со слезинкой, блестящей под глазом.

Шайлер подавленно переходила из комнаты в комнату. Все-таки ей нужно было позвонить Оливеру, хотя бы ради того, чтобы обзавестись компанией. Похоже, эта вечеринка была не настолько эксклюзивной, как бал Четырех сотен. Девушка заметила нескольких соучеников-людей; они заметно нервничали, словно не были уверены, что действительно являются тут желанными гостями. Шайлер без труда отличала людей от вампиров: вампиры светились в темноте. Это был иллюминат, дар, позволяющий им узнавать друг друга.

В глубокой тени за колоннами несколько пар целовались, пользуясь темнотой, но среди юных вампиров слово «поцелуй» могло иметь и другое значение. Шайлер слышала приглушенные звуки: вампиры пили кровь из своих фамильяров, и с током крови жизненная сила перетекала от одного к другому. После этого вампиры светились еще ярче, черты их делались яснее и отчетливее, а люди выглядели вялыми и безразличными ко всему.

Шайлер знала, что когда-то она сделает то же самое. Ей придется свершить священное целование над человеком-фамильяром. Мысль об этом и возбуждала ее, и вгоняла в ужас. Священное целование —

не шутка. Это серьезные узы, связывающие вампира и человека, и Голубая кровь относилась к ним с уважением. Людям-фамильярам платили вниманием и заботой за ту услугу, какую они оказывали.

Светская атмосфера бала Четырех сотен сменилась более шумным и буйным поведением. Несколько подростков танцевали, тесно прижавшись друг к другу, под жесткий ритм хаус-музыки, которую крутил диджей; возобладали буйство — девушки принялись сексуально отплясывать друг с дружкой или тереться бедрами о партнеров. Вскоре вечеринка оказалась забита беснующимся молодняком, заявляющим, что нынешним вечером они круто оттянутся. Уроды упились кровью допьяна.

Шайлер продолжала держаться на обочине. Она была чужой в этой толпе.

Девушка вздохнула.

Ее венецианская маска закрывала лицо полностью. Шайлер хотелось снять ее: под маской было жарко и лицо начало чесаться.

Она пробралась в небольшой закуток за колонками, присела там и принялась обдумывать следующий шаг.

Следом за ней туда же проскользнул какой-то парень. Шайлер это показалось забавным — девушек можно было узнать, поскольку на них были разные платья, а вот парни сделались действительно неузнаваемы в этих своих одинаковых пингвиньих костюмах. Вот как этот, например, в черной шелковой маске, закрывающей глаза, нос и волосы и придающей ему беспутный вид, словно он какой-нибудь городской разбойник.

— Ты не любишь вечеринки? — поинтересовался парень, заметив, что Шайлер сидит в одиночестве на полуразвалившейся каменной скамье.

Шайлер рассмеялась.

— Терпеть не могу.

— И я тоже.

— Я никогда не могу понять, что на них говорить и делать.

— Ну, вроде как тут полагается танцевать. И еще пить. Во всех смыслах.

Так значит, он вампир. Интересно, кто он и с чего вдруг вздумал разговаривать с ней?

— Несомненно, — согласилась она.

— Но ты предпочитаешь не выбирать.

— Я — мятежник, — саркастически произнесла девушка.

— Не думаю.

— Почему?

— Так ты ведь здесь. Ты могла вообще сюда не приходить.

Он был прав. Ей не следовало сюда приходить. Она пришла по той же причине, что привела ее на бал. Ради возможности снова увидеть Джека. Приходится признать, что всякий раз, как она видит Джека Форса, в ней что-то оживает.

— Честно говоря, я пришла, чтобы увидеть одного парня, — призналась Шайлер.

— Какого еще парня? — поддразнивающе поинтересовался ее собеседник.

— Не важно.

— Почему же?

Шайлер пожала плечами.

— Потому. Сложно объяснить.

— Ничего, объясняй.

— Потому, что я его не интересую, — сказала Шайлер, думая о Джеке и Мими и об узах, связывающих их.

Какие бы чувства она ни испытывала к нему, они были напрасны. Он ясно дал ей это понять на похоронах ее бабушки. У него есть обязанности перед семьей.

Шайлер не могла забыть, как эти двое стояли, вскинув руки. Азраил и Аббадон. Между ними словно проскакивали электрические разряды. Когда прозвучали их имена, весь бальный зал переполнился трепетом. «Двое самых могущественных наших вампиров. Наконец-то они открыты нам». И кто она такая, Шайлер ван Ален, даже не чистокровный вампир, чтобы становиться между ними.

— Откуда ты знаешь, что не интересуешь его? — серьезным тоном спросил парень.

— Знаю, и все.

— Ты можешь удивиться.

При этих словах Шайлер заметила, как близко от нее стоит собеседник. Его глаза за маской — Шайлер заметила зеленый отблеск. Ее сердце пропустило удар. Парень придвинулся ближе.

— Удиви меня, — прошептала Шайлер.

В ответ парень приподнял маску Шайлер, сдвинув вверх, подался вперед и приник к губам девушки.

Шайлер закрыла глаза. Она целовалась с одним-единственным парнем, с Джеком Форсом, и этот поцелуй был похож на тот — и все же был иным. Более настойчивым. Она пила его дыхание, она ощущала во рту его язык, перекатывающийся поверх ее языка, как будто юноша желал проглотить ее. Она могла бы целоваться с ним вечно.

А потом поцелуй прекратился.

Шайлер открыла глаза. Ее маска вернулась на прежнее место. Что произошло? Куда он подевался?

— Эй!

Шайлер обернулась. В вестибюле стояла Мими Форс в потрясающем головном уборе индейской принцессы; ее «маска» была искусно нарисована при помощи косметики и красок для тела.

— Ты не видела моего брата?

Поначалу Мими осердилась, обнаружив, что вечеринка наводнена людьми, пробравшимися сюда «зайцами», но потом она просто приписала это своей неодолимой популярности. Потому даже не возмутилась, обнаружив здесь еще и Шайлер, хотя ту и не звали.

Прежде чем Шайлер успела что-либо ответить, Джек Форс возник рядом с сестрой. На нем, как и на сестре, был индейский головной убор. И маска его тоже была нарисована.

— А вот и я! — весело произнес он. — А, Шайлер! Привет! Как Венеция?

— Отлично, — отозвалась Шайлер, пытаясь сохранить самообладание.

— Здорово.

— Джек, пойдем, фейерверк вот-вот начнется, — сказала Мими, дернув брата за рукав.

— Ну, пока! — бросил Джек.

Шайлер оцепенела. Она была совершенно уверена, что целовалась именно с Джеком. Совершенно уверена, что за той черной маской скрывался именно он. Но его непринужденное отношение, его небрежное дружелюбие заставили девушку заколебаться. Но если она целовалась не с Джеком форсом, то кто же это был? Кто скрывался за той маской?

Шайлер осознала, что завтра начинаются рождественские каникулы и она не увидит Джека целых две недели, и ощутила укол боли.

ГЛАВА 17

С несколькими серьезными, словно с цепи сорвавшимися бурями в Нью-Йорк наконец-то явилась зима. Город несколько дней был укрыт белоснежным одеялом, а потом оно превратилось в серо-желтую кашу, с сугробами вдоль тротуаров и грязными лужами; закаленные горожане либо перепрыгивали их, либо мрачно шлепали напрямик в резиновых сапогах с разводами соли.

Шайлер радовалась холодам, поскольку погода хорошо передавала ее нынешнее настроение. Ван Алены обычно проводили праздники скромно. Прежде они с Корделией посещали службу в церкви Святого Варфоломея на другом конце города, а потом в полночь накануне Рождества устраивали скромную трапезу.

Рождество Шайлер, как и каждый год до того, провела у матери в больнице. У Юлиуса и Хэтти был выходной, и они отправились к своим семьям, так что Шайлер добиралась до больницы сама, на автобусе. Когда она приехала туда, больница была практически пуста. Лишь сонный охранник восседал у главного входа, да дежурная команда медсестер с нетерпением ожидала конца смены. Шайлер заметила, что персонал попытался привнести в больницу хоть немного присутствующего Рождеству веселья: венки на дверях, одинокий Чарли Браун, рождественская елка в ординаторской и семисвечник с мерцающими свечами.

Мать, как и обычно, спала в своей постели. Ничего не изменилось. Шайлер положила рядом с кроватью очередной подарок, которому не суждено было быть распечатанным. Скопившиеся за предыдущие годы подарки пылились в шкафу.

Отряхнув с себя снег, девушка сняла пальто и сунула шерстяную шапку и перчатки в карман. Будь здесь Корделия, она бы сейчас устроила для них рождественский обед, достав из контейнеров фаршированную индейку, ветчину и горячие рулетики, приготовленные Хэтти. Хэтти сделала все то же самое и для Шайлер, но есть это без Корделии, делающей ей замечания насчет поведения за столом или решительно требующей от сиделок принести фарфоровые тарелки вместо пластиковых, было уже совсем не то.

Шайлер включила телевизор и принялась в одиночестве

поглощать обед и в очередной раз смотреть «Эту прекрасную жизнь». Фильм неизменно нагонял на нее еще большую депрессию, потому что она не видела для Аллегры никакого благополучного выхода.

Оливер пригласил ее провести сегодняшний день с ним и его семейством, но Шайлер отказалась. Вся ее родня, сколько той осталось на белом свете, находилась в этой тоскливой больничной палате. Здесь и было ее место.

На другой стороне города, в Верхнем Ист-Сайде, просторные дома и роскошные апартаменты стояли пустыми, без хозяев. Форсы уже отбыли на своем «Гольфстриме-IV» на ежегодный отдых, отослав пляжные наряды «Федэксом» на их виллу на Сент-Бартсе, где они проводили первую неделю каникул, а горнолыжное снаряжение — в коттедж в Эспене, для второй половины каникул. Левеллины уехали на Рождество в Техас навестить родственников, и собирались встретиться с Форсами в Эспене на Новый год.

Даже семейство Оливера запланировало пляжный отдых в фамильном гнездышке на Тортоле, но сам Оливер предпочел остаться в городе, чтобы быть поближе к Шайлер.

Он собирался навестить городской особняк ван Аленов на следующий день после Рождества с грудой подарков. Они с Шайлер всегда проводили День подарков вместе. Оливер любил приносить для их послерождественского пира хрустящие багеты, французское сливочное масло — настоящее, как любил подчеркивать он, не имеющее ничего общего с обезжиренным американским, — несколько банок первосортной русской икры из «Петросяна» наряду с двухквартирной бутылкой шампанского из родительского винного погреба. Но утром двадцать шестого декабря, ровно в тот момент, как Оливер уложил угощение в корзину для пикника и собрался выходить, ему позвонила перепуганная Хэтти, горничная ван Аленов.

— Мистер Оливер, приезжайте, приезжайте немедленно! — взмолилась она.

Оливер тут же прыгнул в такси и прибыл в особняк, где обнаружил Хэтти; та была вне себя от страха, заламывала руки и еле сдерживала слезы. Она провела его наверх, в комнату Шайлер.

— Мисс не спустилась к завтраку. Я думала, она просто спит, но потом Бьюти сбежала сюда и буквально затащила меня наверх. И я увидела, что она лежит тут, и не смогла ее добудиться. Господи

помилуй, она выглядит в точности как мисс Аллегра, и я испугалась, потому что она не шевелится и даже как будто не дышит, потому я и позвонила вам, мистер Оливер.

Бьюти, блаухаунд Шайлер, сидела у кровати хозяйки и скулила. Когда Оливер вошел в комнату, собака тут же вскочила и вылизала ему руки и лицо.

—Вы все правильно сделали, Хэтти, — сказал Оливер, погладив Бьюти, а потом пощупал пульс у Шайлер.

Пульса не было, но это еще ничего не значило. За время своей подготовки в качестве проводника Оливер узнал, что вампиры способны замедлять сердцебиение до почти неразличимого уровня, чтобы поберечь силы. Но Шайлер было всего пятнадцать лет, и ее преобразование только началось. Ей еще рано переходить на уровень сохранения. Если только не...

Внезапно Оливера посетила пугающая мысль: а вдруг на Шайлер напала Серебряная кровь?

Дрожащими руками он набрал номер доктора Пат, своей тети, врача-человека, лечащего Голубую кровь. Доктор Пат отсоветовала Оливеру вызывать «скорую помощь» или самому везти девушку в больницу.

— Они не будут знать, что с ней делать. Немедленно вези ее ко мне в приемную. Я встречу тебя там.

К тому моменту, как Оливер с Шайлер на руках добрался до тетюшкиного офиса, доктор Пат с помощниками уже ждали их во всеоружии. Они подвезли каталку, и Оливер бережно положил подругу на нее.

— Пообещай, что все будет в порядке, — жалобно попросил он тетю.

Доктор Пат осмотрела шею Шайлер. Никаких отметин на ней не было. Никакого признака мерзости.

— Должно быть в порядке. Не похоже, чтобы на нее напали. Так что все будет хорошо. Они же бессмертны. Но надо разобраться, что происходит.

Оливер ждал результатов в приемной, сидя на каком-то особенно неудобном пластиковом стуле. Его тетя всегда питала слабость к

современной мебели, и ее офис напоминал скорее вестибюль ультрамодного отеля, а не медицинской клиники: белоснежная пластиковая мебель, белые греческие ковры флокати, белые светильники «спейс-эйдж». Через несколько полных беспокойства часов из внутренних покоев показалась доктор Пат.

Вид у нее был усталый и измотанный.

— Пойдем, — велела она племяннику. — Она очнулась. Мне пришлось сделать ей переливание крови. Похоже, загвоздка именно в этом.

На больничной кровати Шайлер выглядела еще более хрупкой и маленькой. На ней был больничный халат, завязывающийся на спине, а лицо было бледнее обычного. Сквозь прозрачную кожу виднелись синие вены.

— Привет, Спящая красавица, — прерывающимся голосом произнес Оливер, пытаясь скрыть беспокойство.

— Где я?

— У меня в офисе, дитя, — серьезным тоном произнесла доктор Пат. — Ты впала в анабиоз.

Обычно такое случается намного позже. Так называют продолжительный сон, в который впадают некоторые вампиры в конце цикла, когда устают от бессмертия.

— У меня в голове какие-то странные ощущения. И кровь... она тоже какая-то странная. Неприятная.

— Мне пришлось сделать тебе переливание. У тебя был очень низкий уровень кровяных клеток. Некоторое время ощущения будут непривычные, пока новая кровь будет приспосабливаться к старой.

Шайлер охнула и содрогнулась.

— Оливер, я бы тебя попросила...

— Рад был повидать тебя, — сказал Оливер, крепко сжав плечо Шайлер. — Я буду за дверью.

Как только Оливер ушел, доктор Пат проверила, как зрачки Шайлер реагируют на свет. Потом она принялась что-то писать в карточку, а девушка терпеливо ждала диагноза.

Доктор Пат внимательно оглядела Шайлер.

— Тебе ведь пятнадцать?

Шайлер кивнула.

— Ты принята в члены Комитета?

— Да.

— Как я уже сказала, у тебя очень низкий уровень красных кровяных телец. И при этом количество клеток голубой крови превосходит норму. По некоторым параметрам твоя кровь уже соответствует уровню полностью созревшего вампира, и все же твое тело погрузилось в анабиоз, а это означает, что организм не производит нужного количества антигенов.

— И что из этого?

— Значит, трансформация у тебя проходит неравномерно.

— То есть как?

— Трансформация — это процесс, в ходе которого твои клетки голубой крови — твоя ДНК вампира — начинают брать верх над всем прочим. Ты отрациваешь клыки, твое тело переходит от потребности в обычной пище к потребности в питании сугубо человеческой кровью. Начинают возвращаться воспоминания, и твои силы, каковы бы они ни были, все больше проявляют себя.

Шайлер кивнула.

— Однако в твоей крови, судя по результатам анализов, есть кое-что странное. Вампирские клетки берут верх. Но это не нормальный, постепенный процесс, в ходе которого человеческая сущность сменяется бессмертной — так змея меняет кожу. Я точно не уверена, но такое впечатление, будто твоя человеческая ДНК сражается с вампирской. Сопrotивляется трансформации. И чтобы преодолеть это сопротивление, твоя вампирская ДНК в ответ тоже ведет войну, и твои человеческие кровяные клетки оказываются куда ниже положенного уровня. Потрясение отправило твое тело в анабиоз. У тебя ничего не стряслось? Иногда спусковым крючком для такого эффекта оказываются травматические переживания.

Шайлер покачала головой. Накануне вечер прошел совершенно без каких-либо происшествий.

— Иногда реакция может проявляться через некоторое время, — высказала предположение доктор Пат.

Она знала об обстоятельствах рождения Шайлер. Она была акушеркой Аллегры.

ГЛАВА 18

Неделю спустя Шайлер все еще испытывала слабость после того «эпизода», как они с Оливером называли ее вынужденный визит в клинику доктора Пат. Оливер предложил заехать за ней и отвезти в школу в первый день занятий. Обычно Шайлер возражала против подобных жестов с его стороны, потому что Оливер жил на другом краю города, но на этот раз смиренно приняла предложение. Оливер был ее проводником — ему полагалось заботиться о ней, и на этот раз, в виде исключения, ей следовало согласиться.

Весенний семестр в Дачезне официально начинался с собрания, на котором директриса поздравляла всех учеников с возвращением к увлекательной учебе, а после этого в бельведере подавали чай с булочками со смородиной и горячий шоколад. Оливер с Шайлер устроились на своих обычных местах на задней скамье в часовне, среди прочих соучеников.

Ученики весело приветствовали друг друга и обменивались каникулярными историями. Большинство девушек выглядели загорелыми и отдохнувшими; они передавали друг другу мобильники, хвастаясь своими фотографиями в бикини на берегах Багамов, Сент-Томаса или Мауи. Шайлер заметила Блисс Ллевеллин; та вошла вместе с Мими Форс, они обнимали друг друга за талии, словно лучшие подруги.

Волосы Мими сделались еще светлее от солнца, а Блисс щеголяла несколькими медными прядями. Следом за ними неспешно вошел Джек Форс, сунув руки в карманы модных твидовых брюк «Дак хед». Лицо у него загорело, а вокруг глаз остались белые пятна от горнолыжных очков, но от этого он лишь сделался еще восхитительнее.

Оливер заметил, куда устремлен взгляд Шайлер, но промолчал. Шайлер знала, как друг относится к ее увлечению Джеком Форсом.

Девушка почувствовала досаду Оливера и ласково положила голову ему на плечо. Если бы не Оливер, она могла бы... А что могло бы с ней случиться? Ушла бы навсегда? Присоединилась к матери в палате для коматозных больных? Шайлер до сих пор понимала не все. Что это означает — что ее вампирские клетки борются с

человеческими? Ее что, всегда так и будет разрывать надвое?

Голод, который она ощущала в Венеции, несколько приутих после переливания крови. Возможно, в этом-то все и дело. Ей нужна кровь. Может, достаточно будет просто делать переливание и никем не питаться? Надо будет спросить у доктора Пат, насколько это реально. А то очень уж жутко смотреть на Оливера и думать, как он восхитителен на вкус. Он ее лучший друг, а не закуска.

Блисс Ллевеллин огляделась по сторонам и встретила взглядом с Шайлер. Девушки нерешительно помахали друг другу. Блисс собиралась рассказать Шайлер про возвращение Дилана, продолжить разговор, начатый еще на балу, но как-то все не представлялось возможности.

Каникулы у Блисс выдались беспокойные. Провалы в памяти и ночные кошмары возобновились с прежней силой. Канун Рождества стал для нее худшей ночью в году. Она проснулась от боли в груди, такой мучительной, что перехватывало дыхание, к тому же была вся в поту, а простыни вымокли настолько, что слиплись между собою. Ужас.

Еще сильнее ее пугало то, что тварь из ее кошмаров начала говорить с ней во сне.

«Блисс... Блисс... Блисс...»

Тварь только произносила ее имя, но от этого звука девушку бросало в дрожь. Это сон. Просто сон. Всего лишь сон. Нет такой твари, что могла бы причинить ей вред. Это просто часть трансформации. Ее воспоминания пробуждаются и говорят с ней — так утверждает Комитет. Ее бывшая сущность, ее прошлые жизни.

Блисс стиснула зубы и выпрямилась на сиденье.

Сидящая рядом Мими Форс зевнула, прикрыв рот изящной ладошкой. Для Мими две недели каникул были истинным раем. За время поездки она подцепила даже не одного, а двух людей-фамилъяров, напилась досыта, и теперь у нее было такое чувство, словно она способна завоевать мир. Она с нетерпением ждала начала нового семестра. Новый сезон означал новый повод отправиться за покупками. Мими, как и Блисс, тоже снесало беспокойство. Она волновалась, успеет ли попасть в «Барнис» до закрытия.

Блисс заставила себя прислушаться к бодрой речи, которую директриса толкала им каждые полгода, — «вас ждет новый великолепный семестр в аудиториях Дачезне, ля-ля-ля», — и тут дверь часовни внезапно с сильным стуком распахнулась.

Все повернулись взглянуть, что послужило причиной шума.

В дверном проеме стоял юноша.

Очень, очень красивый юноша.

— Э-э, извините. Я не нарочно. Как-то не удержал, — произнес он.

— Ничего страшного. Заходите, Кингсли. Можете сесть вот здесь, впереди, — отозвалась директриса, жестом приглашая юношу войти.

Юноша ухмыльнулся. Он с важным видом зашагал по проходу, чуть враскачку, опустив плечи. Его черные волосы блестели, одна прядь небрежно падала на левый глаз; всем своим видом он демонстрировал уверенность в себе и собственной красоте. Одет он был в свободную белую рубашку в оксфордском стиле и обтягивающие черные джинсы, как будто только что сошел с обложки компакт-диска.

Блисс, подобно всем прочим девушкам, следила за ним не отрываясь. Юноша, словно бы почувствовав ее взгляд, обернулся и посмотрел прямо ей в глаза.

И подмигнул.

ГЛАВА 19

Его звали Кингсли Мартин, и он был учеником предпоследнего курса. Вся женская половина Дачезне сошлась на том, что даже имя у него сексуальное. С той самой минуты, как он появился, девушек словно пожар охватил. За какую-нибудь неделю его достоинства вошли в легенду. Его сразу же записали в школьные команды по лакроссу, футболу и гребле. Не менее впечатляющими были и его академические достижения. Он сразил наповал придиричивого преподавателя английского своим иллюстрированным докладом на тему «Ада» Данте, озаглавленным «Преисподняя Тако», в котором сравнивал круги ада с сетевыми заведениями фастфуда. На матанализе он решил сложную задачу за рекордно короткое время.

При этом он выглядел так, что у девчонок при взгляде на него подгибались коленки. Он был невероятно красив тем типом красоты, в котором голливудское обаяние сочеталось со щеголеватой европейской утонченностью и толикой лукавства. Новый парень выглядел... интересно.

На этом фоне Джек Форс поблек. Девушки учились вместе с ним еще с детского сада. А Кингсли был новинкой, эффектной и загадочной.

Прочее Блисс сообщила Мими Форс после обеда, когда они подкрашивали губы в женской уборной.

— Он — Голубой крови, — произнесла Мими и округлила губы, жирно намазывая их блеском.

— Что, серьезно? — отозвалась Блисс.

Конечно же, новичок — вампир. Она это поняла в тот же миг, как увидела его. Она никогда еще не встречала вампира, который бы настолько выставлял напоказ свою принадлежность к Голубой крови. Удивительно еще, как это он не продемонстрировал при всей школе свои клыки.

— Я видала его на балу Четырех сотен, — продолжала Мими. — Его семья только-только переехала сюда из Лондона, но он успел пожить повсюду — в Гонконге, Нью-Йорке, Кейптауне. Они типа как в родстве с королевской семьей. У него имеется какой-то титул,

только он им не пользуется.

— Что, нам следует делать перед ним реверанс? — пошутила Блисс.

Мими нахмурилась.

— Это не шутка. Они принадлежат к верхушке. Владеют поместьями, состоят в советниках у королевы и все такое.

Блисс еле удержалась, чтоб не закатить глаза. Иногда Мими настолько упорствовала в своем снобизме, что прямо тошно становилось.

Они вышли из уборной — и натолкнулись на объект их обсуждения. Кингсли как раз выходил из мужской раздевалки, держа в руках толстую книгу в кожаном переплете. Вид у него был беспутный и порочно-очаровательный. Стоило ему завидеть подруг, и в глазах его заплясали огоньки.

— Леди... — произнес он и поклонился.

Мими самодовольно улыбнулась.

— Мы как раз говорили о вас.

— Надеюсь, только хорошее? — спросил Кингсли, глядя в упор на Блисс.

— Это моя подруга, Блисс. Ее отец — сенатор, — произнесла Мими, слегка подтолкнув Блисс локтем.

— Я знаю, — отозвался Кингсли, и его улыбка сделалась еще шире.

Блисс стоило немалых усилий сохранить самообладание. Когда Кингсли так смотрел на нее, у нее возникало ощущение, словно она стоит раздетая.

Прозвенел второй звонок, означавший, что до начала следующего урока осталось пять минут.

— Надо идти. Корган уже старый, но способен вести себя как полный придурок, — сказала Мими и двинулась к лестнице.

— Ну так просто заставьте его заткнуться, — посоветовал Кингсли. — Вы что, еще не умеете этого?

— Вы о чем? — спросила Блисс.

Мими нервно рассмеялась.

— Он имеет в виду — использовать против преподавателей контроль. Ну, в смысле — контроль над сознанием. Кингсли, шутник, ты же знаешь, что нам не положено этого делать. Это против кодекса. Если стражи об этом узнают...

Подросткам Голубой крови строго-настрого запрещалось использовать свои силы или демонстрировать свои сверхъестественные способности, пока они не становились полностью взрослыми. Но и даже тогда кодекс вампиров утверждал совершенно однозначно: люди — не игрушки. К ним следует относиться с уважением. Обязанность Голубой крови — нести в мир покой, красоту и свет, а не употреблять свои превосходящие силы, чтобы подавлять и править.

— Стражи-шмажи, — шутливо произнес Кингсли, небрежно отмахнувшись от возражения. — Ни о чем они не узнают. Или вы до сих пор верите, что они способны читать ваши мысли? — поддразнил он девушек.

— Шутник! Поговорим попозже, — заявила Мими и двинулась прочь.

— Мне тоже надо идти, — нервно произнесла Блисс.

— Подожди.

Блисс приподняла бровь.

— Ты меня избегаешь, — напрямик, без обиняков заявил Кингсли.

Это не было обвинением — просто констатация факта. Он переложил под другую руку книгу, и Блисс мимоходом взглянула на нее. Книга не была похожа на учебник. Она скорее походила на старинные книги, выдаваемые только в читальном зале в Хранилище, которые Оливер брал, когда они выясняли, что такое Кроатан.

— О чем ты? Мы с тобой первый раз встретились.

— Ты что, уже забыла? — спросил Кингсли.

— Что забыла?

Кингсли оглядел девушку с ног до головы, от новых балеток «Хлое» до мелированных волос.

— Мне нравится то твое зеленое платье. И ожерелье тоже, конечно же. Отличное дополнение. Но пожалуй, ты мне больше нравишься промокшей до нитки. Беспомощной.

— Так это ты был тот парень в парке! — ахнула Блисс.

Значит, ее спас Кингсли, не Дилан. Кингсли? Но как? Означает ли это, с болью в сердце подумала девушка, что Дилан действительно мертв?

— Из тебя получилась прелестная Леди озера, — сказал Кингсли.

Мысли Блисс лихорадочно заметались. Так значит, на вечеринке после бала она танцевала с Кингсли. Это он был тем парнем в маске Пьеро.

— Что случилось с Диланом? — прошептала Блисс, и в сердце ее закрался страх.

Она была так уверена, что Дилан жив! Но если это не он спас ее из озера и не он танцевал с ней на вечеринке... значит, следует посмотреть правде в глаза. Она цепляется за грезы. Он ушел навеки и более не вернется.

— Кто такой Дилан?

— Не важно, — отозвалась Блисс, пытаясь приспособиться к этой новой реальности и осознать новые сведения. — А тогда что ты имел в виду на вечеринке, когда сказал, что не мог уйти надолго. Мы... мы знакомы? — спросила девушка.

Кингсли на миг сделался серьезен.

— А! Извини. Вы здесь несколько тормозите? Ты еще не узнала меня? Мне правда очень жаль. Я думал, ты меня узнала, когда мы танцевали. Но я ошибался.

— Кто ты? — спросила Блисс.

Кингсли склонился к уху девушки и, касаясь его губами, прошептал:

— Я такой же, как ты.

Раздался последний звонок. Кингсли повел бровями и улыбнулся.

— До встречи, Блисс.

Блисс тяжело оперлась о стену; у нее дрожали колени, а сердце бешено колотилось в груди. Он стоял так близко к ней, что девушка до сих пор чувствовала его дыхание на своей щеке. Кто же он на самом деле? Что он имел в виду? И узнает ли она хоть когда-нибудь, что же на самом деле произошло с Диланом?

ГЛАВА 20

В пятницу утром Шайлер спустилась к завтраку и сразу же осознала, что в гостиной что-то изменилось. В ней стало светло. Комната была залита солнцем, просто-таки купалась в нем. С мебели исчезли чехлы, а потоки солнечного света, врывающиеся сквозь окна, слепили глаза.

Посреди комнаты стоял Лоуренс ван Ален и рассматривал старинный портрет, висящий над камином. В коридоре громоздились старомодные чемоданы и большой потрепанный дорожный сундучок «Луи Вуиттон».

Рядом с Лоуренсом стояли Хэтти с Юлиусом, заламывая руки. Хэтти первой заметила Шайлер.

— Мисс Шайлер! Я не смогла его остановить — у него был ключ! Он сказал, что этот дом принадлежит ему, принялся открывать шторы и потребовал, чтобы мы поснимали чехлы с мебели. Он сказал, что он — ваш дедушка. Но миссис Корделия была вдовой, сколько я ее знала.

— Все в порядке, Хэтти. Ничего страшного. Юлиус, я со всем разберусь, — сказала Шайлер, успокаивая прислугу.

Горничная и шофер с сомнением посмотрели на самозванца, но все же вняли словам хозяйки и, извинившись, покинули гостиную.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Шайлер. — Я думала, ты намерен держаться в стороне.

Она пыталась рассердиться, но не удавалось: ее переполняло радостное возбуждение. Дедушка приехал! Неужто он передумал?

— А что, не видно? — отозвался Лоуренс. — Я вернулся. Твои слова глубоко уязвили меня, Шайлер. Я не смог жить спокойно, понимая, как трусливо себя вел. Прости. С тех пор как мы с Корделией заключили то соглашение, прошло много времени. Я не ожидал, что кто-то явится искать меня.

Он подошел к венецианскому окну, выходящему на замерзший Гудзон. Шайлер и забыла, что из их гостиной открывается такой чарующий вид. Корделия много лет держала шторы закрытыми.

— Я не мог допустить, чтобы ты вернулась к своей прежней жизни в одиночестве. Довольно я пробыл в изгнании. Пора Нью-Йорку вспомнить силу и славу семейства ван Ален. И я собираюсь растить тебя. В конце концов, ты моя внучка.

В ответ Шайлер крепко обняла деда и уткнулась лицом ему в грудь.

— Корделия была совершенно права насчет тебя. Я знала, что она окажется права.

Но прежде чем она успела сказать что-либо еще, громко зазвенел дверной звонок, как будто кто-то в нетерпении жал на него.

Шайлер посмотрела на дедушку.

— Ты кого-то ждешь?

— На данный момент — нет. Андерсон присоединится ко мне на неделе, после того как запрет мои дома в Венеции. — Лоуренс помрачнел. — Похоже, мое возвращение в Нью-Йорк оказалось не настолько тайным, как я надеялся.

Хэтти подошла было к двери спросить, кто там, но Лоуренс взмахом руки велел ей отойти.

— Я сам разберусь, — сказал он и отворил дверь.

На пороге стояли Чарльз Форс и с ним несколько стражей из Комитета, угрюмые и решительные.

— А, Лоуренс, — улыбнулся одними губами Чарльз. — Ты снова удостоил нас своим присутствием.

Лоуренс кивнул с ответной улыбкой.

— Можно нам войти?

— Да, пожалуйста, — любезно отозвался Лоуренс. — Шайлер, полагаю, ты всех тут знаешь? Чарльз, Присцилла, Форсайт, Эдмунд — это моя внучка Шайлер.

— Э-э... здравствуйте, — произнесла Шайлер, пытаясь понять, отчего дедушка ведет себя так, словно стражи просто по-дружески завернули в гости.

Пришедшие не обратили на Шайлер никакого внимания.

— Лоуренс, мне очень жаль, — мягким, сладкозвучным голосом

произнесла Присцилла. — Я оказалась в меньшинстве.

— Ничего страшного, дорогая. Не могу не сказать, как я рад видеть тебя в добром здравии. С Ньюпорта прошло много времени.

— Слишком много, — согласилась Присцилла.

Чарльз раздраженно перебил их:

— Довольно! Лоуренс, я что-то не припоминаю, чтобы твое изгнание было отменено. Ты должен предстать перед Советом для официальной дачи показаний. Изволь проследовать за нами.

— Что происходит?! — воскликнула Шайлер, когда двое стражей взяли Лоуренса под руки. — Куда они тебя забирают?

— Не бойся, внучка, — спокойно сказал Лоуренс. — Раз выбора нет, я пойду добровольно. Я не собираюсь соперничать с тобой, Чарльз. Шайлер, я скоро вернусь.

Чарльз Форс фыркнул.

— Это еще неизвестно!

Шайлер смотрела, как они вывели дедушку из дома и посадили в одну из черных машин, стоящих перед домом. Ей хотелось плакать. Едва лишь она подумала, что помощь наконец-то пришла, и ее тут же лишили этой помощи.

— Он ушел? — спросила Хэтти, вылетев из кухни. — Слава богу!

— Он вернется, — сказала Шайлер больше себе самой.

Она подошла к портрету, который рассматривал Лоуренс. Картина, изображавшая молодоженов, много лет провисела, закрытая специальной тканью. Датировалась она восемнадцатым столетием. На картине была изображена Корделия в свадебном платье, миловидная и строгая. У стоящего рядом с ней мужчины в элегантном утреннем костюме и галстуке «аскот» было ястребиное лицо молодого Лоуренса ван Алена.

ПОДШИВКА «НЬЮ-ЙОРК ГЕРАЛЬД

10 ФЕВРАЛЯ 1872 ГОДА

ОБЪЯВЛЕНИЕ О СВАДЬБЕ

*Разосланы приглашения на бракосочетание мисс
Каролины Вандербильт, дочери адмирала и миссис*

Вандербильт, и Альфреда, лорда Барлингтона. Свадьба состоится вечером в четверг, двадцать четвертого февраля, в шесть вечера, в доме у родителей невесты, особняк номер 800 по Пятой авеню. Венчание будет проводить преподобный мистер Кашинг. Подружкой невесты будет ее младшая сестра, мисс Эва Вандербильт, а шафером — маркиз Эссекский. После церемонии состоится прием. Семейство невесты занимает видное место в обществе. Среди гостей будет губернатор Нью-Йорка и мэр города. Лорд Барлингтон — финансовый агент, ведущий дела в Лондоне и Нью-Йорке, старший сын герцога и герцогини Девонширских. После свадьбы молодожены отправятся в длительное путешествие по Индийскому субконтиненту.

ГЛАВА 21

На поручнях балкона библиотеки, расположенной на третьем этаже, стоял юноша. В теплую погоду этот балкон называли «Клуб Дачезне», поскольку ученики традиционно перекусывали там, загорали, закатывая джинсы так, что те превращались в шорты, девушки расстегивали блузки, насколько хватало храбрости, а парни вообще снимали рубашки.

Но в это время, в середине января, окна, выходящие на балкон, обычно были закрыты. Обычно, но не сегодня. Кто-то открыл створку, впустив в библиотеку ледяной воздух, и кто-то теперь находился снаружи, балансируя на тонких, в четыре дюйма шириной, чугунных поручнях.

Джек возвращался из здания, где проходили занятия по музыке; он пробрался через оживленную толпу, собравшуюся во внутреннем дворе за главным зданием школы, и в этот момент заметил Шайлер, выскользнувшую из бокового входа; она с обеспокоенным лицом сказала что-то Оливеру, ее другу-человеку.

Джек с трудом оторвал взгляд от девушки — ах, если бы это к нему она обращалась за утешением! — посмотрел наверх, туда, куда указывали несколько человек, и заметил этого юношу. Это был новичок, из Красной крови, и он стоял на перилах с изумленным и озадаченным видом.

— Прыгай! — взвизгнула Суз Кембл и глупо захихикала.

— Слушайте, он вообще соображает, что делает? — спросила другая девушка, охваченная одновременно и испугом, и приятным возбуждением.

Джек заметил, что собравшуюся толпу забавляет сложившаяся ситуация. Половина присутствующих жаждали, хотя и подсознательно, чтобы юноша упал. Тогда на сегодня уроки точно отменят.

— Ну, давай! Не задерживай! А то у меня сегодня контрольная, а я вряд ли ее напишу! — выкрикнул кто-то.

Сверхчувствительный слух Джека уловил в углу, за живой изгородью вокруг скамьи, смех: это веселились тот новенький,

Кингсли Мартин, и Мими.

— Пускай он сделает пируэт, — потребовала Мими.

Кингсли взмахнул рукой, и юноша на перилах исполнил балетное па. Толпа ахнула. Но юноша приземлился после прыжка на ноги. Он явно был потрясен произошедшим, как если бы не контролировал...

Не контролировал...

Джек пристально взглянул на Кингсли. И мгновенно понял, что здесь происходит. Кингсли захватил контроль над сознанием юноши — так кукловод дергает марионетку за веревочки.

На собраниях Комитета их предупреждали, что за использование особых сил против краснокровных без провокации с их стороны полагается суровое наказание. Джек почувствовал, как в нем закипает гнев. Заносчивый придурок! Кингсли подвергал их всех опасности.

— Отпусти его! — потребовал Джек от Кингсли, вскинув руку.

Его глаза метали молнии.

Толпа тут же обернулась посмотреть, кто поднял шум.

— Слушай, приятель, мы просто немного позабавились, — примиряюще сказал Кингсли.

Он коротко взмахнул рукой, и юноша на балконе перестал вертеться. В этот момент он осознал, где находится, вскрикнул и покачнулся, левая его нога соскользнула с края...

— Мартин! Спусти его вниз! Немедленно!

— Ну, если ты так настаиваешь... — со скучающим видом откликнулся Кингсли.

Юноша на балконе восстановил равновесие и сошел с поручней.

— Modo caecus, — прошептал Джек, накладывая на всех присутствующих людей заклинание, рассеивающее внимание, чтобы они позабыли обо всем виденном.

— Это было глупо и опасно — не говоря уже о том, что жестоко и мелко, — бросил Джек, встав лицом к лицу с Кингсли.

Он в жизни не испытывал такой ярости. А при виде Мими, стоящей рядом с этим негодяем, разозлился еще сильнее. Он что,

действительно ревнует? Или просто рассержен и разочарован, обнаружив, что его сестра участвует в такой отвратительной выходке?

— Слушай, Форс, не порти другим удовольствие, — сказал Кингсли. — Никто же не пострадал.

— И правда, Джек, перестань, — подхватила Мими. — Это всего лишь первокурсник. Ничего бы не произошло.

— Суть не в том, Мими, — отрезал Джек. — Стражи об этом узнают.

— Ах, стражи! — рассмеялся Кингсли. — Слушай, может, ты лучше поведешь за собой? — с ядовитой насмешкой продолжил он. — Или ты сделался таким любителем Красной крови, что позабыл, что сам принадлежишь к Голубой?

Джек покраснел до корней своих белокурых волос.

— Вы, Форсы, или как вы там себя называете нынче, были бы пустым местом без моей семьи и той жертвы, которую мы принесли, — угрюмо произнес Кингсли. Он развернулся на месте и двинулся прочь, бросив на прощание: — Когда тебе захочется расплатиться за свои слова, Форс, ты знаешь, где меня найти.

— Джек, это же просто шутка! — воскликнула Мими, пытаясь успокоить брата.

— Отстань! — бросил Джек и стряхнул руку сестры со своего плеча.

Он быстро зашагал прочь, а Мими кинулась следом с раздраженным видом.

— Джек, погоди! Ну брось ты!

Но Джек не обернулся. У него горели уши от смущения, от того, что его так унизили на публике. Было ли это разумно? Ведь он же должен был остановить Кингсли? Или у него просто нет чувства юмора, как сказала его сестра? Но в любом случае — о чем это говорил Кингсли? Что за жертву принесло семейство Мартин?

Нужно расспросить об этом отца.

ГЛАВА 22

Оливер занял для Шайлер место рядом с собой в химической лаборатории. Он подал девушке защитные очки; она надела свинцовый фартук.

— Что делаем сегодня? — поинтересовалась Шайлер, пристраивая очки на носу.

Оливер свои уже надел. Класс выглядел словно команда сварщиков. В другом конце лаборатории Мими громко жаловалась, что очки оставляют у нее на переносице уродливые красные отметины, но никто ее особенно не слушал.

— Снова готовим леденцы? — спросила Шайлер.

Оливер проверил горелку Бунзена и осторожно, постепенно включил ее; вспыхнул небольшой красный огонек.

— Угу.

Раньше в Дачезне этот предмет вел один из самых изобретательных и обаятельных преподавателей. На самом деле химическая лаборатория была настолько популярна среди учеников, что и второкурсникам, и студентам предпоследнего курса дозволялось выбрать ее в качестве факультативной дисциплины. Но мистер Энтони, недавний выпускник Йеля, ребячливый и полный энтузиазма, после зимних каникул был уволен из школы из-за плачевного романа с одной из учениц, которая в результате забеременела. Мистера Энтони выгнали, а студентку исключили. В конце концов, здесь не какая-нибудь школа Деграсси из сериала. Здесь Дачезне.

И все бы было прекрасно, да только когда мистер Энтони исчез, а с ним и его сложные, но увлекательные лабораторные эксперименты (например, в последнем семестре они превратили медь в золото или, по крайней мере, позолотили), студентам подсунули нудного старого мистера Коргана; его учебный план состоял из серии экспериментов один скучнее другого.

Рассчитайте плотность. Выясните химический состав воды. Определите, какой это раствор, кислотный, щелочной или нейтральный. Скукотища! Мистер Корган был настолько медлителен,

что класс уже две недели занимался химической реакцией между водородом и фруктозой, а попросту — сооружением леденцов из сахара и воды.

Шайлер уже собралась было поставить пробирку с водой на горелку, как вдруг мистер Корган объявил, что сегодня они займутся чем-то другим.

— Я хотел бы... кхе-кхе... чтобы вы каждую неделю меняли партнеров по работе. В последнее время класс сделался очень разболтанным, и я вынужден... кхе-кхе... разлучить вас с вашими друзьями. Те, кто сидит слева, будьте добры, перейдите к следующему столу. И так мы будем пересаживаться каждую неделю.

У Шайлер с Оливером сделался страдальческий вид.

— До встречи после урока, — бросил Оливер девушке, когда Шайлер собрала вещи и перешла к следующему столу, у которого стоял Кингсли Мартин.

Если уж на то пошло, пластиковые очки лишь подчеркивали его красоту, демонстрируя, что ей ничто не в силах повредить. Кингсли мог бы нацепить полиэстеровые штаны и клоунские усы и все равно смотреться круто. Шайлер редко видела Кингсли после его появления, но постоянно слышала восторженные отзывы о нем и видела наглое представление, устроенное им во внутреннем дворе нынешним утром.

— Безобразие вышло с твоим дедом, — сказал Кингсли вместо приветствия.

Шайлер стоило немалого труда не выказать своего изумления. Хотя... Кингсли — он же из Голубой крови. Его родители, наверное, занимают высокое положение в Комитете.

— С ним все будет в порядке, — сдержанно откликнулась она, ожидая, пока вода в пробирке закипит.

— Да, само собой. Я бы с удовольствием полюбовался, как Лоуренс с Чарльзом сцепятся. Прямо как в старые добрые времена.

— Угу, — кивнула Шайлер, не желая продолжать разговор.

Она даже Оливеру не сказала про возвращение Лоуренса — из суеверного опасения. А вдруг Комитет возьмет и сразу же вышлет его обратно в Италию? Тогда и говорить будет не о чем.

— Скажи, ты все вздыхаешь по тому парню?

— Что-что? — переспросила Шайлер, взяв пробирку.

— Ничего. — Кингсли с невинным видом пожал плечами. — Раз тебе угодно вести такую игру, — провокационным тоном произнес он.

Когда Кингсли отвернулся, Шайлер внимательно взглянула на его профиль. Она слышала, что парень присутствовал на балу Четырех сотен. А не мог ли... не мог ли он быть тем самым незнакомцем в маске, с которым она целовалась на вечеринке после бала? Шайлер невольно коснулась собственных губ. Если она и вправду целовалась с ним, означает ли это, что, хотя она считает его отталкивающим, все же находит в нем нечто привлекательное для себя? Оливер вечно цитировал Фуко, говоря, что желание проистекает из отвращения.

Вдруг ее посетила неожиданная мысль: а что, если парень в маске был Оливер? На вечеринке были и другие из Красной крови... а Оливер терпеть не мог оставаться в стороне от общего веселья. Шайлер была уверена, что он сумел бы как-то разузнать об этой затее. Может, ее влекло к парню в маске потому, что это был ее лучший друг? Может, они действительно целовались с Оливером? И потому он так внимателен к ней в последнее время? Потому обращается с ней с такой нежностью?

Шайлер взглянула на Оливера, сидящего на другой стороне комнаты. Он, скривившись, наблюдал, как Мими Форс, его партнер по лабораторной работе, пережгла фруктозу и та, растаяв, образовала приторно воняющий комок — сущее бедствие.

Если она целовалась с Оливером, означает ли это, что теперь они с ним больше чем просто друзья? Должны ли они начать встречаться? Привлекал ли он ее когда-нибудь? Шайлер взглянула на каштановые волосы юноши, падающие ему на глаза, и вспомнила, как в Венеции ей сильнее всего на свете хотелось попробовать его крови. Можно ли считать, что это влечение того же рода? И как он сам относится к ней?

Шайлер положила аккуратно выплавленные квадратные леденцы на стол и заметила краем глаза еще одного парня.

Это был Джек Форс. У нее моментально заняло под ложечкой.

И вдруг Шайлер осознала, что просто обманывает себя. Она может поиграть с идеей о том, что ей нравится Кингсли или Оливер. Но на самом деле она знала, что лелеет не такую уж тайную надежду насчет того, с кем целовалась на самом деле. Она хотела, чтобы это был один, и только один юноша.

Джек.

ГЛАВА 23

Когда Шайлер вернулась из школы домой, Лоуренса все еще не было. Она попросила Юлиуса перенести в комнату Корделии дедушкин багаж: эти вещи выглядели такими покинутыми в коридоре!.. Хэтти приготовила ужин, и Шайлер унесла поднос к себе в комнату и съела мясной хлеб и картофельное пюре, сидя перед компьютером. Корделия никогда бы этого не допустила. Бабушка неусыпно следила, чтобы Шайлер каждый вечер ужинала за столом, как полагается. Но Корделии больше не было рядом, чтобы следить за соблюдением установленных ею правил.

Шайлер скормила Бьюти остатки еды со своей тарелки, проверила почтовый ящик и вяло попыталась доделать домашнее задание.

Потом она отнесла поднос на кухню и помогла Хэтти загрузить посудомойку. Был уже десятый час. Дедушку увели больше двенадцати часов назад. Сколько же может тянуться это заседание?

В конце концов, уже около полуночи, в замке повернулся ключ. Это был Лоуренс. Вид у него был изможденный, лицо избороздили морщины. Шайлер показалось, будто за прошедшие часы он постарел на несколько десятилетий.

— Что произошло? — спросила она, вскочив с диванчика у окна, где уже успела задремать.

Гостиная, из которой убрали тяжелые шторы и чехлы с мебели, оказалась на удивление уютным местом. Хэтти разожгла огонь в камине, и Шайлер любовалась видом на реку и никак не могла налюбоваться.

Лоуренс повесил свою помятую шляпу на вешалку и тяжело опустился в одно из старинных кресел, стоявших напротив камина. С сиденья поднялось облачко пыли.

— Корделии не мешало бы потратить немного денег, чтобы в доме было малость почище, — проворчал Лоуренс. — Я ей оставлял на черный день.

Корделия всегда держалась так, что Шайлер была убеждена: денег у них нет, а то немногое, что имеется, уходит на нужды первой

необходимости: оплату учебы в Дачезне, еду, крышу над головой, жалование минимуму прислуги. На все выходящее за эти пределы — новая одежда, деньги на кино или рестораны — выделялось с ворчанием по доллару.

— Бабушка всегда говорила, что мы разорены, — сказала Шайлер.

— По сравнению с тем, как мы жили прежде, — да, конечно. Но мы, ван Алены, отнюдь не банкроты. Я проверил сегодня счета. Корделия разумно вкладывала деньги. На проценты набегали новые проценты. Нам следует снова привести дом в надлежащий вид.

— Ты ходил в банк? — с легким испугом спросила Шайлер.

— Да, мне пришлось пробежаться по ряду дел. Давненько я не бывал в Нью-Йорке. Просто удивительно, как изменился мир. В Венеции это как-то упускаешь из виду. Столкнулся с несколькими друзьями. Кашинг Карондоле настоял, чтобы я поужинал с ним в нашем прежнем клубе. Извини, мне стоило бы вернуться пораньше, но нужно было выяснить, что Чарльз тут наворотил в мое отсутствие.

— Но что произошло в Комитете?

Лоуренс извлек из кармана сигару и осторожно раскурил ее.

— А, ты насчет слушания?

— Да! — с нетерпением произнесла Шайлер.

Небрежность Лоуренса заинтриговала ее.

— Ну, они привели меня в Хранилище, — сообщил Лоуренс. — Мне пришлось объясниться с Советом — с верховным руководством. Стражи, старейшины. В общем, бессмертные вроде меня.

Бессмертными называли вампиров, сохраняющих одну и ту же физическую оболочку на протяжении столетий; они получали особое дозволение не участвовать в цикле погружения в сон и пробуждений, именуемом также реинкарнацией.

— Никогда не видал такого жалкого сборища, — сказал Лоуренс, скривившись от отвращения. — Форсайт Ллевеллин — сенатор, мыслимо ли? В Плимуте он был всего лишь лакеем Михаила. Позор, да и только! И это категорически противоречит кодексу. Видишь ли, так было не всегда. Прежде мы правили. Но после того бедствия в Риме мы договорились о том, что отныне не

станем занимать правящие посты в человеческом обществе.

Шайлер кивнула. Корделия рассказывала ей об этом.

— И они вышибли Карондоле из Совета! Кашинг рассказал мне об этом. И все потому, что он предложил кандидус суффрагиум.

— А что это такое?

— Открытое голосование. Выборы главы Совета.

— Но я думала, Михаил... Чарльз... он — Регис. Навсегда.

— Не совсем, — отозвался Лоуренс, стряхивая пепел в пепельницу, которую он извлек из кармана куртки.

— Нет?

— Нет. Комитет — не демократия. Но и не монархия. Было договорено, что вопрос о главенстве можно ставить, если Комитету кажется, что Регис выполняет свои обязанности не так, как должно. Тогда объявляется открытое голосование.

— А оно уже когда-нибудь проводилось?

— Да. — Лоуренс опустился в кресле так низко, что виден был лишь дым от его сигары. — Один раз, в Плимуте.

— И что произошло?

— Я проиграл. — Лоуренс пожал плечами. — Они выставили нас с Корделией из Совета. С тех пор мы не имели влияния в Комитете. Мы подчинились их правилам, а позднее, примерно во время «позолоченного века», решили разъехаться.

— Почему? — спросила Шайлер.

— Корделия ведь рассказывала тебе: мы подозревали, что кто-то из высокопоставленных членов Совета укрывал Серебряную кровь. Я решил, что для нее будет безопаснее, если я исчезну на некоторое время и продолжу расследование так, чтобы Совет об этом не знал. Нам казалось, что это разумный ход. Но, увы, в результате меня не оказалось здесь, когда Аллегру постигла та роковая любовь. Или когда ты родилась. А мои труды оказались бесплодны. Я и поныне ничем не могу подтвердить свои подозрения.

— Но что произошло? Почему они отпустили тебя? Я думала, ты изгнанник.

Лоуренс коротко хохотнул.

— И они думали так же. Только они позабыли, что я удалился в изгнание добровольно. У них не было особого выбора. Я не нарушил ни кодекса, ни единого закона. Так что у них не нашлось никаких оснований препятствовать мне. Однако же, поскольку я отсутствовал так долго, они потребовали от меня подтверждения.

— Подтверждения чего?

— Что я не буду посягать на верховенство в Комитете, как сделал однажды. Ну, не призывать к новому открытому голосованию. Они даже вернули мне место в Совете, при условии, что я не стану снова поднимать вопрос об угрозе со стороны Серебряной крови. Как утверждает Чарльз, угроза Кроатана остановлена — если вообще когда-либо существовала.

— Только на том основании, что за последние три месяца никто не умер, — невесело усмехнулась Шайлер.

— Да. Они, как обычно, слепы. Серебряная кровь вернулась. Как мы с Корделией их и предупреждали много лет назад.

— Но зато все остальное в порядке, — радостно произнесла Шайлер. В этот момент угроза, исходящая от Кроатана, ее не волновала. — Ты вернулся, и они ничего не могут с этим поделать.

Лоуренс устремил печальный взгляд на огонь в камине.

— Не совсем. Я принес плохие новости.

Улыбка исчезла с лица Шайлер.

— Чарльз сообщил, что он намерен удочерить тебя.

— Это как? Почему вдруг?

Чтобы Чарльз Форс ее удочерял? На каком основании? Что это за недобрая шутка?

— К несчастью, он приходится тебе ни больше ни меньше как дядей. Когда Аллегра, его сестра, разорвала узы и отказалась назвать его своим супругом в этом цикле, он отвернулся от семьи ван Ален. Точнее говоря, он делал все, чтобы уничтожить нашу семью. Уничтожить твою мать. Он не мог ей простить, что она вышла замуж за твоего отца и родила тебя. Он ожесточился против нее. Он даже сменил имя.

Шайлер вспомнила о тех случаях, когда она заставляла Чарльза Форса на коленях у постели ее матери. Он постоянно навещал Аллегру, и Шайлер однажды услышала, как он умолял ее о прощении.

— Следовательно, он твой единственный близкий родственник — не считая меня, конечно. Но в этом цикле не имеется никаких документов, подтверждающих мое существование. На самом деле, согласно документам, я официально считаюсь мертвым. Я умер в тысяча восемьсот семьдесят втором году. Да здравствуют швейцарские банки. Наши счета — всего лишь коды из множества цифр, иначе я не смог бы ими воспользоваться. Чарльз решил, что я не гожусь на роль твоего воспитателя. Он желает сам растить тебя.

Ее дядя. Корделия намекала на это, но до сих пор Шайлер не желала признавать сам факт существования этой ветви на их запутанном генеалогическом древе.

— Но они не могут!.. В смысле — он же не... Я его даже не знаю.

— Не волнуйся, я этого не допущу. Аллегра хотела бы держать тебя подальше от него, — сказал Лоуренс.

— Почему он так ненавидит тебя? — спросила Шайлер.

Ярко-синие глаза девушки наполнились слезами. Лоуренс, в конце концов, вернулся, и снова какие-то силы — а точнее говоря, Форсы — стремятся разлучить их. Шайлер задумалась о том, на что может быть похоже это усыновление. Каково было бы жить в одном доме с Джеком и Мими, ее двоюродными братом и сестрой? Мими наверняка будет в восторге... А Джек? Как отнесся бы к этому он?

— «И восстанет отец на сына и сын на отца», — произнес Лоуренс, цитируя Писание. — Увы, я всегда служил для моего сына источником разочарований.

30 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА

ТАЙНА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ДО СИХ ПОР НЕ
РАСКРЫТА

О Мэгги Стэнфорд не слышно вот уже два года. Отец скончался от горя, мать лишилась рассудка.

Тайна, сопутствующая исчезновению Мэгги Стэнфорд, ныне уже восемнадцатилетней, пропавшей в

вечер ежегодного Патрицианского бала два года назад, все еще не разгадана. Полиция так и не обнаружила ни требования о выкупе, ни иных указаний на похищение либо иное сопряженное с этим исчезновением преступление и предположила, что девушка убежала по своей воле. Как нам сообщили, миссис Доротея Стэнфорд из Ньюпорта из-за исчезновения дочери сделалась психически нестабильна. Мистер Стэнфорд умер от горя вскоре после пропажи Мэгги.

Несчастную мать преследуют странные галлюцинации; она заявила, что ее соседи и друзья скрывают правду о местонахождении ее дочери и не дают той вернуться домой.

Представитель «Нью-Йорк геральд» навестил миссис Стэнфорд у нее дома. Судя по тому, что он сумел понять из ее речи, несчастная до сих пор полагает, что кто-то похитил ее дочь и не отпускает.

Наш представитель выяснил, что в течение года перед исчезновением Мэгги Стэнфорд пребывала в клинике Святой Дафны в Ньюпорте, проходя курс лечения от неизвестного заболевания. Любая информация, способная пролить свет на исчезновение девушки, будет приветствоваться.

ГЛАВА 24

Редакция журнала «Чик» располагалась в шикарном новом здании из стекла и бетона, выстроенном посреди Таймс-сквер. Это была лишь часть имущества «Кристи-Бест», конгломерата, в который входили «Флэш», «Кисе», «Сплэндид» и «Майн», наряду с множеством других глянцевого журналов. Строгий вестибюль был отделан мрамором; в центре красовался фонтанчик в стиле «дзен», с тонкими струйками воды, а у ониксовых столов секретарей высились охранники в черных пиджаках.

Однажды днем, после школы, Блисс стояла в этом вестибюле и терпеливо ожидала, пока охранник созвонится с менеджером «Чик» и пропустит ее. Агентство «Модели Фарнсворт» прислало Блисс выяснить, не захочет ли журнал нанять ее для очередной фотосессии.

Блисс была одета в свой стандартный наряд для кастинга: плотно облегающие джинсы «Цивилизация», темные, с искусственными потертостями, туфли без каблуков «Ланвин» и свободную белую блузку. На свежее умытое лицо не было и грамма косметики, как ей посоветовали в агентстве. Блисс пользовалась большой популярностью с тех пор, как поучаствовала в рекламной кампании «Цивилизации» и ее фото в потрясающем платье «Диор» перепечатали газеты и журналы во всем мире, объявив ее новой, юной светской звездой (так что она потеснила Мими в международном списке лучше всего одетых дам). Блисс снималась для рекламы обуви, рекламы «Гэп», и «Кисс» уже посвятил ей статью на пяти разворотах. «Чик» был основной жилой, вершиной глянцевого айсберга, и хотя Блисс относилась к своей карьере модели как к чему-то несерьезному, ей все-таки очень хотелось получить эту фотосессию.

Тут Блисс услышала, как девушка за соседним столиком сообщает свое имя:

— Шайлер ван Ален.

— Шайлер! Ты тоже на кастинг в «Чик»? — спросила Блисс, приятно удивленная.

— Ага.

Шайлер улыбнулась в ответ. После кончины бабушки она отклоняла все предложения рекламщиков, а после ее участия в рекламной кампании «Цивилизации» предложения посыпались дождем. Но Линда Фарнсворт убедила ее принять приглашение «Чик», и Шайлер согласилась, хотя бы ради того, чтобы на время выбросить из головы тревожные новости об удочерении ее Чарльзом Форсом.

Как обычно, Шайлер выглядела оборванкой в своем потрепанном свитере, блузе с поясом и с несколькими нитями пластмассовых бус на шее, лосинах и туфлях на резиновой подошве «Джек Парселл». Впрочем, стоит упомянуть, что несколько редакторов модных журналов, заметивших Шайлер в вестибюле, отметили ее уникальный стиль, и три месяца спустя страницы «Кисс», «Сплendid» и «Флэш» запестрели нарядами, до ужаса похожими на тот, что был сейчас на Шайлер.

— Можете идти, — сказал охранник и нажал какую-то кнопку, пропуская девушек через турникет.

Офис «Чик» располагался на десятом этаже, и от безукоризненной обстановки Шайлер и Блисс слегка оторопели. Приемная была увешана увеличенными до размеров постера обложками знаменитых номеров «Чик» — обзор самых прославленных красавиц двадцатого и двадцать первого века.

Вежливая секретарша предложила девушкам присесть на белые кресла «Барселона».

Блисс и Шайлер негромко побеседовали на нейтральные темы: школьные сплетни, экзамены, о том, почему в столовой внезапно стали подавать хот-доги. Обе они старательно избегали упоминаний о Дилане: Шайлер потому, что боялась, что тема окажется для Блисс слишком болезненной, а Блисс потому, что ей казалось, рассказывать больше нечего: ведь парень в озере оказался Кингсли, а не Диланом.

— Тебя часто видят вместе с Кингсли, — сказала Шайлер, когда Блисс упомянула, что тот водил ее на вечеринку в остромодный новый клуб «Бедствие».

— Угу. — Блисс прикусила большой палец. Она сидела на краю кресла не настолько удобного, чтобы садиться поглубже. На коленях у нее лежала черная папка с портфолио. — Он клевый.

Блисс все еще не разобралась с тем, какое место Кингсли

занимал в ее прошлом, но вынуждена была признать, что настоящее он изрядно украшал. Он, похоже, вбил себе в голову, что Блисс — его девушка, и большую часть свободного времени они проводили вместе. У Кингсли всегда имелись приглашения на самые лучшие вечеринки, и в его присутствии Блисс больше не чувствовала себя неудачницей, не пользующейся успехом у противоположного пола, скорее уж светской красавицей. Кроме того, ее собственная растущая известность позволяла ей держаться все увереннее среди блестящих завсегдатаев ночной жизни Нью-Йорка. Даже Мими как-то упомянула с недовольным видом, до чего ей тошно видеть имя Блисс, напечатанное жирным шрифтом в заголовках газет.

— Как там Оливер? — спросила Блисс.

— Хорошо, — отрывисто произнесла Шайлер.

На самом деле в последнее время Оливер держался несколько более отстраненно — и это после того, как он относился к ней с таким сочувствием. Возможно, это было реакцией на то, что она сама от него отдалилась, или причиной стали его собственные сомнения насчет того, каковы же теперь их взаимоотношения. Превращение из лучшего друга в человека-проводника — процесс нелегкий.

Тут девушки смолкли, поскольку стеклянная дверь распахнулась и вошла стройная брюнетка. На ней была свободная блуза в фольклорном стиле, с поясом на бедрах, туго обтягивающие джинсовые шорты, узорчатые лосины и туфли на танкетке. Выглядело это странно и необычно; казалось, будто девушка надела в спешке то, что попало под руку, хотя на самом деле, вероятно, потребовался не один час изучения фотографий с подиума и тщательных прикидок насчет того, как свести отдельные элементы в единое целое, таких же кропотливых, с какими художник смешивает краски.

— Блисс? Шайлер? — произнесла брюнетка.

— А вы Шантал? — спросила Шайлер.

— Нет, я Китон, ассистент Шантал.

— Как в «Диане или Бастере»? — пошутила Шайлер.

Китон проигнорировала ее шутку.

— Шантал задерживается на совещании по поводу аксессуаров, но она велела мне привести вас, — снисходительно произнесла она.

Китон провела их по дорожке, застеленной белым ковровым покрытием; по коридору, окруженному лабиринтом отдельных кабинок, скользили на четырехдюймовых каблуках девушки, одетые так же модно и эксцентрично. Вдоль стен выстроились передвижные стойки с одеждой; на вешалках висели записки. «Ян — на обложку». «Отказать». «Пойдет». «Браннон МТГ». «Возврат» и «Каталог».

Кабинет Шантал был завален портфолио моделей, а одна из стен была увешана сотнями фотографий моделей, моментальных и десять на пятнадцать. Еще там были оттиски обложки следующего месяца, макеты статей для февральского номера и маленький, размером с чайную чашку, терьер, тывкающий в уголке.

— Подождите здесь, — распорядилась Китон. — Не вставайте.

Шайлер и Блисс подчинились, хотя Блисс мучила жажда, а Шайлер ужасно хотелось в туалет. Но атмосфера в «Чик» была настолько угнетающая, а Китон оказалась настолько лишена чувства юмора, что им не захотелось рисковать.

Час спустя наконец-то прибыла Шантал. Блисс ожидала, что она окажется очередной длинноногой подиумной красоткой, но редактор была невысокой, миниатюрной женщиной с заостренными чертами, со стрижкой «пикси» и в очках с оправой «кошачьи глаза». Одета она была в свободную футболку «АПЦ» с длинным рукавом, мешковатые брюки и удобные (но выпущенные в ограниченном количестве и оттого сокрушительно дорогие) японские туфли на резиновой подошве.

— Привет, девочки, — бросила Шантал и тут же позвала: — Китон! Мой «Поляроид»! Я разве не просила тебя принести его?

Она уселась за стол и быстро пролистала портфолио обеих девушек.

— Да, это я видела. Хорошо. О-о! Недурно. Эта особо не отличается от той, — бормотала Шантал.

Наконец она захлопнула обе папки и велела девушкам подойти к единственной незавешенной стене кабинета, чтобы сделать несколько моментальных снимков. Блисс была первой.

Все шло как обычно, но от вспышки перед лицом Блисс внезапно потеряла сознание.

— О боже! Она, надеюсь, не анорексичка? В смысле — если да,

то ничего страшного, видит бог, это дело обычное. Но тогда я не смогу использовать ее на этой фотосессии, — произнесла Шантал скорее с раздражением, чем с беспокойством, когда Блисс осела на пол.

— Нет-нет, ничего подобного, — отозвалась встревоженная Шайлер и, присев рядом с Блисс, потрогала ее лоб. — Здесь немного жарко.

Блисс испустила странный стон, и ее стали терзать рвотные позывы.

— Нет... Уходи... Нет...

— На натуре будет жарче, — мрачно произнесла Шантал. — Не хватало еще, чтобы она мне тут испортила ковер!

Шайлер сердито взглянула на нее; ее возмутило, что редакторшу, похоже, ковер беспокоил куда больше здоровья Блисс.

— Блисс! Блисс! Что с тобой? — спросила она, пытаясь приподнять подругу.

Блисс моргнула и открыла глаза.

— Шайлер? — хрипло произнесла она.

— Я.

— Мне нужно выйти отсюда, — умоляюще произнесла Блисс.

— Китон выведет вас. Я сообщу Линде, — сказала Шантал и сняла трубку зазвонившего телефона.

Несомненно, как только угроза рвоты пошла на убыль, редактор тут же переключилась на другие вопросы.

Шайлер помогла Блисс выйти из кабинета.

— Держись. Осторожно.

Она нажала кнопку вызова лифта и сердито взглянула на девушку, с любопытством взирающую на них.

— Я отключилась, — сказала Блисс. — Опять.

— Опять?

— Это теперь происходит постоянно.

Блисс поведала Шайлер о преследующих ее кошмарах и о

пугающих случаях, когда она приходила в себя и оказывалось, что она находится в каком-то другом месте и понятия не имеет, как сюда попала.

— Я просто прихожу в себя — и я не там, где была перед этим, а где — и понятия не имею. Наверное, это часть трансформации, — сказала Блосс.

— Да, со мной такое тоже случалось. Не так драматично, как у тебя, но пару недель назад я тоже отключилась. Только доктор Пат сказала, что это было больше похоже на анабиоз.

Пока они спускались в лифте, Шайлер описала Блосс свое состояние.

— Нет, у меня это бывает недолго, и это часть возвращения воспоминаний прошлого, только я не помню ничего, — объяснила Блосс.

Ей явно стало легче, когда она узнала, что не только с ней происходит нечто подобное.

— Думаю, это нужно просто пережить.

— Кингсли говорит, что есть какие-то приемы, позволяющие справиться с этим. Он собирается научить меня.

Лифт опустился в вестибюль, и когда двери отворились, в них шагнул Джек Форс. На лацкане у него был черный бейджик «Кристи-бест» с надписью «10-й этаж».

—О, привет! — несколько смущенно произнес он.

— Погоди, дай я сама угадаю, — улыбнулась Блосс. — Джек Форс, супермодель! Покажешь нам «голубую сталь»? — пошутила девушка, цитируя «Зуландера» [\[6\]](#).

— Тссс! – застенчиво улыбнувшись, произнес Джек. — Это не моя идея. Но им нужны парни для какой-то фотосессии. А Шантал дружит с мамой — и вот я здесь.

— Мы только что видели Шантал, — сказала Блосс.

Поддерживать беседу пришлось ей, поскольку Шайлер оробела и не решалась разговаривать с Джеком.

— Так значит, до встречи на фотосессии, — улыбнулся Джек.

— Да нет, вряд ли, — покачала головой Блисс. — Я отключилась, когда она меня фотографировала, а Шайлер она и снимать не стала. Так что, пожалуй, у нас обеих никаких шансов.

Трудно сказать, кто выглядел более разочарованным, Джек или Шайлер, когда двери лифта закрылись.

ГЛАВА 25

— На первом этаже, за храмом Дендур, среди саркофагов в отделе египетских древностей, лежит браслет в виде змеи, из золота и лазурита. Некогда он принадлежал Хатшепсут. Я хочу, чтобы ты принесла его мне, — сказал Лоуренс.

В руках у него был секундомер. Шайлер с дедушкой находились в его кабинете, одной из многих комнат, открытых с возвращением Лоуренса.

Дедушка уже нанял подрядчиков и архитекторов, чтобы вернуть особняку былое величие, и глухие удары наряду с визгом дрелей со стороны фасада сделались постоянным фоном. Но в кабинете Лоуренса было тихо, словно в гробнице.

Шел третий день ее обучения. Неделю назад Лоуренс пришел в ужас, обнаружив, что Комитет практически не учит молодое поколение вампиров контролировать и использовать собственные силы. Шайлер рассказала, что они занимались лишь тем, что читали книги и медитировали.

— Никто не проходил велокс? — поинтересовался Лоуренс, в изумлении приподняв бровь.

Шайлер покачала головой.

— А что это такое?

— И четыре фактора контроля вы не издали?

Шайлер снова покачала головой.

— Нет.

— Так значит, никто из вас даже понятия не имеет, как противостоять нападению Серебряной крови! — раздраженно бросил Лоуренс.

— Э-э... Нет.

Лоуренса это сильно встревожило. Время шло, прошение Чарльза Форса об удочерении двигалось по бюрократическому лабиринту суда по семейным делам — и кто знает, сколько им еще суждено пробыть вместе? Вампирские уроки начались по всей форме.

— Если ты хочешь знать, как одолеть Серебряную кровь, и выяснить, кто или что повинен в их возвращении, тебе следует сперва научиться использовать свои знания и способности Голубой крови.

Дедушка решил начать с велокса, или проверки скорости.

— Быть быстрым — еще недостаточно, — наставлял Лоуренс. — Ты должна быть настолько быстрой, чтобы оставаться необнаруженной. Настолько быстрой, чтобы тебя не засекали системы сигнализации. Настолько быстрой, чтобы никто не успевал тебя увидеть. Большинство представителей Красной крови считают это «невидимостью». Но это не так. На самом деле никакой невидимости не существует. Просто мы движемся столь быстро, что человеческий глаз не успевает заметить наши передвижения. Как только ты овладеешь искусством велокса, ты сможешь оказаться, где пожелаешь, в мгновение ока. Твари Серебряной крови быстры — это одна из величайших составляющих их силы. И потому ты должна стать быстрее их, если хочешь выжить.

Он объяснил ей, как отыскать браслет в музее «Метрополитен».

Браслет в виде змеи. Золото и лазурит. Первый этаж. Египетские древности. Среди саркофагов.

— Пошла! — скомандовал Лоуренс, пустив секундомер.

Шайлер исчезла.

Прежде чем секундная стрелка прошла одно деление, она возникла снова.

— Уже лучше, — сказал Лоуренс.

Несколько дней назад ей потребовалось две минуты, чтобы выполнить задачу.

Шайлер показала деду браслет. Она вскрыла замок на застекленном стенде так быстро, что сигнализация не успела засечь вмешательство.

Лоуренс на миг позволил себе улыбнуться.

— А теперь верни его на место.

На следующий день Шайлер была в изнеможении после усилий, каких от нее потребовал вчерашний урок, но сумела это скрыть. У нее не было времени на слабость. Она хотела продвигаться вперед, не

беспокая Лоуренса тем, чего ей это стоит. Ей не терпелось изучить принципы анимадверто, или «разумного взгляда».

— Анимадверто — это одна из присущих вампирам способностей, которая обросла легендами и недоразумениями, — рассказывал Лоуренс. — Люди думают, будто мы обладаем беспредельными знаниями, в то время как на самом деле мы располагаем фотографической памятью. Если развить в себе эту способность, ты, подобно мне, сможешь цитировать дословно любое место из любой книги, когда-либо прочитанной тобой. Александрийская библиотека была потеряна для человечества навеки, но, к счастью, я был одним из ненасытных ее читателей. — Лоуренс постучал себя по лбу. — Все это теперь вот здесь.

— А зачем нам нужно все это знать? Как это поможет победить Серебряную кровь? — недоумевала Шайлер.

— Серебряная кровь не ценит ученость, а те, кто не изучает историю, обречены повторять ее ошибки. Мы должны погрузиться в историю и отыскать все их следы, все зацепки, указывающие на их действия. Возможно, тогда кто-нибудь из нас разрешит загадку их продолжающегося существования.

Лоуренс указал на тридцатитомную энциклопедию «Британика».

— Сделай мысленный снимок каждой страницы. Занеси его в каталог своей памяти. С твоей скоростью тебе хватит на это пяти минут. Но я даю тебе час.

Лоуренс вышел из кабинета и закрыл за собою дверь.

Через час он вернулся и обнаружил Шайлер дремлющей на диване.

— Закончила?

— Пятьдесят пять минут назад, — ухмыльнулась Шайлер.

— Хорошо. Дай мне толкование египетского обряда воскрешения.

Шайлер закрыла глаза и медленно, размеренно заговорила, словно бы читая из книги:

— Ритуал подготовки покойников к загробной жизни проводился над изваянием покойного, самой мумией или находящейся в храме статуей бога. Важной частью церемонии было

ритуальное открывание рта, чтобы мумия могла дышать и есть. Ритуал символизировал смерть и воскрешение в соответствии с концепцией мифа об Осирисе, в котором расчлененный...

— Великолепно, — похвалил внуку Лоуренс. — Для своего возраста ты справилась хорошо. Просто очень хорошо. Впечатляет. Я было думал, что из-за смешанной крови вампирские способности могут ослабеть, но вместо этого они усилились.

— Дедушка... — произнесла Шайлер нерешительно, помогая Лоуренсу расставлять тома энциклопедии обратно на полку.

— Что?

— Если вампиры способны на такое... Зачем нам ходить в школу? В смысле — это что, вправду необходимо?

— Конечно, — отозвался Лоуренс. — То, чем мы занимались сейчас, — это лишь механическое запоминание. Школа дает совершенно другие навыки: умение вести себя в обществе, размышлять, правильно держаться среди людей. Не следует противопоставлять себя господствующим тенденциям. Голубая кровь должна осознать свое место в мире, прежде чем пытаться изменить его. Ты можешь помнить наизусть всю энциклопедию, но ум без сердца и способности логически рассуждать... мало есть на свете вещей бесполезнее.

Вскоре Шайлер стала с нетерпением ожидать этих ежедневных занятий. В конце недели Лоуренс ознакомил ее с самым сложным испытанием.

— Ты слыхала про контроль? Про способность контролировать человеческий разум?

— Да, — отозвалась Шайлер. — Присцилла Дюпон говорила, что это одно из самых опасных умений. И чтобы мы даже не пытались воспользоваться им, пока не станем взрослыми.

— Чушь какая. Вам необходимо изучить контроль сейчас, чтобы защищаться от его соблазняющего воздействия. Потому что контроль воздействует и на Голубую кровь. Это пагубная методика Серебряной крови.

Шайлер содрогнулась.

— Потому ты должна научиться контролировать его и

защищаться от него. Сперва нужно опробовать контроль, прежде чем я смогу подготовить тебя к защите, — решил Лоуренс. — Существуют четыре составных элемента контроля. Первый — обычная телепатия. Способность читать мысли. Чтобы прочесть чужие мысли, нужно сосредоточиться на энергии читаемого — и постараться понять ее источник. Разум подобен головоломке; нужно разгадать ее, чтобы увидеть сокрытые тайны.

Он повернулся к двери.

— Андерсон, будьте добры, зайдите к нам.

Седовласый джентльмен вошел в комнату.

— Да?

— Андерсон был обучен сопротивляться контролю. Это необходимый навык для хорошего проводника. Нельзя допустить, чтобы кто-то мог использовать помощника вампира.

На протяжении следующих трех часов Шайлер сидела за одним концом стола, а Андерсон — за другим. Лоуренс быстро показывал Андерсону карту, а Шайлер должна была угадывать, что на ней изображено.

О чем он думает? Шайлер сосредоточилась на его сигнале, но ей не удавалось поймать ничего, кроме помех, плотного серого тумана.

— Королева червей? — спросила Шайлер.

Лоуренс показал ей пиковый туз.

— Десятка трэф?

Бубновая тройка.

И так без конца. Серый туман не развеивался. Шайлер приуныла. После успехов в велоксе и анимадверто она была твердо уверена, что контроль дастся ей так же просто.

Лоуренс отпустил своего проводника, и Шайлер с дедом остались одни.

— Это нелегко, — утешил внучку Лоуренс, перетасовывая карты и складывая их обратно в коробку.

Шайлер кивнула.

— А кажется таким простым, — заметила она, вспомнив, как с

легкостью читала мысли Оливера.

— Он не защищен. Напомни мне потом, чтобы мы обучили и его, если он хочет успешно исполнять роль проводника.

Шайлер кивнула. Попытки овладеть контролем отняли у нее много сил, и внезапно девушку одолела усталость. У нее закружилась голова.

— Шайлер, с тобой все в порядке? — встревожено спросил Лоуренс.

Девушка лишь махнула рукой. Она ни за что не призналась бы в этом дедушке, но иногда после занятий с ним чувствовала такую слабость, что едва держалась на ногах.

ГЛАВА 26

Их встреча в Хранилище была совершенно случайной. Шайлер пришла по заданию Лоуренса прочитать как можно больше книг и была приятно удивлена, обнаружив за одним из столов читального зала Джека.

— О, привет! — Юноша улыбнулся, пригладил волосы и приглашающе указал на место рядом с собой. — Что читаешь? «Процесс»? — спросил он, показывая свой экземпляр.

Шайлер кивнула. Им задали прочитать Кафку. Это был один из томов в ее стопке книг.

— Дурацкая любовная история, правда? — сказал Джек, листая пожелтевшие листы книги.

Шайлер заметила, что книга у него была потрепанная, с загнутыми уголками страниц.

— Любовная история? — Шайлер состроила гримасу. — А разве это не книга о тирании юстиции? Об абсурдной природе бюрократии? В конце концов, мы так и не знаем, за что его судили.

— А я не согласен. И поскольку Кафка не хотел, чтобы книгу публиковали, разве можно теперь сказать, о чем она? — слегка поддразнивающим тоном произнес Джек. — Я вот читал, что она — про его неудавшееся ухаживание и помолвку с Фелицией Бауэр. Значит, эта книга вовсе не про закон, а про человека, потерпевшего неудачу в любви...

— Ох, Джек... — вздохнула Шайлер.

Она подозревала, что юноша ее разыгрывает, но ей нравилась их шутливая беседа. До сих пор было неясно, сумеют ли они когда-либо восстановить дружбу или то, что начало зарождаться между ними и так внезапно оборвалось в прошлом семестре. Но похоже было, что Джек не прочь попытаться. Впрочем, это ничего не значило. Он все равно оставался братом Мими Форс.

— Может, в моей книжке было что-то, чего не было в твоей, — сказал Джек, отодвинув свой экземпляр. — Слушай, дай мне твою. У тебя и обложка лучше.

Шайлер взяла его книгу, пахнущую плесенью. Она отыскала место, на котором остановилась, и продолжила читать.

«Нудное старье», — подумала Мими, спускаясь следом за Кингсли в Хранилище истории, штаб-квартиру Совета старейшин и главную библиотеку Комитета, расположенную под «Кварталом-122», ночным клубом для избранных, куда допускались только голубокровные и их гости.

Кингсли сделался для Мими другом, разделяющим ее склонность к злым выходкам. Инцидент с тем юношей на балконе стал началом их союза. Кингсли воплощал в себе то, что восхищало Мими в вампирах, — жажду использовать силу. Втайне она была согласна с Кингсли, что Комитет чересчур осторожничает, и установленные им строгие правила раздражали ее. Почему бы, собственно, не использовать их силы для господства над людьми? Какой смысл читать мысли другого, если не можешь извлечь из этого материальную или эмоциональную выгоду? Почему нельзя питаться больше чем одним фамильяром зараз? Почему бы не похвалиться своим статусом высшего, вместо того чтобы стараться слиться с миром смертных?

Кингсли попросил Мими пойти с ним в Хранилище: он хотел показать ей что-то интересное и теперь исчез среди полок, отправившись на поиски.

Мими оглядела старинное помещение, похожее на пещеру. Несколько жалких человечешек, бывших проводников, больше не соединенных ни с каким семейством вампиров, усердно трудились в своих кабинках.

Мими уселась за один из больших столов в центре комнаты и нетерпеливо забарабанила пальцами по крышке.

Тут из-за полки с книгами до нее донесся негромкий разговор.

— Здесь нет ничего о любви, Джек, — произнесла девушка. — Возможно, это именно ты несешь абсурд.

— Ты уверена? Присмотрись получше. Может, ты читала ее недостаточно внимательно, — возразил юноша.

Мими скрипнула зубами. Опять эта серая мышка, ван Ален, разговаривает с ее братом! Мими встала, кашлянула и посмотрела поверх низких полок на парочку.

Джек и Шайлер тут же отодвинулись друг от дружки.

— Э-э... ну ладно, пока, — произнесла Шайлер, забрала свои книги и пошла к другому столику, не сообразив, что у нее осталась книга Джека.

— О, привет, — произнес Джек, пытаясь улыбнуться сестре со своего места. — Я и не подозревал, что ты знаешь дорогу сюда.

— Не надо меня недооценивать, Бенджамин Форс. К твоему сведению, я читаю книги запоем, — фыркнула Мими.

«Врунья», — адресовал ей мысленное послание брат.

«Сам ты врун», — парировала Мими.

«Извини», — примирительно ответил Джек.

Лицо Мими смягчилось.

«Ну ладно».

«Я пошел. До встречи дома».

«Пока».

Мими посмотрела ему вслед. Хотя его ласковые мысли оставили след в ее сознании, она не могла сдержать беспокойства. Почему эта Шайлер по-прежнему остается действующим фактором? В этой девчонке было что-то такое, что лишало ее брата душевного равновесия, — Мими это чувствовала. Она чувствовала желание Джека связать себя их узами, но при этом он словно убедил себя влюбиться против собственной воли. Но почему? Такого никогда прежде не бывало. В каждом цикле они с Джеком заново подтверждали свои узы без всяких осложнений.

На мгновение самодовольная самоуверенность исчезла с ее лица, и в этот миг Мими выглядела словно потерявшаяся, испуганная маленькая девочка. А вдруг он ее бросит? Вдруг не пожелает возобновить узы, когда подойдет срок? Что тогда с ними будет?

Мими вспомнила об Аллегре ван Ален, лежащей на больничной кровати, все равно, что мертвой для мира, — и содрогнулась.

Она не допустит, чтобы подобное случилось с ней или Джеком.

— У тебя такой вид, словно ты увидела привидение, — сказал Кингсли, положив перед Мими толстенный том.

Мими продемонстрировала ему свою самую обезоруживающую улыбку.

— Ах, если бы!

Она посмотрела на книгу в кожаном переплете.

— Что это?

— То, во что нам не полагается заглядывать. Старый учебник запрещенных заклинаний. Ты слышала про эту историю с Кроатаном, ну, насчет Серебряной крови? — поинтересовался Кингсли.

— Ну да, — настороженно отозвалась Мими. — Но вроде как считается, что их не существует.

— Верно, — самодовольно ухмыльнулся Кингсли. — Лишь потому, что они больше не так покорны.

— Что ты имеешь в виду?

— Серебряная кровь были прежде рабами Голубой крови. Когда нас обрекли проводить бессмертную жизнь на земле, тех, кто все еще следовал за Люцифером, на время подчинили Михаилу и Габриэлле. Мы контролировали их, но они восстали против нас и перестали выполнять наши повеления. Они охотились на нас, мы на них, и война бушевала на протяжении столетий. Теперь они, предположительно, ушли. Но существует способ вернуть их обратно.

— Это в каком смысле? — спросила Мими, подумав, что Кингсли чересчур развязно обращается с такими вещами.

В конце концов, Серебряная кровь — не шутка. Большинство из голубокровных не могут даже говорить об этом.

— Призвать кого-нибудь из них из тьмы. Ну, ты знаешь. Заставить его делать все, что ты пожелаешь, — пояснил Кингсли.

— Что-то я не уверена, что мне нравится слушать об этом, — вздрогнув, сказала Мими. — Для меня это слишком серьезно.

— Да брось! Я думаю, это будет прикольно, — заявил Кингсли.

Словом «прикольно» он называл все свои выходки. Судя по всему, темное и опасное старинное заклинание для него не отличалось от того, чтобы проехаться на «феррари» на скорости двести пятьдесят миль в час: возможно, не самая лучшая идея, но что-то такое, что стоит сделать хотя бы ради того, чтоб заявлять потом,

что ты это смог.

— Не-а.

Мими покачала головой. Но если даже это ее и не интересует, возможно, в книге найдется какое-нибудь заклинание, которое окажется полезным.

«*Materia acerbus*».

Темная материя.

Мими перевернула первую страницу и начала читать.

ГЛАВА 27

Аллегра ван Ален очнулась. Она сидела на кровати, и ее прекрасные белокурые волосы ниспадали на плечи и больничный халат.

Ее ясные голубые глаза были широко распахнуты.

— Берегись, Шайлер. Берегись, — произнесла она негромким безумным голосом.

Шайлер вздрогнула и проснулась. Оказалось, что она находится в палате своей матери, в Колумбийской пресвитерианской больнице — только она совершенно не понимала, как попала сюда. Стояла глубокая ночь, и последнее, что запечатлелось в памяти Шайлер, — это как она засыпала, читая книгу. Она не помнила, чтобы выходила из своей спальни, садилась на автобус до Сто шестьдесят восьмой улицы и добиралась до больницы. Должно быть, у нее случился приступ лунатизма или даже провал в памяти — в точности как рассказывала Блисс.

Шайлер посмотрела на мать.

Аллегра спала, укрытая одеялом, безмолвная и безмятежная, как всегда. Может, это был просто сон? Но он казался таким реальным... Ее мать пришла в себя и говорила с ней. Она велела ей побережься.

Бережься чего?

— Мама, — произнесла Шайлер, погладив Аллегру по холодной щеке.

Боль потери никогда не покидала ее до конца. Она поцеловала мать в лоб и вышла из палаты, выключив свет.

Следующим вечером Лоуренс пригласил Шайлер поужинать с ним в его старом клубе. Клуб искателей приключений был элитным обществом, созданным представителями Голубой крови в начале восемнадцатого столетия в качестве места встречи для колесящих по всему свету путешественников-единомышленников, стремящихся все задокументировать и поделиться своими изысканиями и теориями касательно природных и географических феноменов. Располагался клуб в особняке на Пятой авеню, напротив Клуба жителей Нью-

Йорка и в нескольких минутах ходьбы от музея «Метрополитен» — двух объединений Голубой крови, которые в последние годы стали вести более открытую политику и принимать в свои ряды людей Красной крови.

Но Клуб любителей приключений по-прежнему оставался оплотом вампиров, хотя бы потому, что люди, похоже, больше интересовались социальной тематикой, чем вопросами, касающимися природы, и принадлежать к скучному старому кругу членов этого клуба не было престижно.

Обеденный зал заполнили представители старых семейств: здесь присутствовали Карондоле, Лорилларды и Селигмэны, обладающие скорее прославленной историей, чем сегодняшним состоянием.

Лоуренс ответил на приветствие метрдотеля и прошел через зал; ему пришлось пожать немало рук и переговорить со многими присутствующими, прежде чем они с Шайлер смогли сесть на свое место.

Меню в Клубе любителей приключений не менялось с девятнадцатого века: палтус-меньер, бифштекс «Диана», жареный кролик.

Шайлер заказала рыбу, а Лоуренс выбрал бифштекс.

Еда прибыла на тарелках, накрытых серебряными крышками.

— Вуаля, — произнес официант, одновременно снимая обе крышки. — Бон аппетит.

Разрезая рыбу, Шайлер рассказала Лоуренсу о том, что произошло накануне ночью.

— У меня случился провал в памяти... Я проснулась, и оказалось, что я в больнице, в маминой палате, — призналась она.

— Провал в памяти? Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Лоуренс, жуя бифштекс.

— Ну, когда ты на время отключаешься, а потом приходишь в себя где-то в другом месте и не знаешь, как ты сюда попал.

Лоуренс отложил вилку.

— Я знаком с ретроспекциями памяти. Но вампиры, переживая заново свои воспоминания, всегда контролируют ситуацию.

— Что, правда? — удивилась Шайлер.

Лоуренс кивнул.

— То, что ты описываешь, в высшей степени необычно.

— Необычно?

Шайлер замешкалась в нерешительности. Но с Блисс это происходило постоянно, так что вряд ли это такая уж редкость. Она пересказала дедушке то, что поведала ей подруга.

Лоуренс обдумал новую информацию.

— Возможно, у нынешнего поколения вампиров в генетике появилось нечто новое, приводящее к таким последствиям. Думаю, особо беспокоиться не стоит, но если это случится снова, дай мне знать. — Он вздохнул и отложил вилку. — А теперь я должен тебе кое-что сообщить.

Шайлер собралась с духом, чтобы встретить известие, которого она страшилась со времени возвращения дедушки.

— Судья согласился рассмотреть прошение Чарльза о твоём удочерении. Слушание будет проходить через месяц.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Приют Святой Дафны для душевнобольных

Имя: Маргарет Стэнфорд

Возраст: 16 лет _____

Поступила: 5 апреля 1869 года

ПРИЧИНЫ:

Выяснить возможные причины безумия, признаваемые пациентом

МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ:

Религиозное возбуждение

Любовная история

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ:

Мастурбация

Несчастный случай или травма

Эпилепсия

Попытка самоубийства. За неделю до поступления в клинику член семьи обнаружил пациентку с разрезанными запястьями.

Галлюцинации, бред

ИСТОРИЯ СЕМЬИ:

Ни у кого из членов семьи признаков душевного расстройства или истерии не наблюдается. Единственный ребенок обоих родителей жив.

ПРЕДЫСТОРИЯ:

Эпилептические припадки. Пациентка жалуется на головную боль и кошмары. Случаются провалы в памяти. Пациентка также не помнит о некоторых действиях. Любовный роман с неподходящим молодым человеком привел к истерии. Однако пациентка утверждает, что не беременна.

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ:

Отрывок из беседы с пациенткой:

«Оно кажется таким реальным. Я не могу избавиться от него. Я просыпаюсь и чувствую его в себе. Оно приходит, оно говорит со мною в моих снах. Оно знает мое имя. Оно говорит, что оно — часть меня. Больше я ничего не помню. Помогите мне, доктор, помогите! Мне нужно убежать, убежать от него».

ГЛАВА 28

Темой фотосессии было «Талита Гетти в Марракеше». Тонкие льняные джеллабы, изукрашенные драгоценностями платья в восточном стиле — во множестве и время от времени — тюрбаны. Ах да, и самые экономные бикини. Но ассистент, отвечающий за поездки, что-то недопонял и взял им билеты на Монсеррат, так что роль анклава в Северной Африке пришлось исполнить Карибскому острову.

Впрочем, никто, похоже, не был против — пляжи любили все.

Блисс позвонили из «Моделей Фарнсворт» в четверг, а в пятницу вечером она уже сидела в самолете и к закату добралась до берега моря. Шайлер пригласили тоже, после того как первые выбранные «Чик» модели, две русские красавицы, обнаружили, что у них истек срок действия виз и они не смогут вернуться в страну.

Директор раздела моды «Чик», Пэтрис Уилкокс, суровая деловая женщина, с ног до головы была одета в черное даже по тропической жаре. Она приветствовала моделей и всю команду улыбкой, тонкой, как она сама.

— Это вам не каникулы. Это работа. Завтра в восемь утра я жду всех на съемочной площадке.

Однако же, невзирая на суровые предостережения Пэтрис, отрицать это было бессмысленно — фотосессия все-таки была каникулами. Пока она читала свои нотации о пунктуальности, Джонас Джоунс, знаменитый и неисправимый фотограф, один из голубокровных, подмигивал у нее из-за спины.

— Через пять минут в бар, за «Маргаритой», — произнес он одними губами.

К полуночи вся команда, не считая директора раздела моды, но включая двух помощников Джонаса, привлекательных парней из Род-Айлендской школы дизайна, компании моделей — среди которой не было ни одной старше восемнадцати — и Шайлер с Блисс, уже сидела в баре на самом берегу.

Блисс с Шайлер произвели большое впечатление на присутствующих в компании представителей Красной крови своей

способностью перепить всех. Ну а как же! Вампирские гены!

Шайлер взглянула на темный пляж; над берегом сияла луна, и тихо шуршала набегающая волна. Это было великолепно. Девушка прибыла рано, ожидая в глубине души, что здесь ее встретит Джек Форс. Но среди парней-моделей его не было, и Шайлер ощутила глубокое разочарование. Но стоило ей пожалеть, что его здесь нет, как кто-то легонько подтолкнул ее локтем, и оказалось, что на высоком табурете рядом с ней сидит Джек.

— Что пьешь? — поинтересовался он. — Надеюсь, ничего слишком нелепого, — добавил юноша, как будто их разговор в Хранилище состоялся лишь вчера.

— Ужасную бурду на самом деле. Что-то вроде кокосового рома с апельсиновым соком, но не пина колада ^[7]. Попробуешь? — предложила она, протягивая ему стакан.

Джек глотнул и скривился.

— Жуть какая.

— Я предупреждала!

— Мне тоже один, пожалуйста, — обратился Джек к бармену.

— Да ты храбрец! — бросила Шайлер, отсалютовав ему бокалом.

Джек размешал свой напиток.

— Как там Лоуренс?

— Хорошо.

Интересно, а Джек знает, что его отец хочет удочерить ее? Но поднимать такую щекотливую тему Шайлер не хотелось.

— Ты до сих пор веришь, что они вернулись? — спросил Джек, имея в виду Серебряную кровь.

— Верю, — просто ответила Шайлер. — Иначе никак не объяснить того, что произошло с Диланом и с Корделией.

Джек устремил взгляд на свой бокал и встряхнул его так, что застучали кубики льда.

— Комитет в это не верит. Кризис в Риме удалось преодолеть, Люцифер был повергнут самим Михаилом. Они никак не могли

вернуться.

— Я знаю. — Девушка посмотрела на остатки своего коктейля.
— Но я думаю, что Комитет ошибается.

Джек взглянул на нее с таким видом, словно собрался что-то сказать, но в этот момент с другой стороны бара, где шла шумная застольная игра, донесся хриплый голос:

— Шайлер! Джек! Нам нужно еще два весла для «Капитана викингов»! Идите сюда!

На следующий день вся команда отправилась в укромный уголок, расположенный в изолированной части острова. Персонал установил шатры, чтобы укрывать модели от жары. Блисс появилась из своей кабинки в бикини расцветки зебры, с завязками, расшитыми раковинами каури, в прозрачном шелковом платье в восточном стиле и шлепанцах, изукрашенных драгоценными камнями.

— А где же попугаи? — спросил из-за камеры Джонас.

Согласно замыслу, для снимка Блисс полагалось держать на руках двух больших ярко-алых макао, таких, какие были у Талиты.

Дрессировщик выпустил птиц, но те совершенно не желали выполнять его команды. Один взгромоздился Блисс на голову, а второй принялся летать над ней и пронзительно орать.

В конце концов, дрессировщику все-таки удалось освободить голову девушки от птичьих когтей, и Джонас решил в качестве компромисса сфотографировать Блисс под деревом, рядом с птицами.

— Слава богу, отделались! — проворчала Блисс, добравшись через высокую траву в безопасное прибежище — шатер, где работали визажисты.

Шайлер вызвали следующей. На ней был черный купальник «Гуччи», условно говоря, сплошной — две полосы ткани, сходящиеся внизу в крохотную букву V. Стилист прикрепил ткань к ее груди прозрачной лентой, но Шайлер все равно не могла отделаться от ощущения, что она слишком уж голая.

— Я хочу получить что-нибудь в духе «Голубой лагуны», — объяснил Джонас. — Мне нужно что-то знойное. С потаенным огнем. Сексуальное. Но невинное.

Шайлер осторожно устроилась в холодном озерце под

водопадом.

— Готова? — спросил ее Джек Форс с другого берега озерца.

Девушка кивнула. Она знала, что они будут партнерами по съемкам, но при виде его подтянутого, атлетического тела в купальных шортах «Вилебрекуин» с заниженной талией все же покраснела.

А тут еще Джонас велел им встать поближе друг к другу.

— Вы что, не слышите? Это «Голубая лагуна»! Вы без ума друг от друга! Постарайтесь это продемонстрировать! Джек, положи руку ей на бедро! Шайлер, прижмись к нему и откинься назад! Вот так! Так уже лучше!

— Извини, — произнес Джек, привлекая Шайлер к себе.

— Что поделать, такая у нас тяжелая работа, — отозвалась Шайлер, стараясь не показать, как на нее действует его присутствие.

Раздался щелчок фотоаппарата.

— Следующий! — завопил Джонас.

Тем вечером, когда Джонас повел всю команду ужинать в ресторан под открытым небом, Блисс оказалась за столиком рядом с Морганом, весьма недурным собой помощником фотографа. Морган все выходные напропалую ухлестывал за ней. Ему было девятнадцать, он учился на втором курсе Род-Айлендской школы дизайна и располагал неисчерпаемым запасом неприличных шуточек, неизбежно заставляющих Блисс хихикать. Он раз за разом подливал ей спиртное, не понимая, что на Блисс алкоголь не действует вообще.

Блисс откинулась на спинку плетеного кресла и изящно пристроила ноги Моргану на колени. После долгих месяцев нью-йоркской зимы здесь она почувствовала себя свободной; прохладный океанский бриз теребил ее волосы, родители не стояли над душой, а лучше всего было то, что с момента прилета на остров ее ни разу не посетили кошмары.

— Пойдем прогуляемся? — предложил Морган.

Блисс кивнула. Идея прогулки по берегу выглядела весьма подозрительно. Это, часом, не приличный способ сказать «пойдем перепихнемся»?

Они пошли вдоль берега, держась за руки; Блисс шагала по полосе прибоя, так что волны накатывались ей на ноги. Вода приятно холодила кожу.

Огни отеля делались все более далекими и тусклыми.

— Морган — девчоночье имя, — решила поддразнить спутника Блисс.

— Да ну? — переспросил тот, сгреб ее в охапку и опустил наземь.

Блисс сделала вид, будто сопротивляется, когда парень прижал ее руки к земле.

— Ты от меня не уйдешь! — заявил Морган.

— Правда?

Парень принялся целовать ее, и Блисс поцеловала его в ответ. Она подумала, что это совсем не то, что целоваться с Диланом или с Кингсли. Это был человек. Красная кровь. Блисс чувствовала, как сердце колотится у него в груди, чувствовала его насыщенный запах, запах человека. И внезапно она осознала, что собирается сделать.

Морган стянул с себя рубашку и отшвырнул в сторону. Блисс помогла ему расстегнуть ее блузку. Когда он запустил руку под лифчик от купальника и развязал завязки, по телу девушки пробежала дрожь. Он действовал так быстро... но, впрочем, и она тоже.

Блисс перевернула его и оседлала, упершись коленями в песок по сторонам от его бедер.

— Недурно, — заметил Морган, даже сейчас сохранявший самоуверенность «золотого мальчика», восхищаясь сидящей верхом Блисс, полунагой, залитой лунным сиянием.

— Ты так думаешь? — с напускной скромностью поинтересовалась девушка.

Потом она опустила голову и принялась целовать парня, вдоль темной полосы на торсе, поднимаясь выше, к груди, а потом к шее, к теплему местечку под подбородком. Она медленно провела по его шее языком.

Морган вздохнул и сильнее прижал ее голову к себе.

И тогда Блисс вонзила в него клыки и принялась питаться...

ГЛАВА 29

Комитет утверждал, что для того, чтобы узнать о своих прошлых жизнях, достаточно сесть в кресло, закрыть глаза и погрузиться в медитацию, позволив разуму блуждать по бесконечным коридорам памяти.

В своей темной спальне, где можно было уединиться, Мими удобно устроилась на диване «принцесса», надела на глаза меховую маску и постаралась сосредоточиться.

Видения были отчетливыми — просто яснее не бывает. Каждая вариация ее прошлого демонстрировала одно и то же: они с Джеком вместе, счастливые, связанные узами, влюбленные друг в друга. Мими проанализировала историю их недавнего прошлого, Плимут и Ньюпорт, но ни время, ни место не дали ей ни малейшего ключа к разгадке.

Как Мими ни старалась, она не могла найти причину его отдаления, его сомнений, его нерешительности. Или все-таки могла?

Она вспомнила лицо Джека на балу Четырех сотен и испытала потрясение. В его взгляде сквозило абсолютное, самозабвенное обожание. Тогда она предпочла отмахнуться от этого, сочтя происходящее мимолетным увлечением. Или даже вообще простым любопытством. И это было глупостью с ее стороны. Она допустила, чтобы гордость затмила ей ясность суждений. Она слишком долго от всего отмахивалась. Ответ все это время лежал на виду.

Шайлер ван Ален.

Эта маленькая полукровка. Или, точнее говоря, Голубая кровь без прошлого. Новый дух. Аномалия их вселенной. Тот самый неизвестный фактор, который сбил Джека с толку.

Как она могла не замечать этого раньше?

Шайлер никогда прежде не существовало в их мире — до нынешнего момента. Она появилась лишь сейчас, в этом цикле. И лишь в этом цикле узы Джека и Мими оказались под угрозой.

Его влекло к Шайлер — как некогда влекло к Габриэлле. Мими раздраженно сорвала с глаз маску и швырнула в другой конец

комнаты, чуть не попав в своего чау-чау Поки. Тот возмущенно взвизгнул.

Габриэлла. Вечно эта Габриэлла! Это было еще даже до падения. Габриэлла, Добродетельная, посланец, белый архангел, принесший весть о спасении. Мими с Джеком были ангелами преисподней, призванными нести тьму и расплату, дабы напоминать людям об их смертности. И все же Джека, Аббадона, всегда влекло к свету.

«И это про меня говорят, что я норовлю лезть наверх по социальной лестнице?» — возмущенно подумала Мими.

Мими вспомнила, что Джек на протяжении столетий был недоволен выпавшим ему жребием, что его стеснял его титул и должность — ангел разрушения. Мими слишком хорошо знала своего брата и была уверена, что он никогда не побоится взять на себя ответственность. Но ей хотелось бы, чтобы Джек принял мир таким, каков он есть, а не стремился к чему-то большему. Именно из-за этого изначально они и оказались втянуты в неприятности. Они последовали за Люцифером во время его восхождения; Джек думал, что если он засияет, как столь любимое Габриэлой солнце, то сумеет завоевать ее руку. Но Габриэлла отвергла его, и даже тогда, когда на земле она оставила Михаила, сердце ее обратилось к какому-то человеку, а не к Аббадону Темному.

Между близняшками Форс секретов не существовало. Мими научилась жить, зная, что лицо Габриэлы являлось Джеку в снах на протяжении тысячи лет. Но теперь влечение переместилось с матери на дочь, и этого Мими уже не могла стерпеть.

Она поняла, что ей нужно делать. Ее долг — спасти их узы, спасти их самих.

Уничтожить Шайлер ван Ален.

ГЛАВА 30

Стук в дверь был таким настойчивым, что тонкие ротанговые стены расположенной на берегу гостиницы затряслись. Этот стук нарушил рассветную тишину. Было почти пять утра.

— Шайлер! Шайлер! Проснись!

Шайлер кое-как слезла с постели и со скрипом приоткрыла дверь. В прихожей стояла Блисс, чем-то ужасно перепуганная. На девушке все еще был вчерашний наряд, а растрепанные волосы торчали в разные стороны.

Шайлер сняла цепочку и распахнула дверь.

— Чего?

— О господи, Шайлер, помоги мне, умоляю! Я влипла по уши! Я боюсь, он умер! — выпалила Блисс.

Девушку трясло, и она никак не могла остановиться.

Шайлер мгновенно проснулась.

— Умер? Кто умер?

— Морган... ассистент... я... пойдем скорее!

Пока Шайлер бежала рядом с ней по берегу, Блисс рассказала ей всю историю.

— Я... я выполнила церемонию Оскулор. Священное целование. Даже не знаю — просто у меня было такое ощущение, что так надо. Я хотела поскорее покончить с этим, понимаешь? А то среди принятых в этом году я осталась единственная, кто этого еще не делал!.. И это было здорово, просто обалденно, и его, кажется, тоже здорово пробрало, но потом... даже не знаю, наверное, я зашла слишком далеко. Ой, блин! Шайлер, если Комитет об этом узнает, у меня будут кошмарные неприятности!..

Блисс привела Шайлер туда, где они устроились ночью с Морганом, в уединенный уголок, под пальмой, за песчаным холмом.

Парень лежал ничком на песке, и из двух маленьких дырочек на шее до сих пор сочилась кровь.

— Он не дышит, — со страхом произнесла Блисс. — Наверное, я зашла слишком далеко.

Шайлер присела и проверила пульс.

— Пульса нет.

— О господи, они меня уничтожат! Такого же еще не бывало, чтобы человека убили в процессе церемонии! Никогда не бывало!

— Тише, дай подумать... Джек. Нам нужно найти Джека, — решила Шайлер.

— Джека? Зачем?

— Затем, что он уже это делал. Может, Морган и не мертв. Может, такое случается с Красной кровью после ритуала. Может, Джек знает что-нибудь такое, чего не знаем мы.

Блисс едва успела постучаться к нему, а Джек уже стоял на пороге, полностью одетый и совершенно проснувшийся. Шайлер поразила его скорости. Да, велокс — это как раз для него. Самой Шайлер и в голову не пришло использовать вампирскую скорость для этих целей — она до сих пор была в пижаме. Джек выслушал рассказ Блисс и через считанные секунды уже был рядом с парнем. Он опустился на песок и проверил пульс Моргана, прижав пальцы к его шее.

— Пульс есть. Вот здесь слышно. Очень слабый, но есть.

— Ох, слава богу! — воскликнула девушка и с облегчением опустилась на песок.

— Так с ним все будет в порядке? — спросила Шайлер.

— Да, все будет в порядке, — ответил Джек. — Возможно, он не вспомнит о том, что произошло, но, когда очнется, он будет искать тебя. Его будет тянуть к тебе, потому что ты отметила его, сделала своим.

— Почему?

— Потому, что священное целование создает узы. Оно означает, что он теперь твой. Никакой другой вампир не сможет отнять его у тебя. Когда ты его взяла, твоя кровь проникла в его жилы, и теперь его кровь будет ядом для любого другого представителя Голубой крови.

Блисс с Шайлер обдумали новую информацию.

— Так он теперь вроде как мой парень? — спросила Блисс.

Она не была уверена, что ей действительно этого хочется.

— Если ты этого желаешь, — согласился Джек. — Видишь ли, это дело не пустяковое. Оно кое-что означает. Для обеих сторон.

Блисс покраснела.

—Я...

— Ничего страшного, — сказал Джек. Он поднял Моргана. — Только давайте отнесем его к нему в комнату. Возможно, наутро он будет считать, что у него просто особо тяжкое похмелье.

— Спасибо, Джек, — сказала Шайлер, когда и Морган, и Блисс были благополучно размещены по комнатам.

Она легко коснулась руки юноши, желая намекнуть ему, как много значат для нее его действия.

Джек улыбнулся; его зеленые глаза сияли в полутьме. Шайлер подумалось, что она никогда еще не видела, чтобы кто-то был настолько спокоен в напряженных обстоятельствах. Джек был фактором стабильности и вел себя как прирожденный лидер; он успокоил встревоженную Блисс и с почтением позаботился о Моргане. Юноша накрыл руку Шайлер своей.

— К твоим услугам. И скажи Блисс — пусть не переживает. Все мы ошибаемся.

Кожа юноши под ее рукой была теплой и гладкой, и Шайлер почудилось, что они могут стоять так вечно, застыв в дверном проеме ее комнаты. Но потом Джек отпустил ее руку, хотя ей этого не хотелось.

— Ну... спокойной ночи, — пробормотал Джек, кивнув в сторону рассветной зари, постепенно пробивающейся сквозь облака.

Он зашагал прочь, тихо ступая по деревянному полу.

— Спокойной ночи, — прошептала Шайлер. — Приятных сновидений?

— А то! — откликнулся Джек.

Шайлер тихонько рассмеялась и открыла дверь в свою комнату.

Ее последние слова не предназначались Джеку, но от вампира с его сверхчувствительным слухом трудно что-то утаить.

Тем же утром, но позднее Шайлер с Блисс вместе добрались на такси в аэропорт. Они должны были улететь рейсом в восемь, и после ночного переполоха им удалось поспать всего по паре часов.

— Ты как, в порядке? — поинтересовалась Шайлер.

— О господи, мне нужно закурить, — сказала Блисс, роясь в сумочке. Она вытащила сигарету и закурила, одновременно с этим опустив стекло. — Хочешь?

Шайлер покачала головой.

— Даже не знаю, — призналась Блисс. — Пожалуй, отчасти я жалею, что не подождала. Просто у меня было такое ощущение, что это надо сделать. Ну, понимаешь? Потому что Мими все время об этом говорит — и остальные девчонки только и делают, что хвастают своими фамильярами. А я себя чувствовала полной дурой... ну, даже не знаю... вроде как девственницей.

— Ну и на что это похоже? — спросила Шайлер.

— Честно?

— Да.

— Это потрясающе, Шайлер. Страшно и прекрасно. Ты словно поглощаешь его душу. Я ощутила на вкус его... его сущность. А потом я почувствовала себя обалденно. Полный кайф. Теперь я понимаю, зачем это делают, — призналась Блисс.

Такси резко развернулось, и перед девушками открылся вид на гладь безмятежного Карибского моря. Зрелище было эффектное, но обе они радовались, что возвращаются на грязные, серые улицы Нью-Йорка.

— Я еще не делала этого, — созналась Шайлер, глубоко вздохнув.

— Сделаешь, — сказала Блисс, стряхивая пепел в окно. — Только послушай мой совет: когда будешь брать фамильяра, позаботься, чтобы он что-то для тебя означал. Теперь меня тянет к Моргану, а я этого не хочу. Я его вообще практически не знаю.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Приют Святой Дафны для душевнобольных

Имя: Маргарет Стэнфорд

Возраст: 16 лет

Поступила: 5 апреля 1869 года

ПРЕДЫСТОРИЯ:

30 апреля 1869 года было рекомендовано лечение изоляцией. Улучшений не произошло. 23 мая 1869 года лечение изоляцией отменено. Навязчивые идеи, галлюцинации, кошмары сохраняются. Суицидальные стремления стали более выраженными. Пациентка буйная, представляет опасность для себя и окружающих. Рекомендован перевод в мягкую палату.

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ:

Через неделю после перевода в состоянии пациентки появились подвижки. Пациентка была оставлена в клинике на несколько недель, в течение которых не наблюдалось ни малейших признаков галлюцинаций, истерии или помешательства. Если прогресс будет закреплён, рекомендуется через три месяца отпустить пациентку к семье.

ГЛАВА 31

Каждый год ко Дню святого Валентина студенческий совет собирал деньги на покупку роз для вручения ученикам. Розы были четырех цветов: белые, желтые, красные и розовые, и женская часть школы без конца обсуждала и анализировала тонкости значения оттенков. Мими всегда понимала это так: белые — любовь, желтые — дружба, красные — страсть, розовые — тайное обожание. Каждый год в День святого Валентина Мими получала самые большие и замысловатые букеты. Как-то раз один из ее людей-фамильяров прислал ей пять дюжин красных роз, дабы заявить о своей бессмертной, самозабвенной страсти.

Мими устроилась на своем месте в химической лаборатории — первым уроком сегодня была химия — и стала ждать цветочного цунами.

Появились посыльные от студенческого комитета с полными ведрами цветов.

— С праздником святого Валентина! — весело поздравили они раздраженного происходящим мистера Коргана.

— Проходите-проходите, покончим с этим поскорее, — недовольно буркнул он.

Многие девушки получили по несколько небольших букетов: в основном это были желтые розы. Это означало, что девушки потратили деньги друг на друга. Так они помогали соученицам не переживать из-за того, что в этот праздник кто-то из них остался без цветов.

Шайлер, сидевшая на своем обычном месте — они успели совершить полный оборот по лаборатории, и она опять вернулась за один стол с Оливером, — получила красивый букет желтых роз. Оливер присылал ей такой же в прошлом году, и можно не сомневаться, что приложенная к букету карточка подписана его аккуратным почерком.

— Спасибо, Олли.

Девушка улыбнулась и вдохнула аромат свежесрезанных цветов.

— А это вам, мистер Хазард-Перри, — сказала посыльная-первокурсница, вручая ему букет розовых роз.

Оливер покраснел.

— Розовые?

— Тайное обожание! — поддразнила его Шайлер.

Она решила на этот раз послать ему розовые розы, потому что они всегда обменивались желтыми и это сделалось уже чересчур предсказуемым. Почему бы не подбавить пикантности?

— Ха! Так и знал, что это от тебя, Скай, — произнес Оливер, снимая с букета карточку. Он прочитал вслух: — «Оливер, будешь моим тайным возлюбленным? С любовью, Скай», — потом спрятал карточку обратно в конверт и на мгновение отвел взгляд.

Шайлер захотелось заглянуть в его сознание. Она успешно освоила первую составную часть контроля, телепатию, но Оливер тоже занимался и вскоре овладел противоядием против телепатии, оккульдо, — так называлась способность закрывать разум от внешнего воздействия, — и Шайлер больше не могла читать его мысли.

Блисс, сидевшая с Кингсли, получила два букета красных роз одинакового размера.

— О, я вижу, у меня есть соперник! — протянул Кингсли.

— Да так, пустяки. Это от парня, с которым мы едва знакомы, — пробормотала Блисс.

Само собой, второй букет был от Моргана, который все время слал ей цветы из своего общежития на Род-Айленде.

«Всегда думаю о тебе. С любовью, М.»

, — гласила прикрепленная к букету записка.

Кингсли вручил свой букет лично.

— Жаль, что не зеленые — они бы подошли тебе больше. Этот цвет не идет к твоим волосам.

— Ничего страшного, — пробормотала Блисс.

Она до сих пор не могла понять, как же относится к Кингсли.

Проводя время с ним, она казнила себя за то, что предает память Дилана.

Раздав все букеты среднего размера, посыльные занялись калибром побольше — не то три, не то четыре дюжины мегабукетов и роз самого насыщенного алого цвета. И похоже, на всех красовалось имя Мими Форс. Вскоре окрестности ее стола начали напоминать гостиную в день похорон.

— Ну, вроде все, — буркнул мистер Корган.

— Погодите, еще один остался, — возразил посыльный, заноса самый дорогой букет из всех: из двух сотен роз трехфутовой высоты — белых, нежнейшего оттенка слоновой кости. Девушки попадали в обморок от восторга. Парни практически никогда не покупали белых роз. Это было слишком серьезным обязательством. Но этот букет просто-таки трубил во всеуслышание о покоренном сердце.

Посыльный поставил букет перед Шайлер. Мими приподняла бровь. Лотерею роз всегда выигрывала она. Что все это значит?

— Это что, мне? — переспросила Шайлер, потрясенная размерами букета.

Она сняла карточку, прикрепленную к самой высокой розе.

«Шайлер, которая не любит любовных историй».

Подписи не было.

Мими свирепо взглянула на свои красные букеты; цветы словно бы съежились под ее взглядом. Ей не надо было долго гадать, кто прислал ослепительно белые розы этой маленькой твари. Белое — свет. Белое — любовь. Белое — навеки.

Пора браться за осуществление ее плана.

Проходя мимо стола Шайлер, Мими притворилась, будто споткнулась, и, уцепившись за спинку стула Шайлер, прихватила и прядь ее темных волос.

Шайлер вскрикнула от боли.

— Осторожно, — хмыкнула Мими, надежно спрятав прядь в руке.

Теперь скоро!..

ГЛАВА 32

Освоив первую составляющую контроля, Шайлер перешла ко второй, внушению. Второй принцип заключался в способности насаждать семена своих идей в чужой разум.

— Именно так мы побуждаем Красную кровь совершенствоваться в мастерстве, искусстве и красоте, — поведал ей дедушка. — Мы используем внушение. Это полезный инструмент. Большинству людей не нравится думать, что их идеи на самом деле принадлежат не им, потому мы внушаем им нужные мысли. Если бы мы этого не делали, у людей никогда бы не было ни «Нового курса», ни социального обеспечения, ни даже Линкольн-центра.

Освоить внушение оказалось еще сложнее, чем научиться телепатии. Лоуренс объяснил, что делать это нужно очень осторожно, чтобы у людей не было ощущения, что ими манипулируют.

—Рекламу, действующую на подсознание, изобрел один из нас, конечно же, но когда краснокровные раскусили эту хитрость, то тут же запретили ее использовать. А жаль.

Накануне вечером Лоуренс предложил девушке внушить что-нибудь Андерсону. Несколько часов Шайлер пыталась не только поймать сигнал своей мишени, но и что-то послать ему, затем Андерсон внезапно встал, сказал, что ему хочется выпить чаю, и поинтересовался, не сделать ли чашечку еще кому-нибудь.

Когда он вышел, Лоуренс взглянул на внучку.

— Это была ты?

Шайлер кивнула. У нее ушли едва ли не все силы, чтобы передать одну простую просьбу.

— Хорошо. Завтра мы перейдем от дневной гастрономии к более важным делам.

На следующий день в школе усилия, затраченные на внушение, взыскали с Шайлер свою дань. Когда она после третьего урока спускалась по задней лестнице, у нее внезапно закружилась голова. Девушка потеряла сознание и рухнула бы с лестницы, если бы ее не подхватил Джек Форс.

— Держись! — сказал он. — Что с тобой такое?

Шайлер открыла глаза. Джек встревожено смотрел на нее.

— Я оступилась... потеряла сознание.

Девушки на лестничной площадке обменялись понимающими улыбками. Обмороки были в школе обычным делом — и красноречивым признаком анорексии. Конечно же, Шайлер ван Ален страдает расстройством пищевода. Слишком уж эта мерзавка тощая!

— Давай я отвезу тебя домой, — предложил Джек, помогая ей встать.

— Нет... Оливер... мой проводник... он может... это пустяки, ничего страшного, я просто слишком много работала над контролем, — с трудом произнесла Шайлер.

— По-моему, Оливер сейчас читает доклад на уроке английского, — сказал Джек. — Но если хочешь, я могу вызвать его оттуда.

Шайлер покачала головой. Нет, это будет нечестно — просить Олли получить плохую отметку только потому, что она вдруг занемогла.

— Ну, слушай, брось ты, давай я поймаю такси и довезу тебя до дома.

Лоуренс сидел у себя в кабинете и что-то писал, когда к нему постучалась Хэтти.

— Мисс Шайлер вернулась, сэр. Кажется, с ней что-то случилось в школе.

Лоуренс спустился вниз и обнаружил там Джека Форса с Шайлер на руках. Джек объяснил, что в такси по дороге домой девушка заснула.

— Кстати, я — Джек Форс, — представился он.

— Да-да, я знаю, кто ты. Положи ее вот сюда, на диван, — велел Лоуренс, проведя Джека в гостиную. — Ты молодец.

Джек бережно положил Шайлер на обитый бархатом диван, а Лоуренс укрыл ее вязаным шерстяным пледом.

Шайлер была так бледна, что ее кожа казалась прозрачной, а

сквозь опущенные темные ресницы проступали слезы. Дышала девушка неровно и как будто с трудом. Лоуренс положил холодную руку на ее горячий лоб и попросил Хэтти принести термометр.

— Она вся горит, — сдавленным от волнения голосом произнес он.

— Она потеряла сознание в школе, — объяснил Джек. — В такси с ней вроде бы все было в порядке, но потом она сказала, что ее клонит в сон, и... ну, вы сами видите.

Лоуренс нахмурился еще сильнее.

— Она сказала, что работала над контролем. — Джек внимательно взглянул на Лоуренса.

Лоуренс кивнул.

— Да, мы с ней упражнялись.

Он сел рядом с внучкой и осторожно вставил термометр между запекшихся губ.

— Это запрещено Комитетом, — заметил Джек.

— Что-то я не припоминаю, чтобы тебя сильно волновали чужие запреты, Аббадон, — отозвался Лоуренс. До этого момента никто из них не вспоминал об их бывлой дружбе. — Кто бы это говорил! Ты поддержал нас тогда, в Плимуте, хотя из-за этого твоя собственная репутация сильно пострадала.

— Времена меняются, — пробормотал Джек. — Если ты говоришь правду, значит, она ослабела из-за тебя.

Лоуренс извлек термометр.

— Сорок четыре градуса, — будничным тоном произнес он.

Такая температура для человека неизбежно обернулась бы скорой смертью или непоправимым вредом. Но Шайлер была вампиром, и для ее народа это было в допустимых пределах.

— Чутьочку многовато, пожалуй, — решил Лоуренс. — Но нет ничего такого, чего не исцелил бы хороший отдых.

Несколько минут спустя Шайлер пришла в себя и обнаружила, что над ней сидят Джек и дедушка и внимательно смотрят на нее. Девушка задрожала под своим шерстяным пледом и плотно укутала

плечи.

— Солнышко, такое с тобой уже случилось?

— Иногда, — тихо призналась Шайлер.

— После уроков?

Шайлер кивнула. Она умалчивала об этом, потому что хотела продолжать занятия.

— Мне следовало это предвидеть. Первый раз это случилось — ну, когда ты впала в анабиоз — через несколько дней после того, как ты гналась за мной в Венеции?

Шайлер снова кивнула.

Она вспомнила слова доктор Пат: «Иногда реакция может проявляться через некоторое время».

— Я должен был сообразить, отчего ты так слаба, — продолжил Лоуренс. — Теперь я буду себя грызть за то, что не распознал сути проблемы раньше. Все очень просто. Когда ты упражняешь свои способности вампира, твои голубые кровяные клетки работают сверхурочно, а поскольку твой уровень красных кровяных клеток был невысок изначально, из-за смешанного состава крови твои силы убывают. Существует лишь один способ поддерживать твою кровь в нормальном состоянии. Тебе следует взять человека-фамильяра.

— Но мне же еще нет восемнадцати! — попыталась возразить Шайлер. Именно с этого возраста разрешалось производить священное целование. — Я вообще-то собиралась подождать.

— Шайлер, это серьезно. Я уже потерял твою мать, впадшую в кому, и не хочу потерять еще и тебя. Хотя ты обладаешь определенными силами, о которых вампирам твоего возраста остается только мечтать, ты все равно намного уступаешь в силе среднему представителю Голубой крови. Ты не можешь избежать трансформации, но вполне можешь контролировать некоторые самые неприятные последствия, сопутствующие этому процессу. Ты должна взять фамильяра, не дожидаясь восемнадцати лет. Какого-нибудь молодого человека. Ради себя самой.

Джек кашлянул, и Шайлер с удивлением осознала его присутствие — так тихо он сидел, пока ее дедушка читал свою лекцию.

— Я, пожалуй, пойду, Лоуренс. До свидания, Шайлер.

Но в тот самый момент, как Джек собрался выходить, дверь комнаты отворилась.

На пороге возник Оливер Хазард-Перри; увидев Джека, он смутился.

— Я слышал, Шайлер пришлось уйти с уроков. Я заволновался и приехал, как только смог.

Три вампира уставились на него. Всех троих посетила одна и та же мысль. Оливер был человеком. Юношей Красной крови. А Шайлер нужен фамильяр...

— В чем дело? — поинтересовался Оливер, хотя его никто ни о чем не спрашивал. — От меня плохо пахнет или что-то еще не так?

ГЛАВА 33

Пора воплотить план в жизнь. Розы оказались последней каплей. Да и не только — ее брат совсем расхрабрился и все откровеннее домогался этой полукровки. Он, даже не скрываясь, слонялся в коридоре у класса Шайлер и повадился торчать в школьной библиотеке или в Хранилище, чтобы только увидеть ее. Мими даже застала эту парочку бесстыдно флиртующей на публике! А в другой раз одна подруга сообщила, что видела Джека выходящим из школы в обнимку с Шайлер. Правда, в это Мими не особо поверила.

Мими, согласно инструкциям из книги, начертила пентаграмму маленьким белым мелком на светлом полу из твердого дерева. Потом она сложила требуемые ингредиенты в небольшую стальную чашу, стоявшую на столике в ее гардеробной: листья вербены, листья лавра, соцветие тигровых лилий, майоран, голову жабы и крыло летучей мыши. Этот набор смотрелся неуместно среди множества хрустальных флакончиков с духами и дорогими французскими лосьонами.

Мими зажгла свечу и подожгла от нее веточку розмарина. Потом свечу она задула, как было велено, а горящую палочку бросила в чашу.

Из чаши взметнулся столб фиолетового пламени.

Мими взглянула на себя в зеркало и, к своему удивлению, обнаружила, что в комнате, всего лишь несколько мгновений назад залитой солнечным светом, теперь воцарилась непроглядная тьма — не считая света, бьющего из чаши.

Она открыла небольшой пергаминовый конверт, в котором лежал волосок Шайлер ван Ален; руки у нее слегка дрожали. Мими вытряхнула содержимое конверта себе на ладонь.

Книга велела бросить волосок в огонь, произнося при этом слова, которые сокрушат ее врага. Мими так и сделала, закрыв глаза.

— Я, Азраил, повелеваю духам: уничтожьте силу моей соперницы.

Я, Азраил, повелеваю духам: уничтожьте силу моей

соперницы.

Я, Азраил, повелеваю духам: уничтожьте силу моей соперницы.

— Мими!!!

Дверь распахнулась. На пороге стоял Чарльз Форс. Взмахом руки он погасил яркое фиолетовое пламя.

Мими открыла глаза и ахнула. Она попыталась стереть линии пентаграммы ногой, но тщетно.

— Мне просто было любопытно, — попробовала объяснить она.
— Комитет все нам запрещает...

Чарльз подошел к ней и потрогал тлеющие угли.

— Это понятно. Мы созданы из темной магии — те, кто осужден вечно скитаться по земле. Но это заклинание очень сильное. Если ты не сумеешь удержать эти чары в своей власти, они обретут власть над тобой. Потому они запретны для молодежи, которая к этому еще не готова.

Чарльз взял со стола книгу.

— Где ты это взяла? А, знаю. В Хранилище. Но ее ведь хранят под замком. Эта книга опасна для тех, кто еще не вырос.

Он сунул книгу под мышку.

— Дорогая, почему бы тебе не подыскать себе другое занятие?

Когда отец ушел, Мими сняла трубку белого телефона и набрала знакомый номер.

— Кингсли, можно тебя на минутку? — спросила она.

— Конечно, крошка. Чего тебе?

— Ты знаешь ту штуку, про которую говорил? Ну, насчет того, как вызывать Серебряную кровь из тьмы?

— Угу.

— Как ты думаешь, это сработает?

ГЛАВА 34

— Ты какая-то другая, — сказал Кингсли однажды, когда они сидели у Блисс в спальне и предположительно делали уроки.

«Предположительно» — потому, что Блисс хотелось думать, что этим они и будут заниматься, но у Кингсли вечно были другие идеи. Боби Энн требовала, чтобы Блисс оставляла дверь своей комнаты открытой, когда у нее в гостях парень, — таково было одно из ее правил. Но в тот момент Боби Энн не было дома. На этот день приходился ее еженедельный визит в салон красоты, и она исчезала надолго. Джордан была на балетной репетиции, продолжавшейся до полуночи. Блисс осталась дома одна, не считая прислуги на первом этаже, в крыле для слуг.

— Я подстриглась, — подсказала ему Блисс, отрываясь от эссе по немецкому.

Она знала, что Кингсли имеет в виду не это. С тех самых пор, как ей вручили два букета, Кингсли изводил ее, пытаясь выяснить, кто же этот так называемый загадочный незнакомец.

— Нет, я не об этом.

Кингсли улыбнулся. Он развалился на ее кровати, словно ленивый кот. Волосы у него были такие длинные, что завитки спускались на воротник рубашки. Вокруг валялись его тетради и папки, и среди них — та книга в переплете темной кожи, которую он постоянно читал. Но за прошедший час Кингсли совершенно ничего не сделал из домашних заданий, а вместо этого постоянно подкалывал Блисс.

— Тогда я не понимаю, о чем ты, — упрямо заявила Блисс.

— А я думаю, что ты понимаешь, — протянул Кингсли. — На тебе это просто-таки написано.

— Что?

— Что ты это сделала. Ты взяла человека во время этих своих каникул, или фотосессии, или как там ее. «Ты пила его кровь!» — произнес Кингсли, изображая трансильванский акцент. — Тот, кто придумал изобразить нас провинциалами из какого-то глухого уголка

Восточной Европы, был просто гений.

— А если и так, то что? — спросила Блисс.

— Ну и славно. Наконец-то мы до чего-то дошли. Тебе понравилось?

— Ты, часом, не ревнуешь? — поинтересовалась Блисс.

— Ревную? С чего вдруг мне ревновать? — изумился Кингсли.
— Ты, кажется, не понимаешь — это все равно что ревновать тебя к твоему парикмахеру. Фамильяры оказывают услуги, и только. Мы не обязаны испытывать к ним какие-то чувства.

— Мы?

— Не придирайся, ты понимаешь, о чем я.

Кингсли подошел к Блисс и принялся массировать ей спину.

— Ну, давай, расслабься... У тебя по-прежнему случаются провалы в памяти?

Блисс кивнула.

— Ты пробовала то, что я тебе предложил? — поинтересовался юноша.

Девушка покачала головой. Его предложение слишком пугало ее.

— А зря. Оно работает. Во всяком случае, мне помогло.

Кингсли умело разминал ее ноющие мышцы, и вскоре Блисс впала в полное блаженство. Это чем-то напоминало гипноз. Красные глаза с серебряными зрачками, и голос, то ли шепчущий, то ли шипящий... С-скоро... С-скоро... С-скоро...

Тварь пришла снова и гналась за ней по запутанным коридорам. Блисс чувствовала ее горячее, зловонное дыхание на своей щеке. Она оказалась зажата в угол и не могла проснуться. Блисс посмотрела твари в глаза.

«Ну, давай же! — подумала она. — Давай делай то, что сказал Кингсли».

Заговори с ней.

«Чего ты хочешь? — спросила Блисс. — Я требую переговоров».

Темно-красные глаза моргнули.

Проснувшись, Блисс обнаружила, что от страха расцарапала себя. Руки ее были покрыты безобразными багровыми синяками.

Но Кингсли оказался прав. Это работало. Тварь ушла.

*ШИЗОФРЕНИЯ (греч. «раздробленный разум»).
Расстройство психической деятельности, при котором
ухудшается восприятие реальности. Вольные шизофренией
страдают слуховыми и зрительными галлюцинациями,
расстройством речи (бессвязностью речи),
расстройствами поведения (часто плачут).*

*В случае если указанные симптомы наблюдаются
дольше шести месяцев, больному ставится диагноз
«шизофрения».*

*Словарь расстройств психической деятельности.
Американская академия специалистов по
психическому здоровью.*

ГЛАВА 35

Поселиться в «Мерсере» было идеей Оливера. От собственной комнаты или комнаты Шайлер он отказался, решив, что будет слишком уж странно делать «это» в том же самом месте, где они провели столько часов, беззаботно читая журналы и смотря телевизор. Потому он заказал номер в одной из окраинных гостиниц.

Юноша убедил Шайлер выпить с ним несколько бокалов в баре, прежде чем подняться в номер.

— Тебе, может, оно и не требуется, а мне так точно нужно выпить, — сказал Оливер.

Шайлер терпеливо наблюдала, как Оливер глотает один «Манхэттен» за другим. Они почти не разговаривали. В бар допускались исключительно постояльцы гостиницы, и юноша с девушкой сидели в уединенном уголке. Кроме них в баре присутствовал всего один посетитель, какая-то кинозвезда, дававшая интервью в противоположном конце зала. Кинозвезда сидела, положив ноги на диван, и чересчур громко смеялась; репортер, судя по его виду, нервничал и терял дар речи в присутствии знаменитости. На столике для коктейлей между ними стоял маленький серебряный диктофон.

— Ладно, пойдем, — сказал Оливер, отодвигая наполовину недопитый третий коктейль.

— Слушай, у тебя такой вид, словно я тебя попросила отправиться на войну, — сказала Шайлер, когда они шли к лифту.

Они восхитились потрясающим видом на окрестности, открывающиеся из их одноместного номера. Обставлен он был по последнему писку моды: мебель из макассарского черного дерева, декоративные подушки из овечьей шерсти, черные эпоксидные полы, отполированные до блеска, ониксовый бар, светящийся изнутри, телевизор с плоским экраном и стены из нержавеющей стали, на вид холодные, а на ощупь — ровные и теплые, словно сливочное масло.

— Здорово, — сказала Шайлер, усевшись на один край широченной кровати, меж тем как Оливер примостился на другом.

— Ты точно уверена, что хочешь этого? — спросил Оливер,

подавшись вперед и прикрыв лицо рукой.

— Олли, если я этого не сделаю, то впаду в кому и больше не очнусь. Сегодня утром я еле встала с постели.

Оливер гулко сглотнул.

— Мне очень не хочется просить об этом тебя, но просто... не знаю, как сказать... я не хочу, чтобы мой первый раз был с кем-то, кого я даже не знаю. Понимаешь? — Шайлер рассказала юноше о том, что произошло с Блисс в Монсеррате. — А ты — мой лучший друг.

— Скай, ты знаешь, что для тебя я сделаю все, что угодно. Но это нарушение кодекса. Проводникам не разрешается становиться фамильярами своих вампиров. Нам полагается быть объективными. Это не входит во взаимоотношения. Вещи вроде церемонии — это сложно, ты же знаешь, — объяснил Оливер.

Когда неделю назад Шайлер впервые спросила Оливера, не согласится ли он стать ее фамильяром, юноша сказал, что ему нужно подумать. На следующий день он так и не заговорил об этом, и Шайлер решила, что Оливер слишком вежлив, чтобы говорить ей «нет», и потому ведет себя так, как будто она вообще не обращалась к нему с просьбой.

Прошло несколько дней. Никто из них не возвращался к этой теме. Шайлер начала уже думать, что ей придется поискать другой выход. Но прошлым утром она нашла в своем шкафчике подсунутый туда конверт. В конверте лежал ключ от номера в «Мерсере» и записка от Оливера:

«Увидимся вечером. Ням-ням!»

Вообще-то Шайлер и сама испытывала на этот счет сложные чувства. Ей жутко не хотелось ставить Оливера в подобное положение. Но она полагала, что у нее нет выбора. Если уж ей придется взять фамильяра, по крайней мере, пускай это будет тот, кого она уже знает. А к Оливеру ее влекло еще с Венеции. Возможно, это свидетельствовало о том, что все идет как надо. Что это должно было произойти.

— Олли, одно твое слово — и мы не будем этого делать. Идет? — предложила Шайлер, ухватившись за край кровати и потянув на

себя покрывало.

— Ладно. Давай не будем, — незамедлительно откликнулся юноша.

Он вздохнул и улегся на кровать, запустив руки под пуховое стеганое одеяло. Длинные ноги Оливера свисали с края, но тело лежало горизонтально. Он зажмурился, словно перспектива была невыносима для него, и снова прикрыл лицо рукой, как будто защищаясь от чего-то.

— Ты серьезно? — в легком ужасе спросила Шайлер.

— Я не знаю! — простонал Оливер из-под ладоней, лежащих теперь поверх губ.

— Ну просто... понимаешь... я буду очень осторожна — в смысле, если тебе страшно. Доверься мне.

Шайлер все еще сидела, так что ее слова оказались обращены к огромному, во всю стену, окну, в то время как Оливер словно бы разговаривал с потолком.

— Я тебе доверяю, — напряженно и печально произнес Оливер. — Я доверяю тебе свою жизнь.

— Я понимаю, это изменит наши взаимоотношения — но ведь мы же лучшие друзья. Не может же все измениться так уж сильно? В смысле — я ведь и так уже тебя люблю, — произнесла Шайлер.

Каждое сказанное ею слово было чистой правдой — она очень любила Оливера. Она не могла себе представить жизни без него.

Шайлер повернулась и взглянула на друга. Оливер убрал руки с лица и открыл глаза. Шайлер отметила про себя, как красиво каштановые волосы обрамляют его лицо и как соблазнительно выглядит его шея под жестким воротником рубашки.

— Разве ты меня не любишь?

Девушка понимала, что давит на друга, но ничего не могла поделать. Ей необходимо было, чтобы Оливер согласился. Потому что иначе... иначе к кому ей идти?

Оливер покраснел и отвел глаза. Он снова уселся на край кровати.

— Ну ладно, — сказал он скорее себе, чем Шайлер.

Шайлер придвинулась поближе и прижалась к юноше. Несколько едва уловимых движений — и она очутилась у него на коленях.

— Так нормально?

— Ты тяжелая, — поддразнил ее Оливер, но на губах его была улыбка.

— Вовсе нет!

— Ну ладно, ладно, не тяжелая.

— А ты хорошенький — ты в курсе? В смысле — правда хорошенький. Почему ты постоянно только со мной? Тебе надо с кем-нибудь встречаться, — сказала Шайлер как о чем-то само собой разумеющемся и убрала волосы со светло-карих глаз Оливера.

Ей подумалось, что ни у кого больше она не видела таких добрых глаз. С Оливером она всегда будет в безопасности.

— Ага, как же. Я — и встречаться! — рассмеялся Оливер.

Он обнял Шайлер за талию.

— А почему бы и нет? Что тут такого неслыханного?

— Да ну? — отозвался Оливер.

Шайлер попыталась было что-то сказать, но не успела, потому что Оливер взял ее за подбородок и притянул к себе, и вскоре они уже целовались. Нежные, робкие поцелуи сменились более смелыми, когда оба разомкнули губы.

Девушка вздохнула. Так вот каково это — целоваться с Оливером! Это было совсем не так, как она себе представляла. Гораздо лучше. Как будто они были созданы друг для друга. Шайлер прижалась к нему, а Оливер запустил руку ей в волосы. Это было ново — поворотный момент. Потом Шайлер принялась целовать его в подбородок и шею.

— Скай...

— Ммм?..

Внезапно Оливер отстранил девушку, убрал с себя ее руки и стряхнул Шайлер с колен.

— Нет, — произнес он, тяжело дыша.

Лицо его пылало от смятения.

— Нет? — непонимающе переспросила Шайлер.

Вроде бы все шло хорошо. И правильно, разве нет?

— Нет. — Оливер встал и принялся расхаживать взад-вперед. — Священное целование — вещь серьезная. На твою мать оно повлияло. И знаешь что? Найди себе другого подопытного кролика. Я не собираюсь этого делать из чувства долга.

— Олли!

— Не надо, Шайлер.

Оливер называл ее по имени, только если был очень зол.

Шайлер умолкла.

— Я ухожу. Я не могу быть с тобой... Ты сама не своя, — произнес Оливер, набросил куртку и выскочил в ночь, хлопнув дверью.

ГЛАВА 36

В укромном уголке среди книжных стеллажей Хранилища истории сидела Мими Форс, склонившись над старинной книгой в кожаном переплете. Той самой книгой, которую отец конфисковал у нее несколько недель назад. Может, ее и полагалось держать в Хранилище под замком, но вопрос был лишь в том, чтобы вычислить, какой ключ отпирает этот замок, и усилия для этого потребовались минимальные: люди-библиотекари не приспособлены к тому, чтобы противостоять гневу рассерженного вампира.

Книга была открыта на последней странице, черной странице, со словами, выгравированными сияющим голубым — цвета крови, что текла в жилах Мими.

Рядом с девушкой стоял Кингсли Мартин, и они вместе читали эту страницу при свете единственной конусовидной свечи. Окружающие их стеллажи — множество рядов книжных полок, которые, казалось, уходили куда-то в бесконечность, — окутывала тьма и тишина. В Хранилище содержалось около десяти миллионов книг. Это была самая большая библиотека в мире, и стеллажи уходили вдаль под Манхэттен — несколько ярусов под тротуарами. Никто даже толком не знал, насколько далеко уходит вниз старый лифт с покосившейся кабиной.

Они решили применить заклинание под землей. В заклинании упоминалось «место изначальной силы», и Кингсли предположил, что это штаб-квартира Голубой крови.

— Тут сказано, что вызвать его сможет только тот, кто схож с ним разумом, — сказала Мими, читая текст.

— Это означает, что он должен хотеть того же, что и ты, потому что только тогда сможет ответить на твой зов, — объяснил Кингсли.

— Ага, ладно.

— Сперва надо привлечь твою жертву, — сказал Кингсли.

Мими нарисовала пентаграмму так, чтобы они оба очутились внутри проведенных мелом линий.

— Темный князь Серебряной крови, внимли моему зову. Я,

Азраил, повелеваю тебе поставить моего врага передо мною, — громко и отчетливо приказала Мими.

Шайлер ван Ален пришла в главный читальный зал на верхнем этаже Хранилища. Она искала Оливера. Посидев где-то с час в гостиничном номере, девушка решила, что не может просто торчать тут и ничего не делать или ждать, пока Оливер успокоится. Ей следует найти Оливера и извиниться. Ее просьба была неэтичной. Теперь она это понимала. Она слишком много потребовала от него и теперь хотела попросить у своего друга прощения. Обычно по вечерам на выходных Оливер сидел в своей кабинке в Хранилище, и именно сюда Шайлер и направилась первым делом после того, как поняла, что он не берет мобильник и не отвечает на сообщения, которые она отправила на «блэкберри».

В главной приемной на одном из ветхих диванов сидела Блисс Ллевеллин.

— Привет! — окликнула ее Шайлер. — Ты не видела Оливера?

Блисс кивнула.

— Видела. Он где-то здесь, появился несколько минут назад.

— Ага, отлично.

После происшествия в Монсеррате Блисс испытывала в присутствии Шайлер некоторую неловкость.

— Я... э-э... жду Кингсли, — объяснила Блисс. — Он попросил меня встретиться с ним здесь.

Шайлер кивнула, хотя она вовсе не просила Блисс объяснять, что та здесь делает. Она оставила Блисс у входа, а сама быстро пересекла тихую комнату и отправилась на поиски друга. Вечером в выходной Хранилище было переполнено. Почти все кабинки были заняты. Библиотекари разбирали книги на полках, занимаясь каталогизацией, а несколько старших членов Комитета направлялись на еженедельную встречу. Шайлер заметила среди них светлую голову Присциллы Дюпон. Глава стражей оживленно беседовала с кем-то из сотоварищей по Совету. Старейшины исчезли в отдельном зале для совещаний, а Шайлер заметила Джека Форса. Он сидел, как обычно, в кресле у камина и читал книгу.

Внутри пентаграммы пламя свечи ярко вспыхнуло и явило Мими изображение части Хранилища, расположенной выше. Все было так,

как и обещало заклинание. Посреди комнаты стояла Шайлер ван Ален.

Ее жертву притянуло на нужное место.

У Мими потеплело на сердце. Это происходило, происходило на самом деле. Сейчас она избавится от этой мерзавки раз и навсегда. Конечно же, Шайлер, едва войдя, тут же напрямик направилась к Джеку. Ну да не важно — скоро это прекратится.

Кингсли вручил Мими серебряный нож.

Существовал лишь один способ привести заклинание в действие: кровь за кровь. Мими вытянула правую руку. Прикосновение лезвия холодило кожу. Сердце ее бешено колотилось в груди, и в первый раз она затрепетала от страха. Невзирая на то, что Мими была бессмертной и принесение крови в жертву не могло причинить ей вред, при мысли о том, что она собралась сделать, девушке стало как-то не по себе.

Но вид Шайлер ван Ален напомнил ей, что поставлено на кон. Узы. Джек. Аббадон. Надо это прекратить, пока не стало слишком поздно.

— О Князь тьмы, я даю тебе свою кровь взамен твоей. Услышь меня! Услышь мой зов! Уничтожь моего врага, раз и навсегда! — нараспев произнесла Мими.

— Давай!!! — крикнул Кингсли.

Мими глубоко вздохнула и полоснула по запястью, вскрыв вену. Кровь пролилась на свечу, и взметнулось черное пламя.

Последним, что запомнила Блисс, был сильный взрыв, донесшийся снизу, из-под пола. Библиотеку разворотило надвое, словно треснула сама земля, и кошмар Блисс ожил. Прямо перед ней возникла черная глыба с темно-красными глазами и серебряными зрачками, ревушая, извивающаяся, пробуждающаяся, заполонившая все пространство жужжанием тысяч мух, муками тысяч терзаемых душ и отвратительным смехом сумасшедшего. Блисс кричала, кричала, кричала...

А потом все погрузилось во тьму.

ГЛАВА 37

Дым не давал дышать. Он был темно-фиолетовым, и от него тянуло серой и кислотой. Шайлер открыла глаза, и их тут же невыносимо защипало. По щекам девушки ручьем текли слезы, хоть она и не плакала.

Что-то случилось... какой-то взрыв, такой, словно разорвало вселенную. Шайлер огляделась по сторонам. В Хранилище царил хаос. Стеллажи с книгами были перевернуты, а газеты и журналы разлетелись вокруг, как будто здесь взорвалась бомба. Повсюду штукатурка и пыль, осколки стекла и обломки дерева, и камни, выпавшие из потолка.

— Джек! Джек, ты где? — в панике позвала Шайлер.

Она стояла вот на этом самом месте, рядом с его креслом, но теперь кресла было не видно. Глаза ей заливала кровь. Девушка нерешительно потрогала макушку. Порез, но неглубокий. Ладони ее были исцарапаны и кровоточили, а джинсы порвались, но, к счастью, этим перечень ущерба и ограничивался.

Кто-то закашлялся, и Шайлер двинулась на звук. Джек лежал под столом; его на мгновение оглушило.

— Я в порядке, — отозвался он, пытаясь сесть и вытирая слезящиеся от дыма глаза. — Что за чертовщина тут стряслась?

— Джек! Ты цел? Ты меня слышишь? Джек!

Обезумевший голос Мими донесся из потайной ниши, из которой вел ход в подземное книгохранилище. Мими вынырнула из-за угла. Вид у нее был ошеломленный, но, похоже, она не пострадала.

— Я здесь!

— Ох, слава богу! Джек! Я так переживала! — воскликнула Мими и кинулась обнимать брата. Она принялась всхлипывать, не в силах сдержаться. — Я думала... я думала...

— Все в порядке, я цел, — успокаивающе произнес Джек, нежно поглаживая ее.

Шайлер отступила немного, чтоб не мешать им; ее переполняли

смешанные чувства — ревность, жалость и смущение, вызванное тем, что она оказалась свидетельницей их близости.

Тут из-под перевернутого стеллажа донесся чей-то стон.

— Помогите! — позвал слабый голос. — Помогите!

Джек, Мими и Шайлер кинулись на зов и вместе убрали тяжесть с пострадавшего.

Кингсли вместо благодарности произнес:

— Ох, дьявол... Что это было-то?

Вокруг них библиотекари и члены Комитета помогали друг другу выбираться из-под обломков, пересчитывали друг дружку и проверяли, все ли живы. Дым был повсюду, и сквозь него трудно было что-либо разглядеть.

— Сюда! — раздался знакомый голос.

Шайлер оставила двойняшек Форс и Кингсли и вскоре отыскала Оливера. Тот склонился над пострадавшим библиотекарем. У Оливера был чем-то порезан подбородок и на лбу красовалась ссадина; он был весь покрыт толстым слоем штукатурки.

— Ты цел! — вырвалось у Шайлер. — Слава богу!

— Шайлер, ты что здесь делаешь? — удивился Оливер.

— Тебя ищу.

Юноша кивнул.

— Ну-ка, помоги.

Ренфилд, один из брюзгливых людей-историков, стонал, скорчившись у перевернутого ксерокса. Его отбросило к стене взрывом, и сила удара была такова, что ему переломало ребра.

Они помогли Ренфилду улечься на штабель книг, пообещали прислать помощь сразу же, как только удастся, и пошли смотреть — может, еще кто пострадал или попал в ловушку.

Пока что все, кто встречался им, были живы. Кое-кто отделался небольшими царапинами, некоторые получили сотрясение, но, в общем, все, как ни удивительно, остались более или менее целы. Оливер остановился, чтоб оказать первую помощь девушке Голубой крови, сломавшей руку. Он оторвал рукав от своей рубашки и

соорудил импровизированную перевязь.

Шайлер пробралась сквозь погром и наткнулась на какую-то девушку, лежавшую ничком, всю засыпанную штукатуркой и пылью.

Шайлер перевернула ее и ахнула.

— Блосс! О господи, Блосс!..

Под подбородком Блосс виднелись две дырочки, и кровь ее — вязкая, голубая — струилась по шее.

— Всем оставаться на своих местах!!! — приказал от входа чей-то громкий голос.

Все застыли.

Шайлер прикоснулась к шее Блосс, пытаясь остановить кровь. Руки у нее дрожали. Ох, Блосс...

Фиолетовый дым рассеялся. Вскоре к девушкам приблизились Чарльз Форс и Форсайт Ллевеллин со сверкающими мечами на изготовку.

Чарльз присел рядом с Блосс и коснулся ее головы.

— Эта еще жива.

Шайлер удивилась. Эта? Тут с другой стороны комнаты раздался крик, и вскоре Шайлер поняла, что Чарльз имел в виду. Там, у входа в штаб-квартиру Совета старейшин, в сводчатом проходе лежала Присцилла Дюпон, глава стражей.

В луже крови.

ГЛАВА 38

Оливер отвез Шайлер домой; они оба еще не отошли от потрясения. Неловкость, возникшая между ними раньше, в «Мерсере», исчезла без следа перед лицом нового бедствия. Они снова сделались прежними, и Шайлер радовалась, что ее друг рядом с ней.

Хэтти, завидев их, тут же подняла суматоху. Она перевязала голову Шайлер и порезанный подбородок Оливера. Верная горничная приготовила им горячий шоколад, усадила к камину и укутала кашемировыми одеялами.

— Где Лоуренс? — спросила Шайлер, взяв печенье с подноса, принесенного Хэтти.

— Он умчался всего несколько минут назад. Сказал, что у него срочная встреча или что-то вроде того, — ответила Хэтти. — Он велел мне позаботиться о вас, когда вы сюда доберетесь. И достать комплект первой помощи. Думаю, он знал, что что-то произошло.

Как только Хэтти вышла из комнаты, Оливер спросил:

— Ты думаешь, это была Серебряная кровь?

Шайлер содрогнулась.

— Должно быть. Это единственное объяснение. Но это не имеет смысла. Лоуренс говорил мне, что Серебряная кровь охотится на одиночек. Они нападают на свои жертвы, когда те одни, без защитников-собак. А это нападение произошло в общественном месте, при множестве свидетелей.

— Как ты думаешь, она умерла? — снова спросил Оливер.

— Кто — Блисс? Нет. Чарльз Форс сказал, что она жива, — отозвалась Шайлер.

Однако же в это верилось с трудом. У техаски были две глубокие раны на шее, и пол вокруг нее был залит ее кровью.

— Нет, я имею в виду миссис Дюпон, — уточнил Оливер.

— Не знаю...

Шайлер снова содрогнулась. С того места, где она стояла, все

было хорошо видно, а она к тому же еще услышала, как члены Совета, собравшиеся вокруг трупа, обсуждают ситуацию.

«Полное поглощение... Этого не может быть... Но кровь выпита... А это означает... Она умерла... Ее забрали... Только не Присцилла!.. Да... Это и вправду ужасно...»

Бригада «скорой помощи», присланная доктором Пат, унесла Блисс на носилках; на лице у девушки была кислородная маска. Рядом с носилками шагал отец Блисс. Но вторые носилки, на которые погрузили Присциллу Дюпон, накрыли простыней. А это могло означать только одно.

Шайлер кинулась к Оливеру, и оба они прислонились к ножкам дивана. Шайлер положила голову ему на плечо, а Оливер обнял ее и прижал к себе. Они чувствовали себя спокойнее рядом друг с другом.

Лоуренс вернулся ближе к рассвету. Он нашел Шайлер с Оливером сидящими бок о бок на ковре у дивана.

— Вам обоим пора отправляться в постель. Особенно тебе, внучка. Пережить нападение Серебряной крови — это не шутка, — произнес Лоуренс, осторожно разбудив их.

Шайлер протерла глаза, а Оливер зевнул.

— Не сейчас. Мы хотим сперва узнать, что произошло, — настойчиво произнесла Шайлер. — Мы были там.

Лоуренс тяжело опустился в стоящее напротив кожаное кресло и положил ноги на пуфик.

— Да, и я только рад, что ни с кем из вас не произошло ничего похуже.

— Оно явилось не за нами, — сказала Шайлер.

— И хвала небесам за это, — отозвался Лоуренс.

Он взял свою обычную сигару и гильотинку для сигар. Шайлер уже знала: это свидетельствует о том, что дедушка объяснит все, или, по крайней мере, все, что известно ему самому. Она придвинулась поближе к нему.

— Что Корделия рассказала тебе про Кроатан? — спросил

Лоуренс, выпустив клуб дыма.

— Что это была древняя опасность, которая потом превратилась в миф для Голубой крови. Потому что последнее известное нападение произошло четыреста лет назад, — ответила Шайлер. — Во время основания Плимута.

— Да. Роанок был их самой сокрушительной победой. Они уничтожили целое поселение. Но она не рассказала тебе про Венецию, Барселону или Кельн.

Шайлер вопросительно взглянула на него.

— Что осталось неизвестным или, по крайней мере, скрывалось, так это то, что после так называемого поражения в Риме Серебряная кровь в каждом столетии возвращалась, чтобы пожирать молодежь Голубой крови. Мы пытались объяснить Совету эту схему, предупредить, что опасность сохраняется. Но после Роанока потянулись мирные годы, и в Новом Свете было известно всего лишь об одном нападении.

— Здесь? В Америке? — уточнила Шайлер.

Об этом Корделия никогда не упоминала.

— Да. — Лоуренс положил на журнальный столик толстую папку с обгоревшими краями и толкнул ее к Шайлер. — Вот дело, над которым работала Присцилла Дюпон. Она собиралась представить на рассмотрение Комитета некие доказательства, подтверждающие то, о чем их давным-давно предупреждали мы с Корделией.

Шайлер открыла папку, и из нее выпало несколько газетных вырезок. Они с Оливером просмотрели вырезки.

— Кто такая Мэгги Стэнфорд?

— Девушка Голубой крови. Она исчезла. Мы понятия не имели, что ее принудительно поместили в психиатрическую лечебницу. Врачи Красной крови решили, что у нее психическое заболевание, но на самом деле это были свидетельства искажения под воздействием Серебряной крови. Она стала жертвой.

Лоуренс постучал по бумагам сигарой.

— После того как Мэгги так и не нашли, мы с Корделией поняли, что за этим стоит Серебряная кровь. Но нам не удалось это

доказать. Тогда мы решили разъехаться, чтобы я мог продолжать расследование, а Комитет не знал об этом. Присцилла говорила мне, что она обнаружила в архивах нечто такое, что прольет свет на их действия, но я просмотрел эту папку. Здесь нет ничего такого, что я не видел бы ранее.

— А что происходило после случая с Мэгги? — спросила Шайлер, отметив про себя, какой красивой выглядела юная дебютантка на фотографии.

— Ничего. Серебряная кровь вновь отступила в тень. И так продолжалось до прошлого года, до того момента, когда была убита Эгги Карондоле. А после Эгги уже четыре юных представителя Голубой крови были убиты в начале периода трансформации. Четыре. Столько жертв не бывало со времен Роанока. Это означает, что они сделались сильнее и увереннее в себе. Однако же самое тревожное во всем этом — смерть Присциллы. Раз они одолели вампира в расцвете сил, значит, их мощь возросла. Они становятся более агрессивными. Комитет должен осознать опасность. Мы не можем больше сидеть и дожидаться, пока Князь Серебряной крови двинет на нас свои силы и перебьет по одному.

— Ты вправду думаешь, что Люцифер вернулся? — спросила Шайлер.

Несколько долгих мгновений Лоуренс молчал. Его сигара разгорелась; столбик пепла на ее конце делался все длиннее и длиннее, пока, в конце концов, не упал, опалив обюссонский ковер и оставив небольшую дырочку.

—А, черт! — ругнулся Лоуренс. — Корделия никогда мне этого не простит. Она не разрешала мне курить в доме.

— Дедушка, ты не ответил на мой вопрос, — резко произнесла Шайлер.

— Возможно, на него не нужно отвечать, — нервно произнес Оливер.

От этих разговоров про Серебряную кровь и Люцифера его начинало мутить. Возможно, не стоило ему пить столько горячего шоколада или съедать пятую булочку.

— Только самый могущественный из Серебряной крови мог произвести обширные разрушения в таком защищенном месте, —

вымолвил, в конце концов, Лоуренс.

— Защищенном?

— Хранилище истории — одна из самых надежных наших цитаделей. Она окружена заклинаниями, защищающими от вторжения, не пропускающими мерзость. И то, что эти заклинания не сработали, — зловещий сигнал для всех нас.

— Что ты собираешься делать? — спросила Шайлер.

— Единственное, что я могу сделать, — призвать к открытому голосованию. Пора выбрать другого Региса вместо Михаила.

ГЛАВА 39

Они спорили о ней. Сквозь туман, порожденный морфием, Блисс слышала, как отец и Чарльз Форс спорят о ней за дверью больничной палаты. Что случилось?

Блисс смутно помнила черный с фиолетовым отливом огонь, от которого всю библиотеку затянуло густым, непроглядным дымом, и она знала, что с ней произошло нечто плохое. У нее была перевязана шея. Ее укусили? Серебряная кровь? От этой мысли ее лоб покрылся испариной. Если на нее напала мерзость, почему она еще жива?

Блисс попыталась поднести руки к шее, потрогать рану, но те не подчинялись. Девушка запаниковала, но потом сообразила, что руки у нее привязаны к столбикам кровати. Почему?

Палата была роскошной, словно гостиничный номер люкс, с современной белой пластиковой мебелью; эта мебель была хорошо знакома Блисс. Она находилась в клинике доктора Пат, больнице для Голубой крови. Девушка изо всех сил напрягла сверхчувствительный слух и сосредоточилась на том, о чем шепотом спорили в коридоре отец и Чарльз Форс.

— Она не была извращена, Чарльз, ты знаешь признаки не хуже моего, ты видел ее шею! Для этого прошло недостаточно времени, — произнес ее отец.

— Я все понимаю, Форсайт, действительно понимаю, но ты же знаешь, как это выглядит. Я не могу допустить, чтобы Лоуренс из-за этого взял меня за глотку. Ей придется пройти проверку, так же как и всем, кто там присутствовал во время произошедшего.

— Она — жертва! Это возмутительно! Я тебе не позволю!

— У тебя нет выбора, — произнес Чарльз тоном, не допускающим возражений. — Я понимаю, насколько это тебя беспокоит, но, как сказал ты сам, она, похоже, в безопасности.

Последовало длительное молчание. Потом двое мужчин вернулись в палату Блисс.

Девушка тут же закрыла глаза и притворилась спящей.

Она почувствовала, как отец положил руку ей на лоб и

прошептал короткую молитву на языке, которого она не понимала.

— Привет, — произнесла она, открывая глаза.

Ее мачеха и Джордан вошли в палату и остановились в изножье ее кровати. На Боби Энн был очередной чудовищный наряд: кашемировый свитер с вышитой на груди надписью «Версаче». В руках она держала крохотный носовой платочек и то и дело прикладывала его к глазам, хотя слез было не видно.

— Ах, золотце, мы так переволновались! Слава богу, что с тобой все в порядке!

— Как ты себя чувствуешь? — спросил отец, сцепив руки за спиной.

— Уставшей, — ответила Блисс. — Что случилось?

— В Хранилище произошел взрыв, — объяснил Форсайт. — Но не волнуйся, это все случилось настолько глубоко под землей, что краснокровные на тротуарах его даже не заметили. Они подумали, что это было просто небольшое землетрясение.

Блисс и в голову не приходило беспокоиться насчет того, не обнаружили ли люди одно из самых тайных мест, принадлежащих Голубой крови.

— А со мной-то что случилось? — спросила девушка.

— Ну, это мы как раз собираемся выяснить, — ответил отец. — Что ты помнишь?

Блисс вздохнула и устремила взгляд в окно, глядевшее на пустой офис соседнего здания. Ряды включенных компьютеров светили экранами, хотя рабочий день давно уже закончился.

— Мало что. Просто черный дым и... и...

*«Глаза, темно-красные глаза с серебряными зрачками.
Тварь, воспрявшая к жизни. Она заговорила со мной... Она
сказала...»*

Девушка тряхнула головой и крепко зажмурилась, словно для того, чтобы защититься от злобного присутствия.

— Ничего, ничего... я ничего больше не помню...

Форсайт вздохнул, а Боби Энн снова шмыгнула носом.

— Ах, бедное, бедное дитя!

Джордан, сестра Блисс, помалкивала, искоса глядя на нее.

— Боби, не могли бы вы с Джордан на минутку оставить нас одних? — спросил отец.

Когда они вышли, Форсайт повернулся к Блисс.

— Я должен сказать тебе кое-что очень важное. На тебя напала тварь Серебряной крови, Кроатан, — произнес отец.

— Не-е-ет! — прошептала Блисс — Но Комитет же говорил, что они — всего лишь миф... — слабо произнесла она.

— Комитет был не прав. Теперь мы это поняли. На самом деле Присцилла Дюпон собрала достаточно доказательств... но я не буду говорить об этом сейчас. Суть заключается в том, что каким-то образом Серебряная кровь уцелела и мы должны взглянуть в лицо реальности.

— Но как это случилось?

— Как ни печально, но это означает, что один из нас виновен. Серебряная кровь не обрела бы силу, если бы кто-то из нашего круга не укрывал их. И не помогал им. Это должно быть какое-то из очень старых семейств, достаточно могущественных, чтобы укрыть подобное зло, да еще и настолько успешно, так что Михаил не почувствовал нарушения равновесия.

— Но что это означает для меня? — спросила Блисс дрожащим голосом.

— Тех, кто выжил после нападения Серебряной крови, очень мало, и при этом всегда присутствует опасность извращения.

— Извращения?

— Иногда Серебряная кровь не потребляет свою жертву полностью. Вместо этого ей внушают голод... а крови выпивают столько, чтобы вампир чувствовал себя ослабевшим. Но Красная кровь становится для жертвы ядом, и она начинает охотиться на себе подобных, чтобы выжить.

«Так вот что произошло с Диланом, — подумала Блисс. — Его извратили. Превратили в чудовище, а потом убили, чтобы он не выдал их тайны».

— Мы полагаем, что кризис в Роаноке произошел потому, что несколько жителей поселения уже были извращены к тому моменту, как покинули Старый Свет.

— А как узнать, извращен ли ты? — со страхом спросила Блисс.

Вместо ответа Форсайт приподнял марлю с шеи Блисс и размотал бинт.

Блисс взволнованно взглянула на отца. Что он собирается показать ей? Превратили ли ее в чудовище?

Отец вручил ей небольшое зеркальце со столика медсестры.

Девушка принялась разглядывать шею, заранее страшась того, что ей предстоит увидеть.

Но кожа была такой же гладкой и чистой, как и всегда.

— Что это значит?

— Это значит, что яд был недостаточно силен, чтобы закрепиться. Твоя Голубая кровь, сангре азул, сумела восстановить собственный химический состав, исцелить себя и защитить тебя от извращения. Кроатан не превратил тебя в себе подобного.

Блисс кивнула с благодарностью и облегчением. Она выжила... непонятно, каким образом, но она выжила.

— Будут и другие испытания, — предупредил дочь Форсайт. — Их проведет кто-то из старейшин. Они попросят тебя поделиться с ними твоими воспоминаниями, открыться перед ними. Показать им то, что ты видела. Но я уверен, что решение будет в твою пользу.

Отец уже собрался было выйти из комнаты, но Блисс задала еще один вопрос:

— Но, папа, все-таки — если кто-то извращен... как это можно понять?

— Трудно сказать точно, но мы заметили, что те, кто был извращен, склонны тянуться к темной материи и начинают интересоваться черными заклинаниями.

Тем же вечером, но попозже Нэн Катлер, одна из высокопоставленных стражей, явилась навестить Блисс. Это была худощавая, элегантная светская дама из окружения Присциллы Дюпон; ее пышные белые волосы посередине прорезала иссиня-

черная полоса. Город знал ее как неутомимую благотворительницу и любительницу модных нарядов. Но тем вечером, когда она явилась в больничную палату к Блисс, все следы маски, рассчитанной на общество, исчезли. Перед Блисс был грозный, проживший много веков вампир. Девушка видела на ее лице слабое свечение голубой крови под кожей.

Нэн представилась Блисс, потом уселась рядом с кроватью.

К этому моменту к телу Блисс вернулась чувствительность, и девушка взбодрилась.

— Возьми меня за руки, дитя, — мягко произнесла Нэн.

Блисс вложила свои ладони в мягкие руки старой дамы. Руки Нэн были гладкими, без морщин.

— Теперь закрой глаза и возьми меня с собой в сегодняшний вечер. Покажи мне все, что ты видела.

Контроль. Блисс поняла, что Нэн собирается использовать контроль, чтобы читать ее мысли. Она должна открыть разум и позволить старой женщине смотреть.

Блисс кивнула. Она закрыла глаза.

Теперь они вместе видели, что произошло. Они увидели, как Блисс сидела в приемной и ожидала Кингсли. Они увидели, как Ренфилд принес Присцилле Дюпон список дел. Они увидели, как Шайлер вошла и спросила, не видала ли Блисс Оливера. Они увидели, как несколько девушек из Дачезне получают книги для следующего собрания Комитета.

Потом все почернело. Темный ядовитый дым заполнил помещение...

Блисс ждала, что сейчас появится тварь, но они не видели ничего, кроме густого черного дыма.

Когда девушка открыла глаза, Нэн что-то быстро писала у себя в блокноте.

— Хорошо, — наконец сказала страж, отложив ручку. — Теперь будь так добра, приподними волосы и покажи мне тыльную сторону шеи.

Тыльную сторону шеи?

Блисс повиновалась. Нэн кивнула.

— Можешь опустить волосы.

После ухода стража в палату вошел отец и крепко обнял Блисс.

В чем бы ни заключалось испытание, похоже, она его прошла.

Тыльная сторона шеи...

Часть испытания...

Блисс вспомнились волосы Кингсли; они были такие длинные, что постоянно закрывали тыльную часть шеи. Веяние моды? Или он что-то скрывал?

Кингсли... Кингсли, постоянно носивший с собой ту книгу, «Materia ascerbus» — «Темная материя». Кингсли, подучивший ее вступить в переговоры с тварью из ее кошмаров.

Кингсли Мартин из очень-очень старой семьи Голубой крови. Одной из самых могущественных и влиятельных...

Блисс закрыла глаза. Она снова увидела ту самую тварь, и тварь заговорила с ней. Она произнесла всего одно слово...

«Сейчас».

ГЛАВА 40

Шайлер чистила зубы, и тут зазвонил ее мобильник. Она наскоро прополоскала рот, сплюнула, быстро вытерла лицо и помчалась к телефону. Было раннее утро, и девушка собиралась в школу.

— Чего?

— Разве так отвечают по телефону?

— Ой, Блисс! Привет! Извини, я думала, это Оливер. Он вечно звонит по утрам.

— Извини, что разочаровала тебя.

— Вовсе нет. Как ты себя чувствуешь? — спросила Шайлер.

Она собиралась навестить Блисс в больнице, но последние несколько дней выдались просто сумасшедшие; Шайлер пыталась одновременно управиться с насыщенным школьным расписанием, вампирскими уроками и тем фактом, что ее дедушка собирается вступить в генеральное сражение всей его жизни. Было объявлено открытое голосование, и выборы приближались.

— Получше, — сказала Блисс. — Ты... э-э... в курсе, что со мной произошло?

— Угу, — отозвалась Шайлер. — Дедушка сказал, что это был Кроатан, но ты в безопасности.

Блисс рассказала Шайлер про испытание, про то, как она открывала разум перед Нэн Кластер, и про то, что отметины исчезли с ее шеи.

— Со мной было то же самое, — сказала Блисс. — Помнишь? Тем вечером, когда мы были на фотосессии.

— Да.

— На меня тогда напали, но отметины исчезли. И я ничего не могла вспомнить.

— Еще она хотела посмотреть у меня тыльную часть шеи. Правда странно?

Шайлер кивнула, позабыв, что Блисс ее не видит.

— На самом деле это тоже часть испытания — мне дедушка сказал. Нэн приходила и сюда. Проверить меня.

— Что, правда? Так я не одна?

— Нет, конечно! Проверяли всех, кто там находился.

— Клево.

— Ну так и чего?

— Слушай, я кое-что узнала от папы. Помнишь, Комитет постоянно твердил, что никакой Серебряной крови нет?

— Угу.

— Ну так вот, кажется, они передумали.

— Да, я тоже об этом слыхала, — отозвалась Шайлер.

Лоуренс держал ее в курсе событий в Совете. Теперь, когда был убит взрослый вампир, руководство общиной бурлило — там назревал мятеж. Серебряная кровь сделалась прискорбной прозой жизни, с которой приходилось считаться.

— Ну, как бы то ни было, папа считает, что это должен быть один из нас — кто-то высокопоставленный, из старого семейства, — сказала Блисс.

— Корделия тоже всегда это утверждала.

— Может, ты подумаешь, что я свихнулась, — продолжала Блисс, — но я, кажется, знаю, кто это сделал.

— Кто что сделал?

— В смысле — я, кажется, знаю, кто укрывает Серебряную кровь, — сказала Блисс. — Я думаю, Кингсли как-то с этим связан.

Блисс рассказала Шайлер о своих подозрениях и о том, как они совпали с тем, что отец рассказал ей об извращении — об интересе Кингсли к темной материи, о той странной книге, которую он постоянно читал, о том, что он был знаком с историей и мифологией Серебряной крови.

Шайлер присвистнула.

— Даже не знаю... звучит подозрительно, да, но тебе не кажется, что выводы немного скоропалительные?

— Может быть, но я застряла тут до следующей недели, — сказала Блисс. — А вы с Оливером не сможете приглядеть за этим?

Ближе к концу недели Шайлер с Оливером раскопали несколько интересных фактов про новичка. В Хранилище был наведен хотя бы относительный порядок — фактор велокс оказался очень кстати. Пыль и штукатурку убрали, и о взрыве теперь напоминала лишь небольшая, толщиной с волосок, трещина в мраморном полу. Просто поразительно, на что способны вампиры, если поставят себе какую-то цель.

Проследить за чередой местопребываний Кингсли оказалось несложно благодаря широкому кругу знакомств Оливера в частных школах, а также благодаря хитроумной компьютерной слежке.

Шайлер позвонила Блисс в больницу, чтобы сообщить, что они обнаружили.

— Мартины приехали в Нью-Йорк тем самым вечером, когда, как ты говоришь, убили Дилана, — сказала она. — И мы выяснили, что Кингсли был в летней школе в Хотчкиссе, там, где убили ту девушку. И он провел неделю в Чоате, в гостях у друга — там, где прямо перед началом занятий нашли мертвым одного второкурсника. Он был здесь, в Нью-Йорке, в ту ночь, когда в «Квартале сто двадцать два» убили Эгги, и еще он был на вечеринке, на которой умер Лэндон Шлессингер.

— Так я и знала! — воскликнула Блисс.

— И еще одно: Кингсли был последним, кто навещал Саммер Армори. Оливер сказал, что ходят слухи, будто они встречались. Так что он присутствовал неподалеку от места всех преступлений. Но полностью я не уверена, это может быть и простым совпадением. Куча молодежи Голубой крови посещает летнюю школу в Хотчкиссе, ездит в Чоат, были тем вечером в «Квартале сто двадцать два» и были знакомы с Лэндоном Шлессингером. А Саммер Армори много с кем встречалась. Я уверена, что, если постараться, мы найдем еще нескольких, кто подпадет под все пункты списка.

— Нет, это наверняка он. Я уверена! — решительно произнесла Блисс.

— Ты собираешься рассказать отцу об этом?

— Я даже не знаю... Он — кто-то вроде консультанта при семье

Кингсли. В смысле...

— Давай я расскажу Лоуренсу, — предложила Шайлер. — Он разберется, что с этим делать.

Когда Шайлер за ужином изложила Лоуренсу все подозрения Блисс и свидетельства в пользу обвинения, дедушка даже не оторвал взгляда от своего бифштекса на ребрышках.

— Любопытно, — рассеянно произнес он.

— Правда любопытно? — спросила Шайлер. — Как ты думаешь, не кроется ли за этим что-нибудь?

Лоуренс глотнул вина из бокала.

— Возможно.

Больше он ничего не сказал на эту тему, и Шайлер за весь вечер ничего не смогла из него вытянуть.

ГЛАВА 41

Следствие Комитета по поводу инцидента в Хранилище созвало публичное слушание; на него вызвали всех свидетелей нападения, чтобы они дали показания Комитету. Слушание проходило в одном из огромных залов судебного заседания, расположенных под Хранилищем. Члены Совета уселись в ряд на высоком помосте, лицом к собравшимся. В центре сидел Чарльз Форс. Лоуренс ван Ален на правом краю ряда уже, как обычно, пыхал сигарой. Новый глава стражей, Эдмунд Эрлих, в миру — известный историк искусств и владелец художественной галереи, вел судебное разбирательство со своего места на помосте. Сбоку находилось небольшое возвышение — на него вызывали свидетелей. Перед помостом стоял инквизитор, официальный обвинитель, выступающий от имени Комитета.

Зал был забит представителями почти всех семейств Голубой крови. По мере того как Шайлер, Джек, Блисс и Оливер поочередно излагали свои версии произошедшего, напряжение возрастало.

Теперь они сидели бок о бок в переднем ряду. Рядом с Джеком расположилась Мими. До нее очередь еще не дошла. От этого расследования она сильно нервничала, но решила, что как-нибудь выкрутится. В конце концов, она же не хотела причинить вред Блисс или убить Присциллу Дюпон — вовсе нет! До старой перечницы ей вовсе не было никакого дела. Это просто несчастный случай. Они это поймут. А раз мотива преступления нет, они не смогут определить, что это она виновата. Мими ухватила за руку брата, и Джек ответил ей сердечным рукопожатием.

Инквизитор вызвал для дачи показаний Кингсли Мартина.

— Назовите свое имя для протокола.

— Кингсли Дрексель Мартин.

— И вашу должность.

Должность? Мими приподняла бровь. Что бы это значило?

— Я — ищущий истину. Веритас венатор. Комитет поручил мне расследование смертей нескольких представителей Голубой крови: Эгги Карондоле, Дилана Варда, Саммер Армори, Натали Гетти, Лэндона Шлессингера и Грейсона Сент-Джеймса.

Присутствующие принялись перешептываться. Взрослые представители Голубой крови знали, что венаторы — это тайная полиция Комитета, бесстрашные воины, сражающиеся, чтобы уберечь Голубую кровь от беды и обнаружения.

— Ваше задание? — продолжал инквизитор.

— Меня отправили в школу Дачезне собирать любые сведения, которые могли бы помочь выявить врага, — ровным тоном произнес Кингсли.

Новая волна перешептываний, более взволнованных. Венатора отправили в одно из их самых безопасных прибежищ — Дачезне! О чем только думал Комитет, посылая столь могущественного своего представителя шпионить за школьниками?

— Кто входил в число подозреваемых?

— Маделайн Форс. Блисс Ллевеллин. Шайлер ван Ален.

На этот раз присутствующие просто ахнули. Так Кингсли, оказывается, тайный агент! Современный Джонни Депп из «Джамп-стрит, 21», притворяющийся юнцом-шалопаем.

Шайлер ахнула, Блисс, не сдержавшись, рассмеялась, а Мими лишь скрипнула зубами. Ах ты мерзавец!

— И что показали добытые вами сведения?

— Шайлер ван Ален я исключил сразу. Она дважды подвергалась нападениям Серебряной крови и не выказывала никаких признаков влечения к темной материи, — произнес Кингсли.

Он достал из кармана куртки небольшой блокнот и принялся листать его.

— Блисс Ллевеллин была более многообещающим объектом. Она жаловалась на кошмары и галлюцинации, сходные с теми, которыми страдала Мэгги Стэнфорд перед смертью. Но исходя из этих галлюцинаций я пришел к выводу, что Блисс — возможная жертва, а не преступник.

— А Маделайн?

— Я пришел к выводу, что Маделайн Форс укрывает Серебряную кровь, нападающую на членов нашей общины, — почти небрежно произнес Кингсли.

— Тихо! Требую тишины в зале суда! — приказал глава стражей.

Аудитория забурилась. Некоторые вампиры повскакивали со своих мест; послышались шиканье и свист. Мими Форс, дочь Региса, — сообщница Серебряной крови? Что за идиотская шутка?

— На чем основываются ваши выводы? — проворчал со своего сиденья на помосте глава стражей.

— Она выражала желание узнать побольше о темной материи. В частности, она желала знать, как произвести инкантацион демоната. Вызов Серебряной крови.

— А она говорила, почему этого хочет?

— Она сказала, что хочет покончить со своим врагом, — заявил Кингсли, глядя прямо на Мими.

Мими заерзала на кресле.

Ложь, сплошная ложь! Перестань говорить! Замолчи! Заткнись! Ты же был моим другом! Предатель!

— И это была Блисс Ллевеллин.

— Нет.

— Нет? — Инквизитор слегка удивился.

— Нет.

— Тогда кто же был намечен в качестве цели?

— Шайлер ван Ален.

Аудитория снова возмущенно загудела.

Шайлер оцепенела. Так все-таки у нее не паранойя — Мими и вправду хочет уничтожить ее! Девушка вспомнила сон, в котором мать очнулась и заговорила с ней.

Что тогда сказала Аллегра?

«Берегись».

— Почему вы позволили ей исполнить заклинание? — спросил глава стражей.

— Мне требовались доказательства. Я думал, что сумею удержать происходящее под контролем, остановить заклинание прежде, чем что-либо случится. Но я не сумел. Было очевидно, что

она делала это и раньше. Неоднократно.

— Благодарю вас, венатор.

Кингсли сошел с возвышения. Теперь, когда стала известна его подлинная личность, он выглядел гораздо старше и сделалось ясно, что самоуверенный подросток — всего лишь видимость, маска. Он медленно прошел на свое место в переднем ряду, рядом с учениками Дачезне, и те почтительно расступились перед ним.

— Теперь следствие вызывает для дачи показаний Чарльза Форса, — объявил глава стражей.

Глава Совета тяжело прошел со своего места на помосте к скамье свидетелей. Его собственная дочь — и укрывает Серебряную кровь! По лицу Форса видно было, как тяготит его этот позор. При искусственном освещении его серебряные волосы выглядели белыми, а под глазами набрякли мешки. Он казался сейчас сломленным человеком, а не неутомимым вождем вампиров.

— Назовите ваше полное имя для протокола, — велел инквизитор.

— Чарльз ван Ален Форс.

— Подтверждаете ли вы, что ваша дочь связывалась с черными заклинаниями?

— Да, но... — отозвался Чарльз, вытирая лоб шелковым носовым платком.

— С колдовством. С запрещенными заклинаниями.

— Да, но...

— Вопросов больше не имею. Благодарю вас, — произнес инквизитор, обрывая свидетельство Форса.

Казалось, будто Чарльз хочет сказать еще что-то, но слова застыли у него на губах. Он был мертвенно-бледным и, казалось, лишился мужества. Он сошел с возвышения и вернулся на свое место среди членов Совета.

Никто из них не смотрел на своего главу, а кое-где в зале снова послышались свист и шиканье.

— В качестве последнего свидетельства против Маделайн Форс мы предоставим метку. Полагаю, мы обнаружим таковую на тыльной

стороне ее шеи, — объявил инквизитор.

— Это полная чушь! Нет у меня никакой метки Люцифера — не больше, чем у любого из вас! — возмутилась Мими.

Ей хотелось кричать. Это издевательство какое-то! Ее подставили!

— Будьте добры, поднимите волосы, — распорядился глава стражей.

Мими собрала и приподняла волосы. Она уже проделывала это для Нэн Катлер накануне, когда та приходила проводить испытание. Тогда ничего не произошло, и Мими была уверена, что она очищена от подозрений. Члены Совета принялись возбужденно переговариваться.

— Что такое?

«Твоя шея, Мими. У тебя что-то с шеей».

«Джек, ты меня пугаешь».

Девушка ощупала тыльную часть шеи. Какая-то выпуклость на коже. Татуировка. Или скорее ожог, вроде как от тавра, которым клеймят скот.

Приговор суда был быстрым и решительным. Мими — преступница. Ее признали виновной в том, что она вступила в сговор с Серебряной кровью. Ее решено было поместить в древнюю тюрьму в Венеции; там ее кровь будет сожжена, а память уничтожена, и ей не суждены будут дальнейшие воплощения. Был установлен залог в миллион долларов, и отец Мими незамедлительно уплатил его, так что девушку отпустили под его ответственность.

Мими взглянула на Джека.

«Этого не может быть... Я этого не делала. Ты же знаешь, что я этого не делала!»

«Я знаю. Знаю».

Джек обнял сестру, но вид у него был встревоженный. Мими приговорена к сожжению! Мими!

Двойняшки Форс подождали, пока Чарльз спустится к ним с возвышения. Он по-прежнему выглядел все таким же потрясенным и, кажется, плохо воспринимал окружающую действительность.

— Отец, что мы можем сделать? — спросила Мими. — Ведь конечно же...

Чарльз Форс был в ужасе.

— Ничего...

— Ничего?

— Существует лишь один способ опровергнуть Метку Люцифера. Если ты подчинишься еще более древнему обычаю. Испытанию крови. Но провести его способна лишь Габриэлла... Аллегра ван Ален.

— Габриэлла? — переспросила Мими.

У нее упало сердце.

— Да.

Да уж, от этого обычая ей никакого толку нет. Аллегра в коме и никогда не очнется.

— Так что я ничего не могу сделать, чтобы доказать свою невиновность? — спросила Мими.

— Ничего.

ГЛАВА 42

Слушатели, присутствовавшие на открытом заседании, рассеялись по верхней части Хранилища. Шайлер ожидала дедушку у выхода. Оливер уже ушел: он вспомнил, что у него сегодня контрольная по тригонометрии и ему никак нельзя ее пропускать. Им и так выписывали специальное разрешение, чтобы они могли присутствовать на этом утреннем слушании. Шайлер понимала, что ей следует вернуться вместе с Оливером, но ей хотелось услышать, что дедушка скажет обо всей этой ситуации.

Лоуренс вышел из штаб-квартиры Совета в компании с Эдмундом Эрлихом и Нэн Катлер.

— Давай прощаться, Лоуренс, — с поклоном произнес Эдмунд. — Это же просто издевательство какое-то, что подобное произошло в нашей общине.

— Уверяем тебя, когда подойдет срок, ты можешь рассчитывать на наши голоса, — добавила Нэн, похлопав Лоуренса по руке. — Нам следовало прислушаться к тебе четыреста лет назад. Подумать только — мерзость проникла в королевскую семью!

— Спасибо, — кивнул Лоуренс. Он повернулся к Шайлер. — Ну так что ты думаешь о Кингсли Мартине теперь?

Они двинулись вверх по лестнице, к боковым дверям клуба «Квартал-122», куда допускались только вампиры, и вышли через них на улицу.

— Так значит, все это случилось из-за Мими, — изумленно произнесла Шайлер. — Мими...

Ей по-прежнему плохо верилось в это, в особенности в сочетании с так и не исчезнувшими подозрениями касательно Кингсли.

— А ты знал, что Кингсли — венатор?

Лоуренс кивнул.

— Да.

Шайлер вспомнила слова, которые как-то утром Кингсли бросил

Джеку. «Вы были бы пустым местом без моей семьи и той жертвы, которую мы принесли».

— Но ты была права, внучка. Кингсли принадлежит к Серебряной крови, — произнес Лоуренс, взмахом руки подзывая Юлиуса, который ожидал их с лимузином.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Шайлер.

Лоуренс распахнул дверцу автомобиля, и девушка уселась в него.

— Он из старинной семьи. Из древних воителей. Они были совращены самим Люцифером, но вернулись в круг Голубой крови, раскаявшись в своих деяниях. И они научились контролировать мерзость, голод, голоса, звучащие в сознании, — произнес Лоуренс, закрывая дверцу. — Юлиус, в Дачезне, пожалуйста. Сперва мы отвезем Шайлер туда, а потом уже я поеду домой, — сказал он, постучав по стеклу, отделяющему водителя от пассажиров.

Они проехали через Челси к Вест-Сайдскому шоссе. Начался очередной серый нью-йоркский день.

— Но как мы можем доверять им?

— Мы доверяли им тысячи лет. Кингсли Мартин относится к Серебряной крови лишь в силу своего прошлого. Его кровь такая же голубая, как у нас с тобой. Они отреклись от верности Люциферу и очень помогли нам в поисках участника преступного сговора. — Лоуренс вздохнул. — И все же...

— И все же что?..

— И все же... что-то в этом деле меня беспокоит. Ты веришь, что Мими Форс виновна?

— Да, — решительно ответила Шайлер. — Она просто ужасна, дедушка.

— И знать, что ты была ее целью, — это повод серьезно обеспокоиться, да. Но...

— Но что?

— Но если целью была ты, почему убитой оказалась Присцилла? И пострадала дочка Ллевеллина? Что-то не сходится.

Шайлер пожала плечами. Возможно, ей не следовало судить так

поспешно — но разве Комитет не сделал то же самое? И в ее сердце не было ни капли жалости к Мими. В конце концов, эта девушка послала Серебряную кровь убить ее.

— Ты же слышал, что сказал Кингсли. И он — венатор. Разве это не означает, что он обязан говорить правду? Всегда?

Лоуренс кивнул.

— Да. Чарльз всегда доверял им. Он был одним из тех, кто снова привлек их на нашу сторону. Но я не знаю. Мартины всегда внушали мне какие-то сомнения.

Автомобиль остановился у ворот школы Дачезне. Шайлер поцеловала дедушку в щеку и выпрыгнула из машины.

— Твоя бабушка всегда говорила, что не стоит доверять блестящей внешности. За ней скрывается множество недостатков.

Едва лишь войдя в школу, Шайлер столкнулась с Джеком Форсом, он как раз вошел через боковую дверь. Джек по-прежнему был одет в тот же темно-серый костюм, который был на нем во время слушания, и глаза его покраснели, как будто он плакал. Шайлер стало жалко его. Хотя сама она и не любила Мими, Джек служил живым напоминанием того, что кто-то считает иначе.

— Она этого не делала, правда, — произнес он, прежде чем Шайлер успела что-либо сказать.

Шайлер вспыхнула, подумав: «Она хотела уничтожить меня! Она сама это признала!» Но Джек сдержанно поправил:

— Но суд установил не это.

Внезапно тон его сменился на умоляющий.

— Мими эгоистична, но она не злая.

Тут прозвенел звонок, возвещающий об окончании обеденного перерыва и начале занятий. Студенты ринулись из столовой вверх по лестнице, запрудив мраморный вестибюль, где стояли Джек с Шайлер. Некоторые, заметив эту беседующую парочку, принялись перешептываться. Отдельные голубокровные, присутствовавшие на слушании, смотрели на Джека с сочувствием, другие же — с ненавистью, а один даже засвистел. На сегодня было назначено особое собрание Комитета, чтобы предупредить младших членов о последних открытиях.

— Она никогда не причинила бы вреда другому, — продолжал отстаивать сестру Джек. — Она тебя вовсе не ненавидит. Ну, на самом деле.

Он жалел, что не может объяснить это Шайлер.

«Это не тебя она ненавидит, Шайлер, а меня. Она просто обратила свой гнев наружу, потому что не смогла заставить себя возненавидеть того, кого любит. А меня она ненавидит за то, что я сделал, — за то, что я полюбил тебя».

Шайлер скептически взглянула на него, но промолчала. Мими Форс. Азраил. Ангел смерти. Разве это не работа Мими — обрывать жизнь? К удивлению девушки, Джек словно бы прочел ее мысли.

— Ты не понимаешь — это часть равновесия. Мы те, кто мы есть. Смерть — это тоже часть жизни. Это дар Красной крови. Мими — часть великого плана, — произнес Джек.

Шайлер пожала плечами.

— Я как-то в этом не уверена, — сказала она. — Пока, Джек.

ГЛАВА 43

Лоуренс сосредоточенно изучал архивы из Хранилища и заметил, что одна из газетных вырезок полностью сгорела — кроме даты в заголовке. Двадцать третье ноября 1872 года. Он все еще размышлял над этим, когда Шайлер вернулась из школы. Она рассказала дедушке, что сегодня днем Джек Форс смог прочесть ее мысли.

— Я думала, что защищена от телепатии, и все-таки он заглянул ко мне в сознание. Почему так получилось? — спросила Шайлер.

— Аббадон всегда был одним из самых одаренных провидцев, — объяснил Лоуренс. — Чтоб закрыть сознание от него, требуется кое-что побольше простого навыка оккультизма. Но иногда случается, что тех, кого влечет друг к другу, может объединять своего рода родство.

— Влечет друг к другу? — переспросила Шайлер.

— Ты наверняка заметила, что его влечет к тебе, — пояснил Лоуренс.

Шайлер покраснела.

Она надеялась, но никогда не думала, что это станет реальностью. И все же хотя Джек и был связан узами с Мими, он искал ее дружбы и намекал, что, быть может, заинтересован в чем-то большем. Однажды, давным-давно, он поцеловал ее. И тот парень в маске... Мог ли это быть он?

— Но он связан узами, — возразила Шайлер. — Этого не может быть.

— Нет. В нашем народе — нет. Аббадон всегда был таким. Ты не первая, кто испытывает его верность, — сказал Лоуренс. — Но это пройдет. Хвала небесам, что тебя к нему не влечет. Иначе это сулило бы беду вам обоим.

Шайлер устала сидеть на ковре под ногами, пытаясь понять, то ли дедушка испытывает ее, то ли попросту предполагает, что Шайлер выберет верный путь просто потому, что она — его внучка.

— Да, — отозвалась она. — И слава богу за это.

Внезапно у нее закружилась голова, а перед глазами все поплыло. У нее подогнулись ноги, но упасть девушка не успела: Лоуренс вскочил и поймал ее.

— Ты меня не послушалась! — мрачно произнес он. — Ты не взяла себе человека-фамильяра. Ты слабеешь.

Шайлер покачала головой.

— Шайлер, это дело серьезное. Если ты не возьмешь фамильяра, то с высокой степенью вероятности впадешь в кому, как твоя мать.

— Но я...

Лоуренс оборвал ее, отрывисто скомандовав:

— Ты должна отправиться на охоту и использовать соблазнение. Зов. Теперь другого выхода нет.

Церемония Оскулор — так назывался ритуал между вампиром и человеком — обычно служила развитием уже существующих отношений. Потому-то люди-фамильяры традиционно были любовниками или друзьями Голубой крови. Но кодекс также разрешал применять силу соблазнения, если вампир оказывался в безвыходном положении. Вампир мог использовать зов, чтобы притянуть человека к себе, а потом загипнотизировать его и напиться крови.

— Я научу тебя словам на священном языке, которые иницируют это воздействие, — произнес Лоуренс. — Сегодня вечером я пойду в клуб. И надеюсь, что, когда вернусь, ты уже выполнишь все, что нужно.

Вскоре после этого дедушка ушел, оставив Шайлер в ее комнате.

«Я не хочу! — горько подумала она. — Я не хочу делать это с чужим человеком. Я ни с кем не хочу это делать. Я вовсе не в безвыходном положении! Или все-таки в безвыходном?»

Потом кто-то постучал в дверь спальни Шайлер, словно бы привлеченный зовом.

— Что такое, Хэтти? — спросила Шайлер.

Дверь отворилась.

— Это не Хэтти, это я, — сказал Оливер и, ссутулившись, перешагнул через порог.

— Я не слышала, как открывалась входная дверь. Что ты здесь делаешь? — настороженно спросила Шайлер.

— Твой дедушка сказал, что ты хочешь, чтобы я зашел к тебе, — объяснил Оливер.

Ага. Так значит, Лоуренс сам прибег к зову. Только воспользовался для этого всего лишь телефоном.

«Очень умно, дедушка», — подумала Шайлер.

Оливер пересек комнату и сел на сундучок напротив кровати Шайлер. Он печально взглянул на девушку.

— Я тут подумал... если ты все еще хочешь, мы можем это сделать.

— Ты хочешь сказать...

— Да.

— Здесь? — спросила Шайлер, обведя взглядом свою комнату, с ее постерами «Эванесценс», розовым кукольным домиком Барби, с рядами обложек «Плейбилл», с плакатами «Рент», «Авеню кью», «Мальчика из страны Оз», развешанным по стенам еще с тех времен, когда Корделия регулярно брала ее с собой на бродвейские мюзиклы. Это все еще была детская спальня, выкрашенная в ярко-желтый цвет. Она не походила на логово вампира.

— А чем это место хуже любого другого? — Оливер пожал плечами. — Кроме того, так мне не придется тратиться на гостиничный номер.

— Ты точно уверен? — спросила Шайлер, коснувшись его руки.

— Да, — выдохнул Оливер. — Я знаю, что с тобой произойдет, если ты этого не сделаешь, и, между нами говоря, предпочту, чтобы ты не превращалась в овощ. Терпеть не могу овощи, — пошутил он. — Особенно брокколи... Ну, так как мы?.. — произнес Оливер. — Мне как, стоять? Или?..

Он встал и огляделся по сторонам. Он был настолько выше Шайлер!

— Нет, лучше сядь, — сказала Шайлер и мягким толчком отправила юношу на свою кровать. — Так я смогу до тебя достать.

Она встала между его ног. Оливер поднял на нее взгляд. Шайлер

подумалось, что он никогда еще не выглядел таким красивым — и таким уязвимым.

Оливер закрыл глаза.

— Только осторожно...

Шайлер наклонилась, поцеловала ямку в основании его шеи, а потом выпустила клыки и осторожно вонзила их в шею.

Оливер шумно втянул воздух сквозь зубы, словно бы от боли.

— Мне остановиться?

— Нет... продолжай, — отозвался юноша, махнув рукой.

— Я сделала тебе больно?

— Нет... На самом деле... даже приятно, — прошептал он.

Оливер положил руку девушке на голову и привлек ее обратно к своему горлу.

Шайлер закрыла глаза и снова погрузила клыки в шею юноши. При этом чувства ее обострились, а разум Оливера открылся перед ней. Память крови внезапно хлынула в нее. Это было в точности как рассказывала Блисс: она поглощала его душу, самое его существо и... что это? Теперь сознание Оливера было для нее открытой книгой, его кровь смешалась с ее кровью, воскрешая ее... и она могла прочитать любую его мысль, все, о чем он только думал в течение жизни... увидеть любое его воспоминание.

Оливер был влюблен в нее.

Он был влюблен в нее все это время. С тех самых пор, как они познакомились. Все эти долгие годы.

Шайлер давно подозревала это, но заглушала свою догадку. Однако теперь она подтвердилась. Девушка не могла больше отрицать очевидное.

«Ох, Олли! Мне не следовало это делать!»

Шайлер впала в отчаяние. Священное целование лишь усилит его любовь, а не развеет ее.

Теперь они связаны друг с другом новым, более сложным образом.

Этого Шайлер не ожидала. Она понимала теперь, что их дружбе

грозит опасность. Возврата назад нет. Им остается лишь идти вперед. Существовать как вампир и фамильяр. Связанные древним ритуалом крови.

Шайлер закончила. Она насытилась. Она вытащила клыки и почувствовала, как животворная энергия течет по телу. Ощущение было такое, будто она проглотила несколько галлонов высококлассного кофе. На щеках девушки играл румянец, а глаза блестели.

Голова Оливера упала на грудь. Он уже спал. Шайлер осторожно положила его на кровать, где ему предстояло отдыхать ближайшие несколько часов, и накрыла собственным одеялом.

«Что я наделала?» — подумала Шайлер, чувствуя, как ее зрение и прочие чувства обостряются.

Сумеют ли они скрыть эту тайну от Комитета? А вдруг Оливера изгонят, обнаружив, что проводник стал фамильяром? Шайлер помнила, как Корделия говорила ей, что Аллегра вышла замуж за отца Шайлер, своего фамильяра, вопреки кодексу вампиров. Ее мать сменила одни узы на другие.

А как же теперь Джек?

Когда Оливер проснулся, Шайлер сидела за столом и смотрела на него.

— Ну, — сказал юноша, почесывая шею, где все еще саднили отметины от зубов, — думаю, это можно назвать — о пользе друзей.

Они дружно рассмеялись.

Шайлер бросила в него подушкой. Она проводила Оливера до дверей и еще раз поблагодарила. А он перед уходом поцеловал ее в губы. Быстро, едва коснувшись, но все-таки в губы.

Шайлер заперла за ним дверь. У нее было тяжело на сердце.

«Это было ошибкой».

ГЛАВА 44

Отдельная палата Аллегры ван Ален располагалась на верхнем этаже Колумбийской пресвитерианской больницы, в отдельном крыле, где размещались богатые и знаменитые пациенты, уже идущие на поправку. Комната была отделана в стиле, более уместном для лучших гостиниц города: белое итальянское постельное белье, роскошные ковры и хрустальные вазы со свежесрезанными цветами. Каждый день бригада медсестер делала Аллегре массаж и растирала ее тело, чтобы уберечь от пролежней и атрофии мышц.

Правда, сама Аллегра этого не замечала. Некогда она была самой прославленной красавицей этого города, а теперь лежала, погрузившись в сон и не замечая ничего вокруг, — женщина с прекрасным и трагическим прошлым, но без будущего. Стоявший рядом с кроватью монитор сердечной деятельности показывал, что пульс у пациентки ровный. Долгое время в палате не было слышно ничего, кроме размеренного попискивания механизма.

Лоуренс ван Ален сидел в кресле напротив кровати Аллегры. Он пришел навестить дочь впервые с момента своего возвращения. Он долго откладывал этот визит, предчувствуя, как тяжело ему будет увидеть своего ребенка в таком плачевном состоянии.

— Ох, Габриэлла, — сказал он, в конце концов. — Как же оно так получилось?

— Она тебя не слышит, — произнес Чарльз Форс, входя в комнату.

Он нес еще одну вазу с цветами. Чарльз поставил цветы на столик рядом с кроватью. Он не удивился, обнаружив здесь Лоуренса.

— Она решила не слышать, — сказал Лоуренс. — Это все ты.

— Я тут ни при чем. Она все решала сама.

— Может, и так, но все равно это твоя вина. Если бы ты не...

— Ты хочешь сказать — если бы я не спас ее во Флоренции? Если бы я тогда позволил твари добраться до нее? Тогда она не впала бы в кому? А какая была альтернатива? Позволить ей умереть? Что

мне было делать? Скажи, отец!

— То, что ты сделал, было против законов вселенной. Это было ее время, Михаил. Ее время уходить.

— Не говори мне о времени! Ты понятия не имеешь, что произошло! Тебя здесь не было! — с горечью отозвался Чарльз.

Он коснулся щеки Аллегры и с нежностью погладил ее.

— Когда-нибудь она пробудится. Пробудится из любви ко мне.

— Очень прискорбно, Михаил, что ты до сих пор ничего не понял. Она никогда не будет любить тебя так, как любила прежде. Она не поймет того выбора, что сделал ты. Тебе следовало позволить ей умереть. Она никогда не простит тебя.

У Чарльза Форса задрожали плечи.

— Почему ты разговариваешь со мной, словно с несмышленным мальчишкой? Она покинула небеса только ради любви к вам с Корделией, когда вы были изгнаны.

— Да. Мы были обречены, мы, приверженцы Люцифера. Но твоя сестра принесла нам надежду. Она по собственному выбору стала одной из не-мертвых.

— А я по собственному выбору последовал за ней.

Лоуренс задумался над их древней историей. Каким давним казалось все это теперь: Люцифер, восходящий на трон, Князь небес во всей его славе, его сверкающая звезда, восходящая, прекрасная, словно солнце. Он был могущественным, как сам Бог, или так они думали во вред себе. Их страдания. Их безжалостное изгнание из рая и Габриэлла, Добродетельная, добровольно вызвавшаяся уйти с приспешниками Люцифера, чтобы принести себе подобным надежду и спасение. Она отвернулась от небес из любви к ним, а Михаил последовал за ней, потому что не смог вынести разлуки с любимой. Их двоих называли неразвращенными, потому что на них не лежал грех изгнания. Они ушли по собственной воле. Ради любви и долга.

— Итак, ты победил, Лоуренс. После стольких лет ты все-таки получил желаемое. Получил Совет.

Открытое голосование было созвано нынешним утром, и Лоуренса избрали Регисом почти единогласно. Чарльза немедленно лишили титула и обязанностей. Его репутация серьезно пострадала

после того, как Мими была признана виновной. Едва лишь эти новости были обнародованы, Чарльз подал заявление о выходе из Совета старейшин.

— Я никогда не хотел сместить тебя, Чарльз. Я только хотел избавить нас от опасности.

— От опасности? Избавиться от опасности невозможно. Все, что ты сделал, — посеял страх и слабость. Ты заставишь нас снова отступить. Уйти в тень. Во тьму, где мы будем прятаться, подобно животным.

— Это будет не отступление, а тактический маневр, который мы сможем подготовить. Потому что война надвигается, и на этот раз ты никак не сумеешь ее предотвратить. Серебряная кровь набирает силы, и будущее этого мира решится раз и навсегда.

Чарльз Форс промолчал. Он подошел к окну и стал смотреть на Гудзон. По водной глади медленно двигалась баржа; послышался печальный крик чайки.

— Но у меня есть надежда. Предсказано, что дочь Аллегры повергнет Серебряную кровь. Я верю, что Шайлер принесет нам спасение, которого мы взыскуем, — сказал Лоуренс. — Она почти так же сильна, как ее мать. — Он рассказал Чарльзу о поразительных способностях Шайлер. — А когда-нибудь она даже превзойдет ее.

— Шайлер ван Ален... полукровка? — принялся размышлять вслух Чарльз. — Ты уверен, что речь идет именно о ней?

Лоуренс кивнул.

— Потому что у Аллегры было две дочери, — почти шутливо произнес Чарльз. — Наверняка даже ты помнишь об этом.

ГЛАВА 45

По какому-то совпадению осуждение Мими и приведение приговора в исполнение было назначено на «лыжную неделю» в марте, и Мими позволила себе притворяться, будто вся семья просто едет на каникулы в Венецию. Вся надвигающаяся перспектива — сожжение крови, ее неминуемое уничтожение — казалась девушке полной нелепостью.

Она была уверена, что отец найдет какой-нибудь способ спасти ее от подобной участи, и во время перелета через океан Мими листала модные журналы и отмечала наряды, которые купит, вернувшись в Нью-Йорк. Но едва лишь они прибыли в Венецию, бравада Мими дала трещину. Особенно когда члены Совета провели их с Чарльзом в отведенную им гостиницу. Они тоже приехали в древнюю тюрьму, дабы стать свидетелями завершающей церемонии.

В комфортабельной спальне, где Мими по-прежнему могла смотреть по телевизору «Мои прекрасные шестнадцать» и «Тиарагерлс», трудно было поверить в смерть и сожжение. Но стоило ступить на полузатопленные тротуары Венеции, и прошлое оживало, и воспоминания Мими пронзительно вопили об охоте: смерть врагов Голубой крови, черные одежды презрения на извращенных предателях, крики о вине.

Мими содрогнулась.

Традиция требовала, чтобы подсудимый добровольно сдался тюремщику, и после приезда Мими вечером покинула гостиницу и совершила историческую прогулку по мосту Вздохов, успевшему повидать тысячи заключенных Голубой крови.

Мост нарекли так потому, что он был последним местом, с которого осужденные могли взглянуть на город. Девушка легкой походкой прошла по нему. Бок о бок с ней шагал Джек, молчаливый и угрюмый. В нескольких шагах за ними, завершая процессию, следовали старейшины и стражи. Мими слышала тяжелую поступь мужских ботинок и более легкий перестук дамских туфель.

— Не надо, — бросила Мими брату.

— Что не надо?

«Не надо вести себя так, будто я уже умерла. Вот я, например, не сдаюсь».

Мими вызывающе вскинула голову.

— Я не беспокоюсь! Они поймут, что меня подставили!

— Ты никогда не сдаешься? — спросил Джек.

На губах его появилась тень улыбки.

Его приятно удивило, что сестра остается такой же дерзкой и самоуверенной, как и всегда. Ее храбрость была достойна восхищения.

— Я смеюсь в лицо смерти. Хотя, с другой стороны, я и есть смерть.

Они остановились посреди моста, вспоминая другую прогулку, другую эпоху, их общее прошлое. Более счастливые времена.

Тут Мими осенило. Она повернулась к брату. Они стояли лицом к лицу, словно века назад.

— Я отдаю себя тебе, — прошептала Мими, вкладывая свои руки в руки Джека.

Это были священные слова, с которых начиналась церемония. Они влекли за собой возникновение уз. Джеку достаточно было повторить эти слова, обращаясь к Мими, и их узы были бы заключены вновь в новой жизни. В этой жизни.

Джек удержал ее изящные руки, поднес к губам и поцеловал крепко и страстно. Юноша закрыл глаза. Он чувствовал, как дрожат пальцы Мими, а сознание его наполнила ее любовь, ее желание, вся ее душа, на грани ожидающая его ответа.

— Нет. Не сейчас, — вздохнул Джек, крепко держа сестру за руки, и открыл глаза, чтобы она могла в них заглянуть.

— Если не сейчас, то когда же? — спросила Мими.

В голосе ее дрожали слезы. Она так любила его! Он принадлежал ей. Она принадлежала ему. Таков был обычай их народа. Их бессмертная история.

— Может оказаться, что мое время истекает. Наше время истекает.

— Нет! — произнес Джек. — Я этого не допущу! Ни за что!

Он отвел взгляд и высвободил руки.

Разъяренная Мими скрестила руки на груди и посмотрела, что же отвлекло Джека.

В нескольких шагах за ним шла Шайлер ван Ален с дедом. Ну надо же! Эта гадина что, не может оставить ее в покое? Она же и так победила, чего ей еще?

— Подожди, — сказал Джек. — Это не то, что ты думаешь. Мне нужно поговорить с Шайлер.

Мими смотрела вслед Джеку, направившемуся к ее сопернице. Ее что, не могут не доводить хотя бы в ночь ее осуждения?

Когда Джек Форс вдруг возник рядом с ней, Шайлер испуганно вздрогнула.

Она приехала в Венецию с Лоуренсом по просьбе бабушки. Мысль о том, что ей придется быть свидетельницей смерти Мими, не вызвала у девушки удовольствия, но, как и сама Мими, Шайлер не могла до конца поверить, что это и вправду случится.

— Ты знаешь про суд крови, — сказал Джек.

Шайлер кивнула.

— Да. Бабушка сказал, что это единственный способ установить, что же на самом деле произошло тем вечером. Единственный способ заставить Совет отменить свое решение.

Шайлер не сказала, что Лоуренс поведал ей еще кое-какие детали о суде крови. Во время их вампирских уроков бабушка вкратце изложил ей историю ее матери и сообщил, что Габриэлла была единственным вампиром, способным его проводить: как одна из самых высокопоставленных венаторов, Габриэлла могла отличить память крови от лжи.

— Ты — дочь Аллегры, и ты могла унаследовать эту способность, — сказал тогда Лоуренс. — Возможно, ты сумеешь снять обвинение с Мими Форс.

— Бабушка! — взмолилась Шайлер. — Я не... Я не могу...

— Выслушай меня внимательно. Суд крови означает, что тебе придется выпить крови Мими, чтобы выяснить, что же на самом деле

произошло тем вечером. Лишь неразвращенная обладала силой, позволяющей по памяти крови отделить подлинные воспоминания от лжи. Но это сопряжено с большим риском: если пить кровь другого вампира, существует вероятность, что ты поддашься тому же искушению, что одолело Серебряную кровь, убьешь Мими и сама будешь обречена превратиться в мерзость. И лишь тебе решать, готова ли ты пойти на такой риск.

— А если я решу не рисковать? — спросила Шайлер.

— Тогда приговор будет приведен в исполнение.

Мысль о том, что жизнь Мими находится в ее руках, действовала на Шайлер угнетающе. Рисковать собственной жизнью, чтобы спасти врага?! Как она может добровольно вызваться на такое дело? Шайлер отправилась в больницу к матери, надеясь обрести подсказку.

Аллегра спокойно спала в своей постели.

— Я не знаю, как мне быть. Если я этого не сделаю, Мими умрет. Но если сделаю, тогда уже я могу превратиться в чудовище... Мама, скажи, что мне делать? Помоги мне!

Однако Аллегра, как обычно, не издала ни вздоха.

И вот теперь на Шайлер внимательно смотрел Джек. Что он имел в виду, поднимая этот вопрос сейчас? Разве ему не следовало бы находиться рядом с Мими и помогать ей смириться с неизбежностью? Джек оглянулся на Лоуренса; тот пристально смотрел на них. Юноша снова перевел взгляд на Шайлер.

— Ты — дочь своей матери. Только ты можешь провести суд крови.

Шайлер отступила на шаг.

Лоуренс кашлянул, но прикусил язык.

— Лоуренс, ты же сам говорил, что Шайлер дарованы такие силы, какими не обладает никто из нас! Шайлер, пожалуйста! Умоляю тебя! — произнес Джек. На глазах его блеснули слезы. — Ты ее единственный шанс. Они же уничтожат ее!

И внезапно Шайлер осознала, что стоит на кону. Совет не собирався шутить. Это не было игрой, затеянной ради забавы. Они провели расследование и объявили приговор. Наказание, что было увековечено в Книге законов. Они пересекли океан и прибыли в

Венецию, в древнюю тюрьму, чтобы привести приговор в исполнение.

Мими собираются сжечь.

Шайлер искоса взглянула на Джека.

«Твоя сестра пыталась уничтожить меня! Она хотела, чтобы я умерла! Чтобы меня забрала Серебряная кровь! Как я могу...»

Но она знала, как должна поступить. Это был тот самый знак, которого она ждала все это время. Девушка пристально взглянула в полные тревоги зеленые глаза Джека.

— Ладно, — сказала она, глубоко вздохнув. — Я это сделаю.

ГЛАВА 46

Приговор приводился в исполнение в одной из старинных комнат в глубине Дворца дождей. Все началось с официального объявления вердикта. Мими Форс доставили туда в кандалах. Ее обрядили в черную робу; белокурые волосы были скрыты под капюшоном.

Совет старейшин выстроился около нее полукругом. Глава стражей как раз закончил излагать судебное предписание, когда Лоуренс остановил процедуру.

— По праву Региса я объявляю, что имею основания требовать суда крови, дабы опровергнуть или подтвердить заключение Совета.

— Суда крови? — удивился Эдмунд Эрлих, глава стражей. — Но это невозможно! Или Аллегра пробудилась?

Чарльз Форс, сидевший в переднем ряду рядом с сыном, вскочил со своего места.

— Я поддерживаю ходатайство о суде крови!

— Лоуренс, разумно ли это? О чем ты вообще говоришь? — недоуменно спросила Нэн Катлер.

— Дочь Аллегры, Шайлер ван Ален, вызвалась провести этот ритуал.

И с этими словами Лоуренс велел Шайлер выйти вперед.

— Полукровка?! — взвился Форсайт Ллевеллин. — Я против! Откуда нам знать, что она действительно на это способна?

— Дочь Аллегры? — переспросил еще один старейшина.

— Она наделена силами, намного превосходящими норму, и я уверен, что она сможет справиться с этой задачей.

Члены Совета принялись перешептываться; они отложили казнь и удалились на совещание в другую комнату. Несколько часов спустя они вернулись, и глава стражей провозгласил:

— Ходатайство о проведении суда крови удовлетворено.

Мими и Шайлер отвели в небольшую комнатку рядом с залом

суда. Лоуренс хлопнул внучку по плечу.

— Будь осторожна. И не забывай, что я тебе говорил.

Когда они остались одни, Мими сбросила капюшон и с отвращением взглянула на Шайлер.

— Ты!..

— Я.

— Ты мне не нужна! Я лучше умру!

— Правда? А то ведь другого выбора у тебя нет! — огрызнулась Шайлер.

Мими вспыхнула.

— Это мой брат тебя упросил?

— Да. Можешь считать, что обязана ему жизнью — если, конечно, и вправду окажется, что ты невиновна, — откликнулась Шайлер.

Мими скрестила руки на груди и принялась разглядывать ногти. Наконец она закатила глаза.

— Ладно, давай покончим с этим.

Шайлер приподнялась на цыпочки и коснулась губами шеи Мими. Она погрузила клыки в ее плоть и, как и тогда, с Оливером, перенеслась в прошлое, заглянула в воспоминания Мими, увидела вечер нападения...

Темное подземелье под Хранилищем. Мими и Кингсли, смеющиеся над книгой. Они же внутри пентаграммы. Огонек свечи пляшет, и пляшут тени по каменным стенам.

Мими режет себе запястье, проливает кровь в огонь и произносит слова заклинания.

Но... ничего не происходит.

Мими сделалось дурно, а заклинание не сработало.

Она не сумела собрать в себе достаточно ненависти, чтобы призвать Серебряную кровь.

Однако Мими не потеряла сознание — лишь была дезориентирована. Она видела все разворачивающиеся перед ней

события, но воспоминания о них остались лишь в ее подсознании — потому-то она и не сумела вспомнить их и доказать свою невиновность. Теперь же, во время суда крови Шайлер смогла увидеть то, что произошло на самом деле.

Кингсли выругался и подхватил нож. Он полоснул себя по запястью и сильным низким голосом произнес заклинание вызова.

Земля раскололась, как при землетрясении, и из расщелины вырвалось пламя. Воздух заполнился дымом, и внезапно массивная темная фигура двинулась прямоком к Блисс Ллевеллин, а потом — к Присцилле Дюпон.

В последовавшей за этим всеобщей суматохе Кингсли помог Мими встать и положил руку ей на плечо.

Шайлер почувствовала, как что-то холодное прижалось к тыльной части ее шеи — в точности как тогда почувствовала Мими.

Потом Кингсли вытолкнул Мими из ниши и помчался в Хранилище, где и сделал вид, будто его придавило стеллажом.

Это все сделал Кингсли.

Шайлер с бульканьем поглощала кровь Мими. Она знала, что должна остановиться, но не могла. Она хотела видеть, хотела поглотить все воспоминания Мими. Она увидела и кое-что другое — вечер бала Четырех сотен. Вечеринку после бала, проходившую в Оренсанс-центре. Джека Форса, надевающего ту маску, что была на юноше, целовавшем ее в тот вечер.

Так все-таки это был Джек!

Осознание этого заставило Шайлер ослабить хватку и выпустить Мими. Она высвободила клыки и отступила на шаг. Зов крови был силен: Шайлер терзало искушение выпить Мими полностью, самой сделаться Маделайн Форс, поглотить все ее воспоминания и все ее существо. Но потрясение, которое она испытала при виде Джека в той маске, спасло ее от превращения в мерзость.

Шайлер, шатаясь, прислонилась к стене. Ей было дурно, и она плохо осознавала, что творится вокруг. Мими же потеряла сознание и рухнула в ближайшее кресло.

Придя в себя, Шайлер вернулась к Совету для доклада.

— Мими невиновна, — сказала она и, как учил ее Лоуренс,

вобрала их разумы в свой и показала все, что увидела в памяти крови, послав всем присутствующим в комнате видение Кингсли Мартина, вызывающего Серебряную кровь.

ГЛАВА 47

Мими освободили и отпустили к семье, а Шайлер с дедом остались ждать у входа во Дворец дождей, пока подойдет их катер.

— Они собираются арестовать Мартинов? — спросила Шайлер.

Лоуренс поднял взгляд к небу.

— Да, в их городской дом уже отправлена группа венаторов. Но они там никого не найдут.

— Почему?

— Потому что Мартини к этому моменту исчезнут, — сказал Лоуренс. — Схватить их будет нелегко.

— Ты знал?

— До тех пор, пока ты не прочла правду в памяти крови, — нет. Я подозревал, но не знал. Это не одно и то же.

— Так почему же ты ничего не делал?

— Ничего? — с улыбкой переспросил Лоуренс. — Я спас одну невинную девушку от смерти. Я бы не сказал, что это — «ничего».

— Но тебе следовало послать кого-то к Кингсли...

— Без доказательств я не мог это сделать.

— Но ты ждал — а они ушли.

Лоуренс кивнул.

— Да, они ушли. Но, по крайней мере, мы знаем, что мы на верном пути. Присциллу Дюпон убили не для того, чтобы продемонстрировать их возрастающую силу, а потому, что она почти разгадала, кто в Совете укрывает Серебряную кровь. На самом деле она собиралась предъявить обвинение преступнику, когда произошел тот взрыв.

— Она собиралась назвать имя Мартинов?

— Думаю, да.

— И что же это доказывает?

— Это доказывает, что мы с Корделией были правы все это время.

— Но теперь, когда Мартины скрылись...

— Мартины были не единственными подозреваемыми, — сказал Лоуренс. — Они всего лишь рядовые, пешки, исполняющие веления их господ. Если то, что мне сказала Присцилла, правда, значит, есть другое семейство, все еще скрывающееся во тьме, которое укрывает Серебряную кровь и которое играет ведущую роль в подготовке к возвращению Люцифера.

— И кто это?

— А вот это, Шайлер, мы и должны выяснить.

Шайлер обдумала новые сведения. Мартины раскрыли свои карты, но где-то за сценой по-прежнему сидел кукловод, дергающий за ниточки. Шайлер подумала о тех газетных вырезках, которые Присцилла Дюпон собрала перед смертью.

— Дедушка, а что случилось с Мэгги Стэнфорд? Кто-нибудь это знает?

Лоуренс покачал головой.

—Нет.

Форсы — Чарльз, Джек и Мими — вышли из зала суда вместе. На их лицах было написано облегчение.

Джек подошел к Шайлер.

— Спасибо, — просто произнес он.

«Ты целовал меня», — подумала Шайлер.

Она вспомнила другие его слова, сказанные тем вечером.

« Откуда ты знаешь, что ты его не интересуешь? Ты можешь удивиться».

Знает ли он, что она знает?

Шайлер хотелось коснуться его щеки, снова дотронуться губами до его мягкой кожи, но она видела, с какой злостью смотрит на нее Мими. Хотя Мими Форс и была обязана ей жизнью, это еще не значило, что она собирается в обозримом будущем начать любезничать с Шайлер.

— Не за что, — сказала она Джеку.

К ним присоединился Чарльз.

— Когда мы вернемся в Нью-Йорк, я пришлю своего водителя забрать твои вещи. Мы уже освободили для тебя гостевую спальню. Думаю, она тебе понравится.

— О чем это вы? — спросила Шайлер.

— Да, па, какого черта? — перебила ее Мими.

— Я вижу, твой дедушка не успел упомянуть об этом. — Чарльз мрачно улыбнулся. — Лоуренс, может, ты выиграл главенство над Комитетом, но битву за удочерение выиграл я. Шайлер, суд Красной крови, в своей безграничной мудрости, постановил передать тебя на мое попечение.

— Дедушка!..

— Это правда. Апелляция была отклонена, — сказал Лоуренс, понурившись. — Чарльз, я не представлял, что ты этого добьешься. Прости, Шайлер. Я буду продолжать борьбу, но в настоящий момент ты отправляешься жить с Форсами. Чарльз, незачем присылать кого-то за Шайлер. Я сам ее отвезу.

Мими уставилась на Шайлер с ненавистью, в то время как Джек всего лишь был поражен.

Жить с ними? Они что, спятили?

Шайлер стояла, переводя взгляд с Джека на Мими и обратно. Она осознала, что пережила суд крови лишь для того, чтобы перед ней тут же встало еще более сложное испытание.

ГЛАВА 48

Возвращение в дом мачехи, в «Пентхаус грез», было некоторым разочарованием после того, как с ней носились в клинике доктора Пат. По прошествии нескольких недель Блисс все-таки выписали: все это время за ней наблюдали, проверяя, стабилизировалось ли ее положение и не проявляет ли она признаков извращения. Интересно, чего они от нее ожидали? Что она станет на них бросаться? Или вскрыет себе вены? Медсестры в клинике даже вроде боялись подходить к ней близко, чтобы чего не случилось.

Был первый день «лыжной недели», и при обычных обстоятельствах их семейство сейчас летело бы в Гштаад, но отцу пришлось отправиться по делам Совета в Венецию. Боби Энн полетела с ним — лишь затем, чтобы ударно пройтись по магазинам на виа Кондотти в Риме. Джордан тоже поехала с родителями, поскольку семейство решило, что она еще слишком мала, чтоб оставаться одной. Блисс же, поскольку она еще не до конца поправилась, оставили на попечение домашней прислуги. Во время суда над Мими Блисс была уже дома, но она не сомневалась, что Мими не пострадает. Слишком уж это было соблазнительно — представить себе жизнь без диктаторских замашек Мими Форс; вселенная не настолько добра, чтобы избавить Блисс от Мими.

Блисс, оставшейся в апартаментах в одиночестве, было скучно, и она решила, за неимением лучшего занятия, разобрать свой шкаф. Может, проделать заодно весенний ритуал обновления, как советуют дамские журналы. Как там в них пишут — выбросьте одежду, которую вы не надевали больше двух лет, или ту, которая слишком износилась или стала плохо на вас сидеть. В общем, всякое такое.

Девушка как раз доставала из шкафа старый свитер крупной вязки, когда на пол упала продолговатая, обтянутая бархатом шкатулка и из нее вывалилось ожерелье.

Это оказался тот самый изумруд, она позабыла вернуть его к отцу в сейф после бала Четырех сотен.

Блисс подобрала ожерелье. История, связанная с камнем, до сих пор настораживала ее. Вот уж точно, проклятие Люцифера. Когда она укладывала ожерелье обратно в шкатулку, из-под бархатной

подушечки выскользнула фотокарточка.

Блисс подняла ее и принялась разглядывать. На фотографии был изображен ее отец; в охотничьей куртке и высоких ботинках, молодой и стройный. Рядом с ним — женщина, которую Блисс всегда считала своей матерью. Отец носил выцветшую копию этой фотографии в бумажнике, а эта вот сохранилась лучше. Блисс обратила внимание на длинные белокурые волосы матери и большие, как у оленихи, глаза. Отец всегда говорил, что у Блисс глаза матери. И на фотографии было видно, что глаза у женщины зеленые, как у самой Блисс, подобные изумруду, который девушка держала в руках.

Блисс перевернула фотографию.

Форсайт Ллевеллин и Аллегра ван Ален, 1982 год.

Аллегра ван Ален?! При чем тут мать Шайлер? Это какая-то ошибка. Ее мать звали Шарлотта Поттер. Что все это значит?

Блисс все еще ломала голову над странной надписью, когда послышался звон разбитого стекла. Осколки брызнули девушке под ноги, и Блисс кинулась посмотреть, что случилось.

В углу, дрожа, сжался парень; ноги его были в крови от порезов. На нем была та же самая футболка и джинсы, что и при их последней встрече. Мокрые волосы спутались, но взгляд печальных, виноватых глаз остался прежним.

Дилан! Это действительно был он. Он был жив.

Юноша, тяжело дыша, поднял голову.

Блисс бросилась к нему, так и не выпустив изумруд из рук.

Дилан посмотрел на Блисс, но при виде камня в ее руке вздрогнул, как будто тот причинял ему боль.

— Ты жив! — с радостью воскликнула Блисс. — Ты порезался... дай я тебе помогу!

Дилан покачал головой.

— Не сейчас. Нет времени. Я знаю, кто Серебряная кровь.

23 НОЯБРЯ 1872 ГОДА

ПРОПАВШАЯ НАСЛЕДНИЦА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ

В РЕКЕ

Нью-Йоркская полиция обнаружила тело Мэгги Стэнфорд через два года после того, как было сообщено об исчезновении девушки. Подозревается преступление. Труп найден и исчез снова.

Этим утром в Гудзоне было обнаружено тело хорошо одетой, красивой женщины. Полисмен Чарльз Лэнгфорд наткнулся на тело в шесть утра и доложил о происшествии в десятый участок. Тело достали из воды и отнесли в полицейский участок. На голове и теле обнаружили следы, заставившие полицию предположить, что с женщиной жестоко обращались. У покойной были рыжие волосы и зеленые глаза; она была одета в белое шелковое бальное платье, украшенное розовыми лентами. При попытках установить личность женщины полицейские обнаружили в кармане платья белый льняной носовой платок с инициалами «М. С».

Впоследствии в погибшей опознали Мэгги Стэнфорд, дочь покойного нефтяного барона Тибериуса Стэнфорда и Доротеи Стэнфорд, скончавшейся два месяца назад от помешательства, возникшего в результате исчезновения дочери. Наряд, в котором, как сообщалось, Мэгги Стэнфорд присутствовала на Патрицианском балу в вечер своего исчезновения, совпадает по описанию с платьем, надетым на мертвой женщине. Тело необычайно хорошо сохранилось, не наблюдалось почти никаких признаков разложения.

Труп отправили в больницу для дальнейшего обследования, но, как сообщается, на следующий день он исчез из морга. Полиция по-прежнему безрезультатно бьется над этим странным случаем.

Примечания

1

Скорее! За той девушкой! (ит.).

Чирлидер — танцовщица из команды поддержки при профессиональных спортивных клубах.

3

Сюда только что вошла одна женщина, да?

4

В чем помогли? (ит.).

5

Спать (ит.).

«Зуландер» — комедия 2001 года американского режиссера Б. Стиллера.

Пина колада (правильнее пинья колада) — традиционный карибский алкогольный коктейль, содержащий ром, кокосовое молоко и ананасовый сок.